

Самодержавный «попаданец»

Петр Освободитель

В ВИХРЕ
ВРЕМЁН

Герман РОМАНОВ

НОВЫЙ роман от автора бестселлера «„Попаданец“ на троне»! Наш современник, завладев телом Петра III, подавляет гвардейский мятеж и вправляет вывих истории. Вместо «Золотого века Екатерины» Россия вступает в Стальную эру Петра Освободителя, где не будет ни засилья фаворитов, ни разгула крепостничества, ни крестьянской войны. Емельян Пугачев честно служит в армии, братья Орловы присоединяют Аляску, а Потемкин — Приморье, набирает обороты промышленная революция, спущены на воду первые пароходы, перевооруженная Ломоносовым и Кулибиным русская армия рвется в бой. Пришло время возвращать византийское наследие, пора Двуглавному Орлу распахнуть победные крылья над Царьградом, а Православному Кресту — вновь воссиять над Святой Софией!

- [Герман Романов](#)
 - [ПРОЛОГ](#)
 - [ДЕНЬ ПЕРВЫЙ](#)
 - [ДЕНЬ ВТОРОЙ](#)
 - [ДЕНЬ ТРЕТИЙ](#)
 - [ДЕНЬ ЧЕТВЕРТЫЙ](#)
 - [ДЕНЬ ПЯТЫЙ](#)
 - [ПОСТСКРИПТУМ](#)
-
-

Герман Романов

САМОДЕРЖАВНЫЙ «ПОПАДАНЕЦ»

Петр Освободитель

Автор выражает благодарность за помощь в написании книг иркутскому казаку Александру Татенко, а также иркутскому историку Новикову Павлу Александровичу.

Часть авторского гонорара будет передана на восстановление храма Покрова Пресвятой Богородицы, г. Иркутск.

Ораниенбаум

27 июня 1769 года

— Семь лет прошло... Бог ты мой!

Заходящее солнце отбрасывало розовые отблески на оконные стекла, отражаясь многочисленными «зайчиками» в большом зеркале.

— Ровно семь лет, а все так, будто вчера!

Петр отошел от окна, медленно оглядел комнату — там оставили все так же, как в тот злополучный день, который стал для него новой жизнью. Кровать, балдахин, шкафчики. Мерно отстукивали время большие часы. Стены и потолок отремонтированы — не найти ни малейшего следа копоти от пожара, ни разрушений от попаданий тяжелых ядер, выпущенных из пушек и единого рогов мятежными гвардейцами.

У него до сих пор не укладывалось в голове, каким же образом он, недоучившийся студент-историк, лихо перенесся во времени на двести с лишним лет в прошлое. Вернее, перенеслись душа и разум, а вот тело досталось от императора Петра Федоровича, что был в истории под третьим номером и по совместительству герцогом Голштинским. И тут же грянули четыре суматошных дня — в Петербурге устроила переворот гвардия, возглавляемая его же собственной женой. Те еще были денечки!

— Государь! К вам фельдмаршал Миних!

Петр оглянулся на голос адъютанта, что появился у раскрытой двери. И тут же в спальню тяжелым чеканным шагом вошел рослый и крепкий старик, с вытесанным топором лицом. Предварительного доклада не было — все прошедшие семь лет только этот верный и преданный ему как пес фельдмаршал, известный в русской армии под прозвищем Живодер, имел право вот так просто входить к императору в любое время дня и ночи.

— Здравствуй, мой старый друг! — Петр радостно раскрыл объятия и был тут же сграбастан Минихом. И не скажешь, что старик — кости немного захрустели, настолько крепкими были лапы заслуженного вояки.

— И ты здоров будь, государь!

Фельдмаршал разжал ладони и отошел на шаг назад, взглядом, преисполненным отцовской теплоты, ощупал императора:

— А ты крепок, царь-батюшка! Семь лет назад и силенки у тебя не было, и вроде постарше, морщинки на лице твоим светлом заметны. А сейчас и помолодел, в плечах раздался. И морщин как не бывало. Не скажешь даже, что пятый десяток пошел...

— Да ладно, в смущение еще приведешь, — Петр перебил старика. — Ты на себя глянь в зеркало! Тебе же восемьдесят шесть, а выглядишь намного моложе. Даже чем тогда, в тот день! Лет десять с плеч своих скинул и ничего себе не прибавил!

— Так то от объятий твоих, государь, от дружбы со мной, недостойным. И жена твоя, государыня Екатерина свет Алексеевна, как наследника Александра Петровича родила и принцесс, так совсем девчушкой стала, глазами налюбоваться невозможно. Это от тебя, ваше императорское величество, благодать исходит!

Петр невольно закричал — ему и самому было непонятно, что такое с ним и женой происходит. Хотя догадка имелась, и весомая. Ведь ему, когда он в тело императора попал, было всего 22 года, а Петр Федорович на целую дюжину лет постарше. Вот чудо совершилось, резко омоловив организм. А от него и жене перепало — она ведь троих детей родила. Вот только с Минихом непонятно как — ведь в *той* истории, что знал по учебнику Петр, фельдмаршал

должен был умереть от старости еще в прошлом году...

— Это ты, государь, матушку свою и меня своей благодатью осенил. А народ русский давно тебя почти за святого почитает. И православные, и старой веры приверженцы...

— Полноте, мой старый друг, — Петр несколько бесцеремонно перебил фельдмаршала. Славословия на эту тему он не любил, а потому решительно перевел разговор на другую тему: — Пойдем в кабинет, как тогда. Не люблю под вечер этого дня в спальне находиться. В эту ночь такое происходит...

Петр не договорил, по коже пробежали мурашки — он припомнил подробности той, первой ночи, а потом и второй, когда еще один раз в годовщину «переноса» остался.

— Ваш дед-император зело памятлив, государь! — И без того суровый голос Миниха заметно потяжелел. — Не стоит здесь почивать сегодня.

— Все ночи нормальные, хорошо сплю, особенно когда Като рядом. Но каждый год он сюда приходить обещался...

Голос императора дрогнул — в первую ночь призрак или привидение царя Петра Первого, явившееся из мрака, отлупило его тростью, как шkodливого котенка, и оставило дубовую палку на память.

Ровно через год, стоило еще раз заночевать в этой комнате маленького дворца в Петерштадте, как привидение снова явилось, но на этот раз обошлось без членовредительства.

Однако призрак пообещал приходить этой июньской ночью всю его жизнь. С тех пор Петр уже пять раз сбегал из дворца поздним вечером — ночная встреча с «добрым дедушкой» не входила в его планы.

И жена, и Миних — а только они знали правду — в трусости Петра не упрекнули, наоборот, настоятельно просили покидать малый Ораниенбаумский дворец задолго до полуночи, с закатом солнца.

Вот и сегодня Миних специально приехал, чтобы проследить и вовремя увезти императора в любимый сердцу Петергоф. Лето ведь на дворе — все в Петербурге стараются проводить его в загородных дворцах и имениях, у кого они, понятное дело, есть.

У императорской четы дворцы имелись — большой, частично недостроенный в Петергофе, что в будущем в Петродворец переименован будет, и малый в Ораниенбауме, в шутейной крепостице Петерштадт.

В последнем Петр Федорович жил безвылазно с юношеских времен, и Петр не стал менять его на другое, более комфортабельное и просторное строение. Большой Ораниенбаумский дворец был отдан флоту под кадетский корпус семь лет назад, в признание доблести моряков, отчаянно сражавшихся здесь с мятежными гвардейцами. Самый раз для будущих флотоводцев...

— Пойдем в кабинет, Христофор Антонович, выпьем водочки да побеседуем тихонько! — Петр приобнял фельдмаршала за плечи, ласково направив того к двери. — А там и солнышко сядет, и мы в Петергоф отправимся. Жenuшка ждет — в тягости она, надеюсь, что еще одного сына мне подарит!

— А так и будет, государь! — громко обнадежил Миних, покорно направившись к двери, а Петр последовал за ним и ощутил дежавю — ему на секунду показалось, что в зале их встретит гомон голштинцев и клубы табачного дыма, как в тот день, когда он так же пошел вслед за старым фельдмаршалом. Наваждение тут же схлынуло — их встретил пустой зал, только у лестницы замер часовой, рядом с ним вытянулся адъютант да в поклоне склонился верный арап.

— Нарцисс! Нам закусить на один зуб.

Отдав распоряжение, Петр зашел в кабинет и снова потряс головой — то же самое убранство, шкаф с выдвигаемыми ящиками, в котором он нашел бумаги Катюши, те самые, что спасли ей жизнь, а ему позволили обрести любовь и семью. Это надо было отметить, и

император шагнул к поставцу, достал солидный графинчик водки и щедро плеснул в хрустальные стаканчики.

— Ну что, фельдмаршал, вздрогнули?!

— Можно и выпить, государь!

Тройной очистки водка, вернее, хорошей выделки самогон из сконструированного им же самим аппарата, настоящий на травах, проскочил соколом, сивушного запаха не ощущалось совсем.

— Шнапс зер гут! — пророкотал Миних, совсем по-русски выдохнув воздух. Ему бы еще обшлагом занюхать. А если в фуфайку приодеть — вылитый колхозный механизатор после уборочной.

— Гарная горилка! — согласился Петр, нахватавшийся от графа Разумовского малороссийских словечек. — Нарцисс! Розу тебе в задницу — нам закусить треба, а ты где ходишь?

— Вот, государь!

Арап поставил на стол сервированный поднос. За эти годы камердинер выучил несколько изменившиеся вкусы своего царственного хозяина и всегда держал все нужное под рукою. Хотя и немного было закуски, но доброй, куда там студенческим трапезам в той, почти забытой жизни.

Тонкие пластинки сыра со «слезой», довольно толстые ломтики ветчины, что просто таяла во рту, запеченные в золе яйца под майонезом, холодные вареные раки на блюде, посыпанные зеленью, к ним ломти ржаного хлеба, малосольные тепличные огурчики да неизменный кувшин сока.

— Между первой и второй перерывчик небольшой! — Миних с улыбкой процитировал любимую поговорку императора, пока тот старательно наливал водку в стопки.

— Здрав будь, боярин! — Петр усмехнулся, слова донеслись из *той* жизни, и забытым студенческим способом лихо выцедил водку. Отломил кусочек хлеба, понюхал — ржаной запах начисто перебил водочный дух. А зажевав ветчины, почувствовал себя совсем хорошо.

Из раскрытой коробки достал папиросу с длинным мундштуком, чиркнул спичкой. Закурил, пыхнув дымком, расплылся улыбкой.

— Что-то припомнили? — поинтересовался Миних — сам он был некурящим и табаком не баловался, но к дурной привычке императора относился снисходительно, как к забаве.

— Да так, есть немного, — пожал плечами Петр, и фельдмаршал переспрашивать не стал, уделив свое внимание хлебу с ветчиной.

Улыбку императора вызвала картонная коробка папирос его собственного измышления и производства. У жены оказалась предприимчивая жилка, а иначе переворот бы не устроила семь лет назад, и железная хватка, недаром чистокровная немка Екатерина Алексеевна, или Софья Ангальт-Цербстская, которую домашние звали принцессой Фике. Папиросы носили гордое наименование «гвардейские», картонная нашлапка рисовалась такими же яркими цветами, как те, *прежние*.

Этот бизнес супруги процветал, другого слова и не найдешь. Табак закупали в Англии, изготовление папирос велось в столице. И хотя Петра последний год грызла совесть, что вслед за дедом Россию на это зелье посадил и приохотил, но слишком поздно он это понял — его папиросами в Петербурге дымили все, начиная от знати и гвардейцев и кончая мастеровыми с их узаконенными «перекурами». Зато доходы стали такими, что хватало с избытком на строительство Петергофа и обустройство Зимнего дворца.

Но денег в казне не прибавлялось, несмотря на все старания. Военная реформа, перевооружение армии и флота не только съедали изрядную толику государственного бюджета,

но и наносили ощутимые брешы в его личной кубышке. Экономить приходилось на многом, и зачастую такое шло отнюдь не во вред. Особенно в армии...

На нем и Минихе сейчас была надета новая военная форма, не свойственная этому времени. Где пенистая белизна кружев за сотни рублей, где галстуки с золотыми заколками, украшенные крупными бриллиантами? А золотое шитье с позументами? А шляпы с плюмажами из страусовых перьев, что по стоимости полевой пушке соответствуют?! А точеные ботинки с золотыми пряжками и чулками лучшего шелка?!

Их сменили строгие и непривычные мундиры темно-зеленого сукна с добрыми, но неказистыми на вид сапогами. Золотое шитье лишь на обшлагах и воротнике, и то у генералов. Офицерам полагалось серебряное шитье. Ну и галунные эполеты, конечно. Вместо дорогих шляп дешевые кожаные каски с железными вставками. Практично, в бою голову защитят от сабли или осколка, и красивые — мишура женой подобрана со вкусом.

И пусть амуниция резала глаз знатным и богатым, зато новое обмундирование оказалось чуть ли не на порядок дешевле и, главное, гораздо более приспособленным и к походам, и к реалиям боя, а не только к парадам и праздникам.

Дабы дворянство в излишество и траты не входило, Петр издал строжайший указ — всем, находящимся на военной службе, носить форменное платье постоянно, а кто ослушается и честью государственной пренебрежет — увольнять без промедления. Пусть дома халаты носят, но на глаза не показываются. Дураков в армии почти не нашлось — все знали мнение императора о лентяях и бездельниках, а также суровость к ним отношения.

Иностранные послы, сиречь официальные шпионы, практичности нововведений пока не осознали, и Петр со смешками читал перлюстрированные в «черном кабинете» их письма и депеши.

Иноземцы красочно описывали его скупое на праздники и веселье царствование. Иной раз проскальзывало осуждение императора в скаредности, особенно доставалось Като за скромность двора. Еще бы — жена чисто по-немецки была бережливой.

Он поначалу недоумевал — ведь в исторических трудах постоянно писалось чуть ли не о мотовстве Екатерины Великой, которая сверх меры одаряла своих любовников и вельмож. Но вскоре, хорошо изучив характер жены, понял — она просто от них откупалась, непрочно чувствуя себя на престоле. Сейчас, ощутив защиту крепкого плеча мужа, усвоив его отношение к казенным тратам, Като крепко взяла дворцовое хозяйство в свои руки.

Петр усмехнулся — пусть иностранцы блещут остроумием, делают умозаключения о скупости императорской четы и скудности российских финансов, зато возросшие доходы государства и обширная программа перевооружения остались ими практически не замеченными...

— Государь! В последние дни чело твое пасмурным изволит быть! С чего это, ваше величество? Что тревожит твое сердце? — Голос фельдмаршала с барабанным грохотом ворвался в размышления Петра.

— Не готовы мы к большой войне, фельдмаршал, пока не готовы! Нам бы еще пару лет оттянуть, новых ружей маловато. Флот только строить начали, пушки лить. Набор рекрутов по «положению» только как два года берем, резервистов пока нет и долго не предвидится. Нужно еще годика три мира! Эх-ма! Как бы опять на те же грабли не наступить!

Миних недоуменно посмотрел на императора, но тот не соизволил пуститься в объяснения. И было отчего — Петр прекрасно знал, как ввалилась Россия в русско-турецкую войну 1877–1878 годов. Военная реформа не закончена, запаса резервистов нет, новых «берданок» не хватает, а флот на Черном море напрочь отсутствует. Но у Александра Второго хоть десять с лишним лет было на подготовку, и его вина, что время так бездарно потратили.

Сейчас та же катавасия — нарезных фузей и барабанных штуцеров Кулибина едва на четверть солдат сделали, остальные вооружены «гладкостволами». Воинская повинность в позапрошлом году введена и лишь на государственных крестьян — шесть лет службы и столько же в резерве. Так что запас лет через десять накопится, никак не раньше. Флот только усиливаться начал — на Балтике семь новых линейных кораблей построили, еще два десятка на стапелях, да на Днепре и Дону старые верфи на полную мощь запущены, но линкоров на них не построить — устья рек мелководны...

— Ничего. Оттянем войну еще на пару лет, раз ты этого желаешь. А там с Божьей милостью одолеем османов...

— Пословица такая есть, — Петр перебил старика. — На Бога надейся, а сам не плошай. Войну мы и так на девять месяцев уже оттянули, поверь, я это знаю. Хотя нам это стоит уже чуть ли не двести тысяч золотом, а казна ведь не бездонная, фельдмаршал. За эти деньги мы могли дивизию снарядить полностью да пару лет ее содержать. И нашего добра в Константинополь всякого ушло — мехов, украшений и прочего!

— Туркам сколько бакшиша ни дашь, им все мало! — прогудел Миних. — Бить их надобно, крепко бить!

— Да разве я против?! Вот только в Польше заматня пошла, стоит нам там увязнуть, пиши пропало. Король Фридрих на Восточную Пруссию зубы давно точит, вернуть назад свою вотчину желает. Датчане на мой Гольштейн посягнуть хотят. Цезарцы, австрийский императорский двор, не к ночи будь помянут, сукины дети, спят и видят, как бы нам половчее сопатку начистить. Чуешь, чем дело пахнет?!

— Неладно получится, если война с османами пойдет долгая. Тогда нас в другой бок ударить могут. Что делать-то будем, государь?

— Думать, Антонович, крепко думать. Давай еще по стаканчику жахнем да собираться будем. К жене пора ехать, не хочу этой ночью здесь спать!

Петр быстро наполнил стопки, и они дружно выпили, крикнув от удовольствия. Нацелились серебряными вилками и вонзили их в приглянувшуюся закуску — император наколол соленый огурчик в мизинец размером, а фельдмаршал обрушился всей мощью великолепно сохранившихся для его почтенного возраста зубов на ломоть буженины.

— Хорошо пошла!

Петр захрустел огурчиком и извлек из пачки папиросу. Задымил и стал снова прокручивать в мозгу события. История уже изменилась — война с турками должна была начаться еще в прошлом году, но пока на юге стоит тишь да благодать, хотя армия Румянцева полностью сосредоточилась всей своей силой в семьдесят тысяч штыков и сабель.

Эскадра на Балтике тоже готова к войне, недаром носит название «обшивной». Новые корабли строили с медной обшивкой, чтобы в теплом Средиземном море черви днища не погрызли. Одно плохо — запаздывание, и это при том, что почти десять месяцев выиграли...

— Никак случилось что, государь?! — Голос Миниха вывел его из размышлений. Фельдмаршал стоял у открытого окна и смотрел во двор, а там кипела нездоровая суeta, судя по звукам и ржанию коней.

Петр стал рядом и выглянул — четверо верховых уже спешили. Трое в новых мундирах конной гвардии, а четвертый, еле державшийся на ногах, пропылился так, что не разобрать, какого цвета на нем одежда — все серого или грязного, что не меняет сути.

— Гонец, твою мать! — В сердце неприятно защемило, и Петр облегчил душу бранным словом.

— Умаялся, сердечный, недели две в седле провел, никак не меньше. С юга, наверное, прискакал? — задумчиво прищурившись, произнес Миних. Не прошло десятка секунд, как

дверь в комнату распахнулась во всю ширь, и адъютант громко доложил:

— От генерал-аншефа Румянцева поручик князь Одоевский с пакетом!

Конногвардейцы буквально внесли обвисшего у них на руках офицера, потерявшего все силы. Но перед императором тот кое-как выпрямился, встал на раскоряку, шатаясь, впился красными, как у кролика, глазами:

— Ваше императорское величество! Пакет от... Кх... Генерала Румянцева!

Офицер закашлялся, вытер обшлагом потрескавшиеся губы, запустил руку под расстегнутый мундир и извлек сверток, завернутый в кожу. Весьма предусмотрительно, иначе бы пот или дождь повредили бы письмо.

Петр взял пакет, но разворачивать не стал, а требовательно впился глазами в смертельно уставшего офицера:

— Что случилось?!

— Посла Обрезкова и всю русскую свиту турки посадили в Семибашенный замок, ваше величество!

— Это война, государь! — Голос Миниха звучал глухо, с прорезавшимся рычанием. — Османы так ее объявляют!

— Понятно!

Петр неожиданно почувствовал полное спокойствие, тревожное напряжение, терзавшее его целых две недели, схлынуло.

— Благодарю за службу, капитан! — Он мигнул конногвардейцам, которые тут же подхватили гонца и вынесли его из кабинета. Бедолага так устал, что даже не сообразил, что император произвел его в следующий чин.

Петр задумчиво прошелся по кабинету — на память неожиданно пришли слова Екатерины Алексеевны, которые она сказала, когда эта война началась. Но их жена уже не произнесет, ибо первое слово остается за ним, ее мужем и императором.

— Ну что ж! Мы им зададим звону, и такого, которого они не ожидают!

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ

27 июня 1770 года

Ларга

— Ты что сказал, петух голштинский?!

Крепкий детина схватил двузубую длинную вилку. Глаза красные, кровью налитые — злоба и ненависть в них так и клокочат, кипят, вот-вот выплеснутся.

Петр остолбенел от удивления, а когда огляделся, окаменел. Это была та же комната, как в том первом сне, — те самые ражие гвардейцы, Алехан рядышком свои пудовые кулаки в нетерпении сжимает, князь Барятинский целехонек, только гнусная морда будто темной пленкой подернута. Но цел, отравитель клятый, руки-ноги на месте, а ведь сам зрел, как его четвертовали, собаку.

Тот же стол, обильно накрытый закусками и выпивкой, знакомая до боли обстановка. Душа сразу завопила в панике — тикай, братец, сейчас тебя убивать будут.

«Дежавю!» — молнией пронеслась в голове мысль. Но как же так — уснул в шатре, на берегу реки Ларги, где русские войска погромили турок, а проснулся в Ораниенбауме, восемью годами раньше, день в день, когда он был выдернут из двадцатого века и очутился на двести двадцать лет раньше, в теле императора Петра Федоровича.

«Шо, опять по новой началось?! — Петр искренне удивился. — Что же это колдунья творит? Или сон? Или явь? Надо проверить!»

Но как?

Петр сделал усилие и попытался проснуться, но не тут-то было. Ничего не изменилось, тот же перегар со спины, там переступают с ноги на ногу двое убийц, что прошлый раз его схватили, не дали уйти.

«Твою мать! Так что же это такое делается?!» — вскрикнул Петр, но губы его не разомкнулись, он не смог издать ни звука.

— Ну что, петух голштинский?! Ничего сказать мне не хочешь? Тогда я тебе скажу, падло!

Барятинский встал, продолжая сжимать в руке вилку. Глаза светились багровым пламенем, как у вампира.

Делать было нечего, пора было начинать драку, как в прошлый раз. И Петр стремительно дернулся.

«Что же ты делаешь, ведьма?!!»

Тело не послушалось его, оно действительно окаменело. Душа и разум одновременно завопили, объятые смертельным ужасом. Он понял, что сейчас произойдет, и крохотная искра сознания в голове забилась, как пойманный мотылек в стеклянной банке.

Проснуться! Проснуться!

Сидящий рядом Алехан неожиданно выбросил огромные лапищи и схватил его за глотку. Чудовищная боль ослепила Петра.

— Като тебе не поможет, не надейся!

Хриплый смех силача был загашен в сознании новым чудовищным приступом боли. Боль и свет... Свет и боль...

— Твою мать! Ну, Алехан, ну, сучий сын!!!

Пробуждение было ужасным, Петр ударился обо что-то твердое и, протолкнув комок в горле, застонал.

Свет в глазах не померк, и он с затаенным страхом открыл их. Невероятное облегчение

мгновенно лишило его сил — знакомое полотнище шатра, эфес дедовского «подарка» рядом, только протяни руку, и сверкнет острая сталь, что защитит и даст победу.

— Слава Богу! А то никаких нервов не хватит...

Петр первым делом, соскочив с походной койки, распахнул рубаху и глянул на тело — кровавых пятнышек не было. В отличие от первого раза это было не явью, наваждением, мороком, кошмарным сном. Но пережитый ночной ужас его изрядно напугал — не иначе как колдунья тогда его не посчитала нужным предупредить. Она ведь говорила о пяти вещих снах, но не предупреждала о кошмарах.

Странное дело — ведь он исколесил всю страну, спал где угодно, все хорошо. Но четыре дня конца июня и первый день июля каждого года всегда приводили его в страх. Стоило ему раз уснуть без Като под боком, как семь лет назад явился «добрый дедушка»...

С той ночи Петр спал всегда исключительно с женой, и ничего, хорошо спалось, без кошмаров и кровавых мальчиков в глазах. А тут?! Первый раз без Катеньки — и началось. Словно чувствовал, не хотел без нее ехать, но как жену на войну тащить?! Младшему сыну года нет, да и столицу с министрами под приглядом держать нужно.

Петр всхлипнул в отчаянии:

— Катюша, как без тебя плохо!

Хиос

Палуба 78-пушечного линкора «Москва» ощутимо подрагивала, корабль ходко скользил по лазурной глади Эгейского моря. На корме лениво трепыхался белый флаг с Андреевским крестом. Дул легкий ветерок, но рукотворной морской крепости и такого было достаточно, небо над кораблем словно укуталось надутыми белыми полотнищами парусов.

Вице-адмирал Григорий Андреевич Спиридов молча стоял на шкафуте, твердо уперев ноги в палубу. Хоть и не адмиральское здесь место, для того есть шканцы, но сейчас дело было в ином — он пристально смотрел на громаду далекого острова, отделенного от материка нешироким проливом. Даже без подозрной трубы можно было хорошо разглядеть тонкие, как спички, многочисленные мачты кораблей с распушенными парусами.

Турецкий флот, судя по всему, превосходил его эскадру раза в полтора, если не в два, но чтоб уйти сейчас от боя, эта мысль даже не пришла Спиридову в голову. Сегодня разразится долгожданная баталия, которую старый адмирал ожидал с некоторым волнением, будто снова стал молоденьким юнгой, впервые поднявшимся на палубу своего первого в жизни корабля.

Адмирал прижал подозрную трубу к правому глазу, прищулив левый — русские линкоры плыли четко, полностью соблюдая заблаговременно разработанный боевой порядок.

В авангарде под вымпелом капитан-командора Грейга головным шел «Санкт-Петербург», сразу за ним поспешали «Тверь», «Великий Новгород» и «Псков». Потом тянулась кордебаталия в составе пяти линкоров — «Москвы», «Владимира», «Суздаля», «Нижнего Новгорода» и «Ярославля».

Адмирал повернулся к корме — от них, отстав на добрую милю, арьергард контр-адмирала Чичагова из «Кенигсберга», «Риги», «Архангельска» и «Вологды» торопился сократить расстояние.

Спиридов усмехнулся — схватка предстояла добрая, у османов численный перевес, только вряд ли турки предполагают, какими сюрпризами обладают русские. А их было немало — недаром эскадра носила название «обшивной», специально подготовленной к плаванию в теплых водах.

Пять лет назад два фрегата под Андреевским флагом прошли по Средиземному морю, с дальним прицелом присматривая арену будущих морских баталий, — в Петербурге сам

император Петр Федорович особо напутствовал экипажи, нисколько не сомневаясь в будущей войне с турками. А потому на основании опыта, полученного от этой разведки, днища всех русских кораблей стали дополнительно обшивать медными листами, дабы черви и теплые воды не привели их раньше срока в негодность.

«Города» адмирала Спиридова являлись кораблями новой постройки, они создавались по одному типу, по модели третьего опытного линкора — два первых показали ходовые качества, не совсем приемлемые для русского флота.

Их приземистые серые корпуса поначалу резали глаз морякам — «худые», вытянутые, с тремя батарейными палубами, они не имели привычных приподнятых юта с баком, да и кормовые галереи были у них без всяких излишеств и фальшивого золочения. Линкоры не радовали взгляд, но сразу вызывали опаску — слишком хищный и грозный вид имели. И неспроста...

— Видишь «единорог» отлит? По нему наша пушка и называется. А насечка якоря рядом говорит о том, что он морской, на суше таких нет! — Седоусый канонир громко хлопнул узловатой ладонью по короткому, но толстому медному стволу.

Несколько молоденьких новобранцев из недавнего пополнения морейскими греками, в еще толком не обмятых новеньких мундирах морской пехоты, разинув рот, слушали бывалого моряка, понимая русские слова с пятого на десятое.

— Вы только, православные, под ноги не суйтесь, как пальба начнется, мешать нам не надо! А вот ежели на абордаж свалимся, тогда и ваша очередь настанет. Понятно?

Греки дружно закивали головами, а Спиридов, внимательно прислушивавшийся к разговору, снова усмехнулся. Это короткое орудие стали делать всего три года тому назад, спешно отливая в больших количествах. Вес ядра у них в 36 фунтов, как и у других пушек, больших или малых, что стояли на нижних и верхних батарейных палубах, или деках, как их называли.

— Единый калибр великую в себе пользу и мощь несет! — пробормотал адмирал запомнившиеся ему слова императора Петра Федоровича.

Пару лет тому назад он сам недоумевал, как и другие моряки: на вооружении всех новых линкоров только 36-фунтовые орудия вместо 30-фунтовых, кои ввел еще дед нынешнего императора, царь Петр Алексеевич.

На русском флоте уже привыкли к тому, что для лучшей остойчивости пушки располагали в деках по весу — внизу самые тяжелые в 30 фунтов, потом в 18–24, а на шкафутеверху самые легкие, в 8–12 фунтов. Но теперь все орудия стреляют чуть ли не пудовыми ядрами, даже это короткое чудовище. Пусть оно бьет всего на полмили, что втрое меньше обычной пушки, зато весит вместе с лафетом, как «двенадцатифунтовка», и перезаряжают его в два раза быстрее. Потому бортовой залп стал просто сокрушительным, мощнее даже, чем у новых стопушечных английских кораблей.

— Нам бы только поближе к османам подойти и в упор дать залп! Поднять сигнал — гнать на неприятеля!

Адмирал снова прижал подзорную трубу к глазу — турецкие корабли медленно вырастали на горизонте...

Бендеры

— Государь повелел взять Бендеры к годовщине Полтавской баталии, господа. И мы возьмем их сегодня! Хватит возиться у стен, мы и так тут ядер и бомб извели тучу! Вы знаете, что сказал Петр Федорович в своем письме, что я получил от него вчера?

Генерал-аншеф князь Василий Михайлович Долгоруков в раздражении топнул ногой и

посмотрел тяжелым взором на собравшихся в шатре генералов. Те молчали, некоторые пристыженно отводили глаза.

Месяц ожесточенной бомбардировки турецкой крепости не дал значимых результатов. Да, город пылал — «греческого огня» не пожалели, ретраншемент и предместье заняли, стены цитадели зияли большими проломами, — но турки держались, ожесточенно сражаясь, и чуть ли не каждую ночь устраивали вылазки.

Штурмовать крепость император категорически запрещал, требуя всячески беречь солдат, пока под стену не будет проложен саперами подкоп и подготовлен фугас. Все было так до вчерашнего дня — и вот государь Петр Федорович дал свое «добро». Но в каких словах?!

— Бендеры не Троя, чтоб десять лет их осаждать! Вот что сказал благоверный государь-император. А потому, господа генералы, взрыв будет через два часа! Войска готовы, и теперь все зависит от нас самих! Помните — большие потери его императорское величество нам не простит! После штурма мы должны немедленно идти на соединение с армией — турки перешли Дунай, и их авангард наступает вдоль Кагула. Генеральная баталия неминуема, и мы должны к ней успеть!

Командующий осадным корпусом грозным взором обвел посуровевших от известия генералов и заговорил чуть смягчившимся тоном, видя, что те «прониклись», и теперь требовалось их подбодрить.

— Первыми идут гренадеры и охотники-казаки. Их поддерживают легкие пушки. Дома разрушать артиллерийским огнем и лишь потом идти на штурм. Заграждения разбирают саперы, пехота их прикрывает. Егерей в бой не бросать — это резерв на крайний случай.

Князь остановился, тяжело вздохнул и снова прошелся по шатру, крепко сцепив пальцы за спиной.

— Как только войска ворвутся в крепость, кавалерия должна двигаться ускоренным маршем, без всяких проволочек, к императору Петру Федоровичу. Все, господа. Помните — судьба войны в ваших руках, мы должны прийти на помощь армии! К делу!

Долгоруков взмахом руки отпустил собравшихся, и те чинно вышли из шатра, придерживая шпаги и пропуская друг друга. Василий Михайлович присел на раскладной стульчик и положил кулаки на походный столик, насупился, хмуро сдвинув брови.

Выволочка от императора Петра Федоровича целиком заслуженна. Саперы слишком долго копали подкоп, были изрядные опасения, что турки ведут контрмину. Для того еще два ложных рыли, и вроде удалось запутать османов. Но время, время!

На целую седмицу задержались, а турки — вот они, после Ларги пришли в себя. У Исакии визирь собрал разбежавшихся и сам с янычарами перешел в наступление. Тут бы и им от взятых Бендер подойти, да только здесь провошались!

Нет, подвести императора он не имеет права — князь ожесточился сам на себя сердцем. Прошло тридцать пять лет, когда он мальчишкой, под именем Васьки Михайлова, простым солдатом, поднялся первым на Перекопский вал, который преграждал русским дорогу в разбойничий Крым, и получил от фельдмаршала Миниха, который сейчас с корпусом осаждает Очаков, заветный офицерский шарф.

Василий Михайлович усмехнулся — жестокая царица Анна Иоанновна, почувствовав силы и разорвав «кондиции», подписанные по настоянию Верховного тайного совета, расправилась с родом Долгоруковых, что пытались ограничить ее власть. Его самого, десятилетнего мальчишку, отдали в солдаты навечно, повелев никогда не учить грамоте.

Он пять лет честно тянул суровую солдатскую лямку, но выручил случай. Перед штурмом Перекопа фельдмаршал Миних объявил по всей армии, что солдат, первым взойшедший на вал, станет немедленно офицером.

И он тогда смог, чудом избежав смерти — янычары дрались с отчаянием обреченных. А Миних, когда узнал, кто такой Васька Михайлов, не отказался от обещания и пошел против воли царицы, буркнув — «я слово армии дал». Анна Иоанновна, узнав о том, решение фельдмаршала отменять не стала — ведь русские в Крым ворвались, радость-то какая! Просто закрыла глаза на такое вопиющее нарушение своего указа.

Василий Михайлович встал со стула и решительно сжал зубы — он волновался сейчас так же, как тогда, будучи мальчишкой, сжимая в руках тяжелую фузею и карабкаясь на крепостной вал...

Юконский острог

Солнце порядком припекало, щедро освещая достаточно широкую, заросшую тайгой по склонам долину ярким желтым светом. Северное лето короткое, но очень жаркое, природа как бы торопится набрать за короткие три месяца все тепло, чтобы пережить долгую и мучительную зиму с ее лютой стужей и пронизывающим до костей ветром.

Недаром северяне часто приговаривают — «у нас двенадцать месяцев зима, а остальное лето». Юмор своеобразный, конечно, но в каждой шутке есть доля шутки — поскреби немного, и во всей неприкрытой красе истина наружу вывалится.

Это как пожилая ветреница — вроде ничего, и личико, и фигурка, но стоит смыть толстый слой румян и пудры, так совсем иное увидишь. Так и на севере две зимы — одна холодная, а другая ну просто жутко холодная. Жить невозможно... Но живут же люди!

Так и в этой затерянной долине теплилась жизнь. Впрочем, это по мнению избалованных столичных петербуржцев. А по меркам Петропавловска, что на Камчатке, в противоположном конце раскинувшейся Российской империи, жизнь в Юконском остроге, что был затерян в горных дебрях еще более дальней Аляски, или Русской Америки, как ее стали называть с прошлого года, бурлила ключом, словно в долине гейзеров.

Четыре бревенчатых сруба с окошками, затянутыми какой-то мутной пленкой, с крышами из деревянных пластин, прижимались со всех сторон к небольшой часовенке, на луковке которой высился православный крест. Крепкий, с бойницами, частокол из заостренных бревнышек окружал поселение, добротные тесаные ворота из плах были надежной преградой не только для стрел, но и для ружейных пуль.

С краю возвышалась бревенчатая караульная вышка, на крыше которой трепыхался флаг в три горизонтальные полосы — белую, синюю и красную. Там, судя по редким бликам, стоял дозорный с фузеей. Именно на полированном стволе ружья играли солнечные лучи.

На берегу неширокой, но бурной и норовистой речки несколько женщин в индейских парках полоскали белье, старательно колотя им по камням. Под навесом у сложенной летней печи тоже копошились две индианки — одна помешивала что-то в бурлящем на очаге котле, а вторая старательно месила тесто — серое, с какими-то вкраплениями, невкусное даже на вид.

Впрочем, жители острога имели на этот счет совершенно иное мнение — хлеб на севере чудовищно дорог, как и вся еда, что не бегаёт по тайге, не плещет плавниками в ледяных речках или не растет в виде грибов, ягод и корней.

По селению носились детишки — рожицами чистые туземцы, зато одетые хоть в многократно чиненную и перелицованную, но европейскую одежду. Так же был обряжен и здоровый крепкий мужик с широкими плечами, лет тридцати пяти, с выдубленным морозами и лишениями лицом.

На таежный гнус он не обращал никакого внимания — лицо и тело уже несколько лет не реагировали на укусы, но поначалу оплывали, как у любого человека. Привык-с, судари мои.

А ведь еще восемь лет тому назад он был в зените петербургского небосвода — любовник

императрицы Екатерины, любимец гвардии. И если переворот завершился бы удачей, Григорий Орлов стал бы некоронованным правителем России...

Но что было, то было — он ни о чем не жалел. Новая жизнь оказалась не менее интересной и насыщенной и более откровенной — когда на удар отвечают ударом, а не интригами, клеветой или ядом.

Это настоящая мужская доля, и никто здесь над ним не властен — столица с ее чиновниками слишком далеко, за год добраться можно, если сильно повезет, а так за три. Да и любая чернильная или трусливая душонка здесь просто не выживет. Этот суровый край только для сильных духом, коим и предназначено им владеть, ибо такое *богатство* на блюде никто не принесет, его добыть надо. С кровью...

Орлов занимался колкой дранки — деревянной черепицы, лихо и ровно оттесывая пластинки от толстых чурок. Дома-то крыть надо — дожди зарядят, худо будет, за зиму крыши подлатать нужно.

Хрясь! Деревяшка отлетела в сторону, ближе к куче таких же пластин. У мужика был глаз-алмаз, дранка имела в толщину дюйм, не больше, но и не меньше, так, плюс-минус одна линия.

Орлов поднял голову и внимательно осмотрелся цепким взором. Это был взгляд хозяина и бывалого воина — все ли в порядке, заняты ли делом жители острожка, никто не лентяйничает? Не подкрадывается ли враг? Последнее являлось отнюдь не лишней предосторожностью — рядом к чуркам была приставлена длинноствольная фузея и перевязь с двумя пистолетами.

Громкий свист с караульной вышки прервал работу, и Григорий вскинул голову. Так и есть — с сопки был виден нестерпимо яркий блеск: это еще один караульный подавал сигнал зеркальцем, поймав солнечный луч. Такой сигнал был обговорен и означал, что к острогу идут свои с караваном. А будь враги, пальнули бы из фузеи...

— Никак братец Алешенька пожаловал! — пробормотал Григорий и воткнул топор в чурку. — Давно пора, год уже не виделись. Заждались!

Ларга

— Ваше величество! Извольте отпить кофею!

Нарцисс дожидался его пробуждения, услышав, что повелитель встал с походной койки, тут же занес горячий, с пылу с жару от долгого стояния на раскаленных углях кофейник.

Чашка горячего напитка взбодрила Петра, прогнала остатки сна, а папироса окончательно привела в рабочее состояние, но вот настроение нельзя было назвать благодушным.

«Если б Алехана и прочих убийц я тогда прирезать приказал, то сейчас бы не мучился, ибо Федьку Барятинского четвертовали за яд подсыпанный, вот во сне он и иной. Может, остальных четверых с Аляски как-нибудь выманить и того... По первой категории оформить?» От перспективы спокойного сна без мучающих кошмаров Петр повеселел, но тут же себя одернул.

«Это я не подумавши брякнул. В той истории наши чуть ли не через тридцать лет первый храм на Кадьяке построили и Алеутские острова под руку подвели. Потом еще полвека Аляску осваивали да в Калифорнии форт Росс основали, на Гавайи нацелились, но отступили — косточка-то не по горлышку. А в 1867 году земли за бесценок продали, а янкесы золотишко нашли и все расходы махом окупил. А почему сие вышло? Да потому, что царям и министрам плевать было — слишком далек тот край. Я такой дури не сделаю, чтоб мои потомки и пяди русской земли не продали!» Петр налил еще чашечку кофе и закурил вторую папиросу.

Мысли текли неторопливо — он уже привык думать основательно. С Орловыми получилось как нельзя лучше. Братья взялись за дело резво — в июле, сразу после неудачного мятежа, они уже отбыли из столицы, бросив сборы обоза на раненого Алехана.

В апреле следующего года они уже свирепствовали в Охотске, нахрапом взяв, используя

царскую подорожную, два суденышка, и отплыли на Алеуты — там в сентябре заложили крепость Петровскую на острове Кадьяк, построили церковь.

С аборигенами проблемы мигом уладили: и напугали их капитально, и подарками одарили. В энергии и напоре им не откажешь, любых испанских конкистадоров в этом переплюнули. Всех русских промышленников махом под себя приспособили, те сейчас даже пикнуть боятся. Еще бы — гвардейцы, государевы люди, самым императором обласканы. Правда, мало кто ведал, какова была «царская ласка», а сами братья благоразумно не уточняли.

Зато уже через три года Орловы высадились на материке, начали продвижение вглубь, к Юкону. Он сам им перед дорогой подарок сделал: память просто фотографически выдала карту Аляски и все, что он знал, — ведь написал курсовую работу в институте именно про освоение Русской Америки. И месторождения золота указал да пояснил, что тайну эту великую ему один англичанин выдал...

Петр выругался сквозь зубы: баловство с ассигнациями он прикрыл, зато ввел золотой империал в десять рублей весом в полноценную английскую унцию — с дальним прицелом делал, чтоб уважали рубль во всех странах и на континентах.

Золота не хватало катастрофически, хотя Витимские прииски иркутские власти начали разрабатывать на век с лишним раньше. Первые сто пудов в прошлом году получены, но это капля в море. Рентабельность минус сорок процентов. Только это пока — лет через десять по триста-четыре пудов добывать будут, тогда и доход пойдет. Но что делать, когда легкие участки старатели выгребут?

Амурские прииски недосыгаемы — сто лет назад казаки с Албазина ушли под давлением китайцев. Зато теперь в Сретенске, на Шилке, Григорий Потемкин — если у этого циклопа получится, то вместо Таврического станет князем Амурским, лишь бы до золота добрался.

На Колыме сейчас тоже драгоценный металл ищут — у Петра в той, прежней жизни парень в группе был, много о магаданских приисках рассказывал, у него отец там горбатился. Пришлось припоминать услышанное да распоряжение отдать нужное.

И все — хорошо, что на Алтае серебряные рудники наконец заработали, пять лет пришлось ожидать. Зато серебро потекло полновесной рекой — с пуда пятьсот рублей отчеканить можно, в прошлом году уже за десять тысяч пудов добыча перевалила. Доход попер...

Петр встал — тихо помолился на походный складень, а мысли были насквозь мирские, о презренном металле. Война пожирала уйму ресурсов, но и приобретения могли быть немалые, со временем сторицей окупятся. Но то будет в будущем, а деньги нужны сейчас.

Золотые и серебряные прииски он отписал все в личную казну — кабинетные земли, царская собственность. На переселение народа деньги бешеные идут, особенно на мореплавание. Четыре корабля на Камчатку из Петербурга отправили — один только дошел, остальные сгинули в пучине, но разом завез втрое больше добра, чем через всю Сибирь за три года возами тащили.

Теперь он это растраниживание казны запретил — доставка грузов на Дальний Восток будет осуществляться лишь кораблями из Петербурга и Архангельска, и в этом августе, несмотря на войну, еще несколько кораблей уйдут на Дальний Восток.

«Кругосветки», таким образом, хоть и на половину земного шара, начались за сорок лет до Крузенштерна с Лисянским и лишь в один конец, там, на Тихом океане, корабли и останутся, будут служить, пока не протрухлявят. А потом один путь — в разборку, железа и материалов всяких в них много, все в дело приспособят.

Гонять обратно лоханки незачем — не стоит оно того. Золото и пушнину, а более везти из Сибири нечего, разве чай, можно и обозами до столицы отправить, надежнее, и казаки для охраны по всему тракту живут. Не стоит рисковать обратным рейсом, да и нужды нет и тем паче

пользы.

Экипажи из матросов-рекрутов, что на 15 лет службы взяты, население увеличат. На безрыбье, вернее, крайнем недостатке русских женщин, на местных переженятся, хозяйством обростут, детей понарожают — и некуда им уезжать, родиной Аляска с Камчаткой станет.

Хотя дороговатым такое переселение для казны выйдет. Корабли, ладно, расходный материал. Русских мореплавателей, капитанов почти нет, англичан и голландцев приходится нанимать. Но это пока, вскоре и собственные кадры подрастут...

Петр усмехнулся — жалуется на нехватку золота, а на одних Алеутах сорок тысяч шкурок морских бобров, песцов и прочих пушных добыли. На три миллиона в Китай продали. Много «мягкой рухляди» с инородцев собрали и в Азии, тоже в Китай и Европу ушло. Два миллиона чистого дохода в казну отслюнявили — вот вам и «мягкое золото». И еще больше будет — если не скупиться и твердое государственное начало придать.

Потому Орловы на своем месте находятся — в отличие от купцов братья к державной пользе стремятся, как и сотни других гвардейцев, что за Урал сосланы. Они и культуру в тех диких местах поднимут — зачем такими людьми разбрасываться, если они пользу великую приносят.

— И хрен со сном! Один раз в году можно помучиться! Потерпеть во благо России! — Петр искренне рассмеялся...

Хиос

— Два румба вправо, начинаем сваливаться! Дать ракеты!

Капитан-командор Самуил Карлович Грейг отдавал команды звучным поставленным голосом, как и все просмоленные на палубах офицеры. Еще бы, глотка была у него луженой, а иначе команду в бою или в шторме матросы просто не услышат.

За спиной вскоре послышалось знакомое шипение, и в небо взметнулись две красные «шутихи», знакомые всем по праздничным фейерверкам в столице или Петергофе.

Но там они служат для праздников и увеселений, а для него самого было делом удивительным, когда государь Петр Федорович в позапрошлом году предложил их использовать для подачи команд.

Вначале было непривычно — красные ракеты означали поворот вправо, зеленые — в левую сторону, а количество ракет соответствовало румбу. Вскоре, впрочем, все капитаны и адмиралы оценили царское нововведение, ведь иногда сигнальщики могли или не заметить сигнал флагамена, или неправильно истолковать его.

В сумерках вообще командовали как бог на душу положит, в лучшем случае ориентируясь по фонарям. Недаром корабли целый месяц в заливе между Котлином и столицей маневры устраивали под внимательным оком императора. Грейг тогда особенно остро ощутил, что дух великого царя, самозабвенно любившего флот, полностью перешел в его внука...

Турецкие корабли, вытянувшиеся в очень длинную, на несколько миль, линию, вырастали прямо на глазах, слева уже поджимал остров, и в другое время молодой капитан-командор ни за что бы на свете не полез в уготованную ему западню.

Еще бы — по всем принятым канонам боя авангарду русской эскадры нельзя сближаться с турками раньше, чем вытянутся такой же линией напротив, что русские и начали делать.

Вот тут-то головные корабли османов сами стали забирать в его сторону — авангард Грейга через четверть часа хода ввязывался в очень скверную ситуацию, оказавшись между двух огней.

Раньше бы это напугало командора, но не сейчас. На всю жизнь запомнился урок, данный императором Петром Федоровичем, чуть не пустившим дедовскую трость «гулять» по его спине. Думать требовал государь-батюшка головой своей и от набитых догм отказываться,

тактику новую искать постоянно. Даже слова своего деда припомнил — «не держись устава яко слепой стены». Страшно до жути, куда там туркам, тот бешеный царский взгляд Самуил Карлович надолго запомнил...

Турецкие корабли окутал белый пороховой дым, гром сотни пушечных стволов раскатился по морской глади. Вот только знакомого свиста ядер или шипения книппелей над головой командор не услышал и, подняв глаза, увидел, что последние практически не повредили такелаж — несколько дырок на парусах и пара порванных вантов не в счет.

— Скверно османы стреляют! Только ядра напрасно извели! — за спиной раздался громкий голос капитана первого ранга Круза, командира флагманского «Санкт-Петербурга».

— Худо! — согласился с ним Грейг, но не обернулся, соблюдая дистанцию. И было отчего. Император учинил ревизию петровской «Табели о рангах», сократив ряд чинов, в том числе и пятого класса, в котором числились армейские бригадиры и флотские командоры, или капитаны бригадирского ранга, как их иной раз называли.

Теперь они стали обычными полковниками и капитанами первого ранга, но имели право называться по должности, которую занимали, командуя бригадой или отрядом кораблей. Все отличие, уже не в чине, а в должности, уместалось на эполетах или погонах в виде небольшой эмблемы — золотистой императорской короны.

С тех пор и ходит язвительная шутка, что Грейга со многими другими «короновали», но скипетра и державы в руки не дали...

— А вот теперь пора! — произнес командор, когда второй турецкий залп сотряс воздух. Именно воздух, хотя дистанция между кораблями сократилась, и османы могли бы стрелять получше. — Стреножьте их, капитан!

— Есть, господин капитан-командор! — громко отозвался Круз и проорал приказ: — Стреножить турок! Залп!

Странная, не флотская, а кавалерийская, команда никого не удивила — с высочайшей воли введена, так на учениях царь вымолвил, глядя на результаты стрельбы по плавучей мишени, коей служила старая «Астрахань».

Палуба дрогнула под ногами и подпрыгнула, когда приказ дошел до закрытых деков, а русские пушки оглушительно рывкнули. Борт моментально заволокло белым дымом, но вскоре линейный корабль из него вынырнул, идя на полном ходу.

Перед Грейгом предстало восхитительное для глаз и души зрелище — два ближних к его «северной столице» турецких корабля приобрели жалкий вид, разом потеряв ход, будто рысаки, которых на бегу «стреножили».

«Новоизобретенные» книппеля, которые предназначены для повреждения рангоута, снова показали свою чудовищную эффективность — с «османов» свешивались обрывки вант, паруса изорваны в клочья, с грохотом свалилась одна из мачт, а другие угрожающе покачивались.

— Государыня своим веером их освежила! — хмыкнул Грейг, оценив действие сложенных пластин, которые, вылетев из орудия, моментально раскрывались, превращаясь по форме в знакомый всем дамам, но для корабельного такелажа смертоносный «веер».

На «закуску» полагались книппеля различных сортов — половинки ядер, скрепленные цепью и железными шкворнями, или цилиндры с большой картечью, переплетенные тонкими тросами, и другие нужные приспособления, выдуманные пытливым русским разумом...

— Идите между турками, капитан! — Грейг рывкнул команду: — Рвем их строй надвое! И да поможет нам Бог!

Бендеры

Чудовищный взрыв встряхнул землю под ногами, она заходила ходуном, некоторые

солдаты попадали, роняя фузеи. Огромный столб черного дыма и алого пламени взметнулся в небо, во все стороны полетели камни, бревна, пушки, люди.

— Братцы! Вперед, на штурм!

Надрывая командой горло, бригадир Власов выхватил шпагу из ножен и повел своих ингерманландцев вперед, к столбу пыли, что оседала на месте взорванной на протяжении сотни саженой крепостной стены. Мина была чудовищной, доселе неслыханной мощи — семь тысяч пудов пороха заложили саперы. Не пожалели...

— Станичники! В городе добра много!

— Там вино и бабы!!!

— Гренадеры! На штурм!

— Донцы! Пошли всласть гулять!

— Режь турок, братцы!!!

— Постоим за веру православную! Доколе им...

Солдатская и казачья разноголосица на секунды перекрыла рев пушек, и зелено-синяя масса дружно, густым потоком хлынула из подведенных чуть ли не к самым стенам окопов. И началось...

Гренадеры и казаки побросали фашины, кинули штурмовые лестницы и, матерясь почем свет, полезли в пролом, стреляя и бросая гранаты в турок, что отчаянно отбивались с гребня.

Янычары быстро пришли в себя от взрыва и успели занять груды камней, то, что раньше было крепостной стеной. Визг, яростные призывы к Аллаху, выстрелы в упор — турки скинули первую волну штурмующих и приняли набежавших казаков в копья. И столкнулись две силы — пестрая и синяя, и перченый казачий мат заглушил вопли магометан.

Рубились донцы яростно, не уступая противнику в лютости. Всклобоченные бороды, дикие глаза, окровавленные казачьи чекмени — все заплескалось в глазах Власова, который со своими ингерманландцами наконец добрался до разрушенной стены.

Бригадир поневоле восхищался бешеной атакой станичников, их невероятной храбростью, но в то же время прекрасно понимал, что солдат дерется за славу, а казак за добычу. Столетия непрерывных схваток и набегов породили и закалили этих русских башибузуков, между жизнью и смертью которых одной толстой нитью протянулась война.

— Твою мать! Что творит?! — Власов пристально смотрел, как бородатый казак саблей распластал трех янычар с ятаганами, вертясь между ними угрем, отмахнулся клинком от копий и зарубил турка, что отчаянно махал бунчуком, воодушевляя защитников.

И тут словно прорвало — казаки, пробираясь по камням с проворством взбесившихся волков, захлестнули турок, поглотили их своей массой, перехлестнули через гребень и неотвратимой волной, сшибающей все на своем пути, хлынули в город заниматься самым увлекательным делом своей жизни — резать османов и грабить все подчистую...

— Достоин сей казак офицерского чина! Первым вошел!

Власов стремительно обернулся. За его спиной стоял командующий — не удержался генерал, лично возглавил штурм.

— Твои ингерманландцы и гренадеры лихо ворвались, бригадир! Ежели к вечеру одолеем супостата, генеральский чин получишь. Что дрожишь в нетерпении, Павел Владимирович?! — Князь усмехнулся. — Беги уж, нечего тебе на месте ерзать, там твои солдаты дерутся!

Юконский острог

— Братец! Ну, наконец прибыли! А то мы здесь глаза проглядели, вас ожидаючи в нетерпении!

Григорий Орлов, широко раскинув объятия, шагнул к Алексею. Тот на радостях так

стиснул брата, что кости захрустели. Причем у двоих сразу — восемь лет назад оба считались в гвардии признанными силачами. Но то осталось в прошлом.

Сейчас они, и так силушкой молодецкой не обделенные, прожив в суровой аляскинской земле уже семь лет в лишениях и тягостях, закаливших тело и душу, стали чуть ли не билинными богатырями, что сырую кожу могли разорвать. Кожу братья не пробовали, но вот кочергу узлом сворачивали запросто, а пальцами рвали колоду карт. А уж серебряные тарелки скатывать в трубки было для них самым легким развлечением!

— Рад тебя видеть! — запыхтел в ухо Алехан. — Вижу, славно гвардейцы здесь обстроились, даже с бабами! И вино имеется?

— Чего нет, того нет! — ответил Григорий, разомкнув стальное кольцо рук. Но после паузы, хитро прищурившись, добавил: — Однако настойку одну хитрую варим в том агрегате, что император, батюшка наш, в позапрошлом году прислал!

Алехан ухмыльнулся, машинально почесал правое плечо, пробитое когда-то царственной шпагой, и широко улыбнулся во все три десятка крепких зубов. А Григорий задумчиво почесал висок и чуть тронул губы, припомнив и свое общение с царем.

Лихим воякой стал император на их глазах, от такого плюхи получать в радость. Куда там Шванвичу — всех приласкал своей тяжелой рукой, и не в драке пустой, а в бою. С того дня братья Орловы стали дружно уважать Петра Федоровича и голштинским выкормышем даже в мыслях не называли...

— Ну и забойная вещичка в нем получается, на орешках настоящая, да с лимонными корками! Огненная вода — так ее местные индейцы называют. Но мы им не даем, самим мало выходит. Одна у нас радость...

Григорий печально вздохнул, но тут же оживился, вперил ожидающий, радостный взгляд в брата:

— Не томи душу, братец! Вижу, что с новостями ты изрядными!

— А как же! — Алехан скривился в хитрой улыбке. — Вон сколько добра привезли! И людишек! И казачков якутских для службы осторожной!

Он ткнул рукой в сторону ворот. А там было столпотворение: десяток тяжелогруженных лошадей спешно обихаживали бородатые казаки в кафтанах, а люди... Люди вповалку попадали на траву и мох, не в силах освободить плечи от лямок объемистых, отнюдь не легких мешков.

— Устали людишки, — виновато, но с легким презрением в голосе, пожав широкими плечами, пояснил Алехан: — Дорога дальняя, утомились за шесть недель. Зато вы здесь чуть ли не городом живете, припеваючи. Золотишка хоть намыли немного? Ты же матушке-государыне что обещал?!

— Намыли, — с тяжким вздохом ответил Григорий. — Чуток. Восемь десятков с лишком. Прошное лето горбатились, как каторжане, и сейчас моют, как проклятые без передыха. Лето-то короткое. Я сегодня на хозяйстве, а так тоже все времечко с лотком.

— Восемьдесят фунтов?! — В голосе Алехана послышалась непритворная грусть. Он тяжело вздохнул. — Два пуда только?! Эх-ма... Это ж тебе до старости здесь горбатиться, пока матушке сотню пудов намоешь, как обещал! И дернуло тебя за язык, брат! Эх...

Григорий виновато улыбнулся, глядя на огорченное донельзя лицо брата. Тот даже скрипнул от отчаяния зубами:

— Я думал тебя в следующем году забрать, дел выше крыши! Два пуда... Да что ж такое! Ошибся государь Петр Федорович, поверил этому нехристю Джеку Лондонскому, а тот место неверное на карте указал. Жила богатая?! Я упрошу батюшку этому хмырю английскому шейку-то свернуть. Как куренку! Сам съезжу, головушку откручу, токмо бы найти его, а то на морду не знаю! Да и далёко...

— Не кручинься, братец! — С легкой улыбкой Григорий посмотрел на силача, что в сдерживаемом бешенстве сжимал огромные кулаки. — Ты лучше котел вон тот на очаг подвесь, людей твоих кормить надо, а у меня рука болит. А боле мужиков в остроге сейчас нет.

— Это запросто! — Алехан отпихнул ногой чурку и подошел к пузатому, ведер на восемь, котлу, накрытому крышкой. Для любого из братьев это была не тяжесть — и десять пудов могли легко поднять.

Индианки и дети порскнули в сторону, но остановились рядышком, с боязливым восторгом глядя на силача. Тот хмыкнул, присел, развел лапищи и стиснул котел:

— Ы-а!!! Твою мать!!!

От натуги Алехан побагровел и плюхнулся на пятую точку, выпустив из ладоней котел, который не приподнялся даже на лезвие ножа. Орлов хрипло дышал, выпучив глаза и громко испортив воздух.

— Ты бы вначале, братец, — раздался полный ехидства голос Григория за спиной, с еле сдерживаемым смехом, — крышечку-то поднял! А вдруг там совсем не водичка налита?!

Алексей тут же скинул крышку и, отвесив челюсть, зачарованно уставился в знакомую тусклую желтизну — котел был забит золотым песком и самородками почти до краев...

Ларга

— Итак, господа генералы, ваши соображения мне понятны! — Петр взял папиросу, постучал картонным мундштуком по желтоватому от неумеренного курения ногтю. Обвел взглядом спорящих между собой Румянцева и Суворова — те малость попритихли.

А весь сыр-бор разведенный, по сути, яйца выеденного не стоил. Оба полководца за решительное наступление, единодушно считают, что нужно оставить обозы и, не дожидаясь подхода Долгорукова, когда князь там еще возьмет Бендеры, обрушиться на турок главными силами.

Разногласие лишь в одном: план на сражение — кто будет на этот раз диспозицию определять. Кого выбрать прикажете? Румянцев вес имеет немалый, а вот Суворов военный гений — зря в прошлой истории Екатерина направила его в Польшу мятежных панов гонять.

А ведь был мотив, и веский — дражайший Александр Васильевич, как убедился Петр, имел тот еще характер. Язва, право слово. Никаких авторитетов для него не существует. Именно его фразу, адресованную Потемкину, осаждавшему Очаков, сказанную намного позже в той истории, он, немного изменив, отправил Долгорукову. Плагиат, однако.

— Смотрите, господа, — продолжил Петр, — месяц назад у Рябой Могилы мы атаковали 50 тысяч татар Каплан-Гирея. Эти стервецы, как вы видели, просто удрали, бросив пятитысячный отряд турок, который укрепился за речкой в центре. Далее — неделю назад здесь, у Ларги, мы разбили двадцать тысяч турок Абды-паши и опять потрепали татар, которые от нас снова сбежали. Что в этих сражениях общего? А?

Петр посмотрел на генералов — Румянцев хмурил брови, он старше в чине, ему вторым ответ держать. А вот Суворов сразу вскинулся:

— У них позиции одинаковы, батюшка. Слева река, свой центр с правым флангом укрепляют. Мы били главными силами по лагерю, а я наносил удар сбоку — одной своей дивизией, вторую по вашему приказу отдал Петру Александровичу. Вот и утекли супротивники.

Петр вздохнул — вот она, гримаса истории. Сражения произошли почти в то же время, что и в той реальности, и в тех же самых местах. Поначалу это вызвало недоумение, но потом он уразумел — для турок то были наиболее удобные для сражения позиции. Слишком мала Молдавия, выбора изначально нет. Да и по срокам ясно — в мае активные действия начинаются, тут погода свою роль играет. Но чтоб ход самих сражений был практически одинаков, вот это

его удивило качественно. Ладно — и там турки позволили генералу Румянцеву бить их по частям. Правда, сейчас у османов и татар потери были намного серьезнее, и то благодаря стремительным фланговым ударам дивизии Суворова.

— Петр Александрович и вы, Александр Васильевич, я вот что думаю...

— Да, государь! — тут же отозвались генералы и неприязненно переглянулись.

Ну что тут будешь делать?! Вот так и упускаются турки, потому что эти два полководца элементарно ревнуют друг друга. Завидуют, что ли? Славы им на двоих не хватит?

— Что там турки? — Петр спохватился — генералы уже между собой спорят, а диспозицию противника еще не обговорили, а ведь от этого плясать нужно.

— Сам визирь Халиль-паша пришел с десятью тысячами янычар, — отозвался Гудович, демонстрируя осведомленность. Что-что, но дело генерал знал и, по настоянию Петра, хорошо поставил войсковую разведку. Вслепую идти не приходилось ни разу.

— С ним еще пятьдесят тысяч пехоты и тридцать конницы, при них полторы сотни орудий. За Сальчи татары стоят. Лагерь разбит на высотах у деревни Фильконешти, слева река Кагул, не проходимая вброд. Позиции на склонах высот, четыре ряда окопов, занимаемых пехотой. Артиллерия в укреплениях, конница в глубине лагеря, — пояснил Румянцев.

— Смотрите, государь, — невозмутимый начальник штаба генерал Гудович бросил на Румянцева негодующий взгляд. Ибо он должен докладывать императору обстановку, к чему и готовился всегда, — а тот его бесцеремонно оттеснил, вмешался, показал осведомленность.

Петр поморщился — ну что ты будешь делать с генералами, прямо как дети малые. Или самому продолжать командовать и их больше не примирять? Или Румянцева поставить во главу, пусть будет, как и было. От добра добра не ищут. Как Петр Алексеевич, дедушка заботливый, всегда командующим фельдмаршала Шереметева ставил. Глупостей не наделает.

Суворова генералитет в штыки примет, ведь недавно тот только дивизией командовал, а тут в генерал-поручики произвели и корпус дали. Царю чем-то понравился, а заслуг-то никаких. Та еще среда генеральская — змеям жить не рекомендуется: сожрут махом и не подавятся.

Гудович развернул карту, и все присутствующие на малом военном совете — сам Петр, командующие корпусами Румянцев и Суворов, начальник артиллерии Мелиссино — дружно склонились над ней.

— Ширина поля у Троянова вала восемь верст. Далее оно сужается, с севера на юг идут четыре хребта с проходимыми лощинами. А у турецкого лагеря уже полторы версты на позициях. Правый фланг у них уязвим, его можно обойти. Однако позиции штурмовать и там придется. Османы его дополнительно усилили — высота занята пушками, а на отдалении расположились татары, что могут воспрепятствовать обходу.

— Мешок! — кратко резюмировал Петр, глядя за рукой Гудовича. — А сбоку дубинку приготовили!

— Да, государь, — согласился Гудович. — Через эти лощины турки будут атаковать, если наше наступление на позиции будет неудачным.

— И как баталию вести будем, господа генералы? — Петр посмотрел на командующих корпусами. — Только учтите — нам не отбросить турок надо, не нанести им очередное поражение, а полностью уничтожить, чтоб дальше воевать не с кем стало!

Хиос

— Что творит?! Что творит?! — В голосе старого адмирала не слышалось недовольства, а одно скрытое восхищение. Грейг действовал четко, как на прошлых Котлинских маневрах, — его отряд буквально вломился в турецкую эскадру, разорвав ее на две части. Будто русская буква «Г» страшным колуном вломилась в длинную линию ровно посередине. Получилось вроде

стула со спинкой или аглицкой буквы «h», сильно на нее похоже.

— Теперь надо устроить им не бой, а избиение, — пробормотал под нос адмирал и громко отдал приказ: — Сваливайтесь на неприятеля! Скорее!

Григорий Андреевич Спиридов знал, что говорил. Крупнокалиберные русские орудия плохо годились для линейного боя на приличной дистанции. Более всего они подходили для общей свалки, на самом коротком, с ружейный или даже пистолетный выстрел, расстоянии.

Такой бой теперь и начинался — русская эскадра в тринадцать вымпелов наваливалась на турецкую в двенадцать кораблей. Всякую мелочь типа фрегатов, бригов, шебек и прочих посудин османов, что крутились на порядочном отдалении, адмирал в расчет даже не принимал. Пары залпов русского линкора было достаточно, чтобы потопить любую из этих фелюк, толком даже ее не рассмотрев.

Восемь линейных кораблей турецкого авангарда, отсеченных Грейгом, ушли далеко вперед и вмешаться в бой уже не могли. Теперь им нужно было лечь на другой курс, снова поймать ветер, развернуться, совершить маневр для захождения, и лишь потом заговорят их пушки.

Так что добрый час есть, если не пару османы провозятся. А могут и вообще в драку не полезть, коли их главные силы русские пушки и «единороги» на щепки разнесут.

От бортов кораблей Грейга отлетели несколько орудийных дымков, и с небольшой задержкой грянул общий залп, укрыв русские линкоры дымовой завесой.

Адмирал впился взором в неприятеля: на каждом из русских «городов» имелись три десятка смертоносных «царских подарков» — особых вытянутых снарядов, отлитых по приказу императора и совершенно не похожих на привычные ядра. Хранились они на кораблях в опечатанных ящиках, и особый служитель за сбережение тайны головой своей отвечал.

Именно их должны были пустить в ход первыми из носовых орудий и лишь потом выстрелить всем бортом, дабы не затруднить прицеливание приставленных к тем тяжелым пушкам лучших канониров.

Адмирал уже видел их действие — несчастную «Астрахань» два десятка таких «гостинцев» разнесли в доски. Эти бомбы были снаряжены не черным порохом, а каким-то адским зельем, которое сотворили в тайне неизвестные умельцы по царскому приказу.

Но какое, как оно делается, из чего — даже он, вице-адмирал, не ведал — страшное «государево слово и дело» послужило надежной преградой для всех любопытствующих.

— В-у-х!!!

Словно огромный выдох пронесся по морю. Турецкий корабль развалился по палубе, и из нутра, как из огнедышащего жерла вулкана, вырвался столб пламени и дыма, поднявшись выше мачт.

— Крюйт-камера взорвалась! — взвился чей-то ликующий крик с характерным московским «аканьем», и тут же за ним грянуло многоголосое русское «ура».

Спиридов же едва улыбнулся, хотя уничтожению турецкого корабля он был тоже рад. С добрым почином, как говорится. И еще старый моряк успел заметить за секунды до того, как корабли заволокло дымом, что на борту турецкого флагмана, атакованного «Санкт-Петербургом», словно расцвели несколько красных «цветков».

Характерная примета «царских подарков» — более страшного оружия на море он пока не знал. Да и это появилось совершенно неожиданно... И очень даже кстати...

— Твою мать! Что же такое с ними сотворил командор Грейг?!

Спиридов повернулся к удивленно воскликнувшему командиру корабля капитану первого ранга Клокачеву. Офицер с вытянувшимся лицом смотрел на два полыхающих от носа до кормы «турка».

— Одним залпом — три корабля?!!

— Удивляться потом будешь! — резко бросил Спиридов. — Это забытый всеми «греческий огонь», наши мастера овладели его секретом! А император наш разузнал, сам знаешь от кого!

— Виноват, господин адмирал! — громко отозвался капитан, а на его лице растерянность уступила место злорадности. И Спиридов сразу понял почему — скоро и «Москва» начнет посылать в сторону турок адские гостинцы, коими были заряжены все две дюжины «единорогов» на шкафуте.

Страшные времена приходят на море — самое крепкое дерево, даже русский дуб или ливанский кедр, из которого строят свои корабли турки, не способно противостоять разрушительным взрывам «царских подарков», кои однажды Петр Федорович в присутствии адмирала назвал непонятным словом — «аммонал», и всепожирающему пламени «греческого огня», который государь именовал не менее странно — «напалм».

А эти «морские единороги», совершенно не похожие на шуваловское творение?! И мудреное словцо самодержец им тоже дал, насквозь непонятное, и хорошо, что не прижившееся, а то без чарки и не выговоришь, уж больно страшное, как рычание голодного волка, — «карронада».

Петергоф

— Что же ты со мной сделал, муж мой?! — тихо прошептала Екатерина Алексеевна, глядя на императорский портрет в полный рост. На нем ее Петр Федорович в новом, строгом и простом военном мундире, чуть прищурившись, смотрел прямо в глаза, многозначительно положив руку на эфес шпаги. Той самой, что даровал ему дед, король шведский Карл.

Ровно восемь лет, день в день, прошло с того часа, когда она сидела здесь же, терзаемая ожиданием и молоточками в голове — «завтра, все будет завтра». И он пришел, этот счастливый миг, когда ее возвели на престол величайшей державы, когда в светлый день ей присягнули все жители столицы, Сенат, церковники, гвардия...

Она тогда знала — ей уготовано великое будущее и слава, но сладкий сон длился всего лишь миг и окончился кошмарным пробуждением. Потерять одним разом все! И честь, и кровь, и надежды. Рухнуть в самую пучину безысходной тоски. Что это было? Наваждение? Морок? Безумие?

Като отдавала себе отчет — с того самого дня, когда ненавидимый ею муж предложил ей на выбор: жизнь или... Нет, не смерть, хотя это для него разрешало многие проблемы и было бы лучшим исходом.

Петр Федорович предложил совсем другое — прозябание и терзания самой себя вечность или начать с чистого листа, получить другую возможность и жить, и царствовать, но быть вечно второй, в его тени.

Кто ее осудит за то решение? Она полностью расплатилась перед Всевышним по старым долгам, полностью, с немыслимыми процентами. Ее измены, вечный грех, терзания совести — ведь они были венчаны перед Ним — все ушло, оставив опустошенность.

Боже мой, как она тогда его ненавидела, но как тогда и восхищалась! Петр за эти дни стал совершенно *иным* — сравнивать бесполезно. Призраки великих предков вдохнули в царя свои частицы. Нет, не вечно пьяный голштинец появился перед ней: благородный муж с великими помыслами и делами. Она стала почитать его, как отца в детстве, и, хорошо зная, что такое труд, преклоняться перед ним, не знаящим усталости.

Петр был достоин в этом своего деда-тезки, тот тоже был вечным тружеником на троне. Като беседовала со многими сановниками, хорошо знавшими первого императора, и сделала парадоксальный вывод — тот Петр действовал больше по наитию, без четкого плана, будто пытался воплотить в жизнь свои детские мечтания, метаясь и переделывая.

А его внук холоден и расчетлив — ставит цель, вырабатывает план, рассчитывает прилагаемые усилия и средства и твердо стремится к выполнению. И все это без надрыва народа, без лишних тягостей, как бы играючи.

За это она безмерно уважала мужа и даже боялась его, хотя знала, что не дает поводов к наказанию. Не было только одного — любви. Като с тщанием выполняла супружеский долг, родила двух сыновей и дочерей и сейчас с удовольствием заново пребывала бы в тягости — но муж отбыл на войну, а она осталась здесь, с маленьким Константином, которому только восемь месяцев исполнилось, и со старшим, семилетним Александром. А так бы была с ним, как и та Екатерина Алексеевна, что из грязной чухонской девки стала императрицей всероссийской.

Да, она честно и верно выполняла свой долг перед императором и мужем, но плата была одна — Като не любила супруга, да и не могла его полюбить так, как Бецкого, Понятовского или Гришеньку Орлова. Первые двое затронули ее как женщину, а в объятиях Гриши она почувствовала себя счастливой в тот день, когда он ее возвел на престол. А вот Петр...

— Что ты со мной сделал, муж мой? — Екатерина Алексеевна снова посмотрела на портрет. — Почему ты мне дал вторую молодость, снова превратив в маленькую Фике, но не дал любви? Дай мне ее почувствовать, я женщина, я хочу жить и любить!

А может, все дело в том, что император отсек от нее сына, греховный плод ее от Гриши? Что с ним? Как он, жив ли — любая мать терзается о сыне, и она тоже мучилась, хотя понимала, что в интересах законных детей и империи ей следует забыть о нем!

Но как?!

Это и отравляло жизнь, не давало почувствовать кипения к супругу, хотя тот этого был достоин как император, как вернейший муж и достойный мужчина, неутомимый, заботливый, внимательный и ласковый. А ведь он сейчас на войне, а там стреляют и убивают, а Петр не из тех, кто прячется от схватки!

Екатерина Алексеевна непроизвольно вздрогнула — она испугалась за него. Ведь случись что — налаженная жизнь полетит кувырком, на престол самодержавный ее не возведут, тайное завещание императора преданные ему генералы будут соблюдать свято!

Юконский острог

— Что же ты обманываешь меня, братец! Говорил мне — всего восемьдесят фунтов намыли?! Я чуть пупок не надорвал! Тут мы вчетвером и со Шванвичем в придачу котел сей не подыдем! Ну и шуточки у тебя...

Алехан жизнерадостно засмеялся, блестя глазами и держась руками за живот. А на золото и не смотрел — в глазах не было алчного блеска.

— Это ты про фунты сам сказал, я про них не молвил! — Григорий заржал в полный голос. — Пуды это, пуды, брат. Золотишко — оно вельми тяжелое, полное ведро только я здесь могу приподнять, целых десять пудов весит!

Братья отсмеялись — только никто им не вторил. Прибывшие с Алеханом мужики, казаки и индейцы устало лежали или сидели, а туземное население острога оживленно суенилось.

— Откуда их у тебя столько, баб? Ваши, что ли?

— Приблудился тут один род, наше покровительство приняли. Тут страсти еще те кипят — вроде народца мало, а войну промеж собой такую ведут, что перья в разные стороны летят. Да еще эти тлинкиты так и рыщут...

— Тлинкиты? — Глаза Алехана полыхнули недобрым огнем. — Они к вам сюда добрались?

— Рыщут, пакостники! — В голосе Григория звякнул металл. — Ваську Звягинцева насмерть вбили и двух мужиков. Еще троих поранили, еле выходили. И сейчас где-то неподалеку их шайка ошивается!

— Нас третьего дня, на прошлой седмице из луков обстреляли. Казаку в руку попали, гноится до сих пор. А стрелы те тлинкитские, мои алеуты их признали сразу!

— Псы! Они и чукчи два сапога пара, воинственны до жути! — резанул Григорий. — Надо бы им урок дать, чтоб надолго запомнили.

— Дадим, Гришенька, дадим. Для того я сюда пришел. Мы с них за брата Володю кровью немалой возьмем...

— Угу! — Голос старшего брата чуть зазвенел от сдерживаемой ярости и больше походил на тихий рык матерого волкодава.

— Нас, гвардионцев, и так здесь мало, полста душ всего. Семерых за прошлый год потеряли и в этом троих. Зато сейчас мы им покажем, где раки зимуют! Тем паче есть теперь чем!

— Ты что-то привез, Леша? Получше наших фузей? — Григорий с явственной надеждой выдохнул воздух.

— Намного лучше, тут сравнивать нечего. Подарок Петра Федоровича!

— Из Петропавловска привезли?

— Щас! В Петровскую крепость в сентябре прошлом бриг пришел. Наш, Гриша, бриг! Из Петербурга!

— Да ты что?! — Григорий подскочил с чурбачка. — Как он добрался?

— В позапрошлом году вышли, пятнадцать месяцев моря-океаны бороздили. Капитаном у наших англичанин был, они мастеровитее наших лаптей, морское дело дюже хорошо ведают. Но помер в пути, болезный, и из экипажа четверть матросов души свои Богу отдали. Половина больные, прямо страсти египетские. Однако счастливики, в рубашке родились...

— Ну-ну, — Григорий покачал головой.

— А ты как думал?! Петр Федорович четыре раза по кораблю посылал, лишь они, последние, дошли до нас. Самых лучших, здоровых моряков нарочно отбирали, и то из ста душ только семьдесят дожили. Вот так-то!

Ларга

— Так, — Петр с интересом посмотрел на задорный хохолок Суворова. Да уж, будущий генералиссимус голова, другого и не скажешь. Талант, судари мои, он либо есть, либо нет, третьего не дано. Не пропьешь, как говорится. И решил подытожить сказанное:

— Сбиваем турок с Трояного вала и атакуем по лощинам. Двумя своими дивизиями Петр Александрович ударит. А вы, Александр Васильевич, одной дивизией бьете во фланг, а второй совершаете глубокий обход и выходите в тыл их укрепленной позиции! А дальше?

— Подводим всю артиллерию и смешиваем их с землей, — вместо Суворова заговорил Румянцев, используя свое превосходство в чине. — Позиция в лагере у них скученная, войсками все забито — прекрасная цель для наших новых бомб и картечей. Так?!

Вопрос адресовался Мелиссино — начарт только кивнул, шевеля губами и что-то подсчитывая. Румянцев, даже не сделав паузы, заговорил снова, как бы отстраняя Суворова от его «детища»:

— Но лощин три — а дивизий у меня две, гвардия в сикурсе. Придется выделить по бригаде да на тот берег кавалерию послать нужно, дабы бегство османов через реку не допустить. Предложенное Александром Васильевичем без этих существенных изменений, несколько меняющих диспозицию, не дает полной победы!

Вскинувшийся было Суворов осекся, Петр повелительно приказал жестом тому помолчать, а сам внутри усмехнулся — теперь творцом победы будут считать Румянцева, что чуть дополнил картину, написанную Суворовым. Нет, эти полководцы должны командовать отдельными армиями, вдвоем они не сработаются. И Петр решительно потянул властное

«одеяло» на себя:

— Дивизии генерал-аншефа Румянцева атакуют справа и слева, в центре гвардия. Третьи бригады в резервах, колоннами, на случай прорыва турецкой конницы. Наступаем каре, артиллерия в промежутках, егеря впереди рассыпным строем. После перехода Троянова вала разведке искать янычар — этих башибузуков мы сможем остановить только пушками и егерями с их дальнобойными винтовками! — Петр оглядел присутствующих. — Кавалерия во второй линии — атаковать кирасирами через интервалы. Гусаров и казаков с ротами конной артиллерии на тот берег — чтоб ни один стервец не выплыл! Другую половину легкой конницы придаю обходящему корпусу — сдержат татар. Так и будем наступать, господа генералы!

— Ваша диспозиция превосходна, государь! — Оба спорщика просветлели лицами.

Петр чуть ли не прыснул, но сдержался, сохраняя каменное лицо. Ему показалось, что еще немного, и Суворов дерзостно покажет своему сопернику язык. Да и Румянцев не лучше. Но оба с радостью нескрываемой отдали пальму первенства императору — так никому не обидно!

У самого Петра заняло в желудке, он только сейчас припомнил, что в той истории орда янычар ударила по центру, прорвала каре четырех полков, и только личное вмешательство Румянцева предотвратило отступление, если не бегство, русских войск.

Ну что ж! Остается только надеяться, что турки не замыслият чего-то новенького, а ему есть чем встретить этих головорезов, что серьезно потрепали даже закаленные Полтавской победой Петровские войска в несчастном Прутском походе 1711 года.

— Выступаем немедленно. — Петр продолжал пользоваться своим положением главнокомандующего. — В авангарде ваш корпус, Александр Васильевич, и легкая кавалерия. Затем гвардия с егерями, артиллерией и тяжелой конницей. В арьергарде будет корпус Петра Александровича. Обозы оставляем здесь, на князя Волконского. Составьте диспозицию марша!

Последнее указание адресовалось Гудовичу — тот наклонил голову, как бы говоря, что немедленно займется этим делом.

Петр, по прошествии нескольких лет, полностью изменил свою точку зрения на штабных офицеров, которые раньше казались ему сытыми и лощеными бездельниками. Да еще образ сей подпитывался в его памяти сценками из кинофильмов. В той же «Гусарской балладе» незабываемый поручик Ржевский однажды произнес: «Опять штабной? Уж лучше водки бы прислали!»

Зато теперь он планировал завести чуть ли не Генеральный штаб с академией для подготовки офицеров. И, к своему стыду, осознал, что полководец без штаба — что мозг без памяти. Сплошное недоразумение. Впрочем, насчет своих полководческих дарований он не обольщался — все его победы делали генералы, хотя выбор полководцев весьма трудное занятие, но еще труднее заставить их работать в одной упряжке...

Хиос

— Твою мать!!! — хриплый вскрик вырвался из груди капитан-командора Грейга. Он моментально понял, что произойдет, — из нижнего дека вырывались языки пламени, и, хуже того, из открытого палубного люка, что вел в кюйт-камеру, битком набитую порохом, повалили густые клубы дыма.

«Санкт-Петербург» насмерть сцепился с «Реал-Мустафой», на палубе которого шла ожесточенная рукопашная схватка. Турки дрались озверело, но отступали под яростным натиском морских пехотинцев и ожесточившихся матросов, которые, как водится в русской драке, лупили османов тем, что под руку попало.

В ход пошло все — металлические банники, весла, цепи, концы со свинцовыми шарами, широкие морские ножи, что были у каждого из команды. Общее веселье, одним словом!

К abordажу Грейг не стремился, зачем ему это, если мощные орудия и так лихо сокрушали супостата. Вышло иначе — очумевший «турок» вынырнул из клубов дыма и сам навалился на «северную столицу». «Мустафа» пылал, подожженный русскими пушками, а потому османы решили спастись от пожаров на русском корабле, перебив, конечно, его «хозяев».

Вот тут-то нашла коса на камень — «презренные гяуры» стали дубасить «любимцев пророка» от всей широты славянской души. И все закончилось бы славно, если бы горящая мачта «османа» не рухнула на палубу «Санкт-Петербурга»...

— За борт прыгай, братцы!!! — заорал во всю глотку Грейг, отдавая последний приказ. Хоть крют-камеры на русских кораблях и стали обшиваться медными листами, но это отсрочит при пожаре взрыв на минуту, не больше, а то и меньше.

— Спасайтесь, православные!

— Щас рванет!

До экипажа разом дошло, что сейчас произойдет, — матросы сигналили за борт пачками, а по шкафуту носился разъяренный капитан Круз, отвешивая растерявшимся морякам тумачи и выкидывая их за планшир.

— Кости за борт, вмиг морду набью!

Рык командира на секунду перекрыл дикую какофонию, а Грейг, несмотря на трагизм положения, только ухмыльнулся. Круз совсем отвязался в походе, «полируя» матросские физиономии. В Петербурге еще сдерживался, стараясь наводить порядок и дисциплину без мордобития, которое весьма не одобрялось императором Петром Федоровичем, но теперь... А еще командор осознал — и он сам, и Круз с палубы прыгать не будут, а погибнут вместе с кораблем, разделив его судьбу.

— А вот это ты зря здесь стоишь, ваше превосходительство! — Словно прочитав его мысли, Грейга сграбастали мощные матросские лапищи. — Раз команда дадена, надо за борт сигать не мешкая! Пуцай наш капитан остается, тиран свирепый, ему по должности нужно. По Сеньке и шапка! А нам души спасать нужно!

Самуил Карлович даже ответить ничего не успел, чтоб пресечь такое безобразие, как почувствовал, что летит, словно древнегреческий герой Икар, вот только крылья не расправив.

Вошел в море топориком — прохладная, но теплая, куда там Балтике, вода тут же привела офицера в чувство, охладив боевой пыл. Суматошно извиваясь, доплыл к неизвестно откуда взявшейся шлюпке, судя по всему, брошенной турками во время схватки в проливе. И тут же за его руки уцепились крепкие матросские ладони, но вот втянуть на борт не успели.

Вблизи рвануло, да так, что Грейгу на секунду показалось, что он сдуру уселся в растопленной бане на камни и щедро плеснул под себя здоровенную бадью кипятка. Вихрь вырвал его из воды и бросил на днище шлюпки, перевернув в воздухе.

В кроваво-пепельном небе закрутились обломки, быстроскрылыми стрижами пролетели орудийные стволы, плыли какие-то ошметки, похожие на человеческие тела. И ни звука — все в полной мертвящей тишине. Затем полыхнуло еще разок, и сильно. Очередной огненный вихрь ожег тело командора, и он увидел, как по багровому небу летит человек, яростно размахивавший зачем-то руками.

— У него же нет крыльев, никак не запорхает! — хрипло выплюнул слова офицер и обрадовался, что не онемел. И тут же к нему вернулся слух, и он понял, что оглох от двух чудовищных взрывов, что разнесли в клочья русский, а затем и турецкий корабли.

Рядом со шлюпкой громко плюхнуло, и, к своему великому изумлению, Самуил Карлович признал того самого летуна, что порхал как мотылек по небу. Изумились и набившиеся в шлюпку матросы.

— Ты смотри, никак цел?!!

— Это ж надо, никогда не видел, чтоб люди, аки птицы, по небу парили!

— Давай руку, братец!

Матросы склонились над бортом и протянули ладони. А из воды донесся сварливый, до боли узнаваемый голос Круза:

— А за братца я тебе морду набью!

Матросы оторопели на секунду, а потом один из них, здоровяк с косой саженью в плечах и пудовыми кулаками, произнес гулким басом, который Грейг тоже признал — именно обладатель сего голоса вышвырнул его за борт и тем спас ему жизнь.

— Надо же, никак наш тиран?! — В голосе матроса прозвучало чудовищное изумление. — Ну все, боле ты никого в морду бить не будешь!

Матрос без видимого усилия оторвал банку и поднял тяжелую доску над головой чудом спасшегося капитана.

— Не надо, братец! — голос Круза стал умоляющим. — Я еле на воде держусь! Обещаю — ни одного матроса пальцем не трону!!!

— Вот это другое дело, ваш-бродь! — Верзила одной рукой вытянул капитана из воды, усадив рядом.

Грейг чуть не захохотал — узнать Круза не смогла бы и родная мать. Вместо формы какие-то обрывки, весь закопчен, словно государев арап. И тут Самуил Карлович как бы увидел себя самого со стороны — самый натуральный негр в полном неглиже, даже ошметков одежды нет. Куда девалась форма, капитан-командор не представлял. Но она же была на нем!

Зато нательный крест на цепочке остался, только не с золотым сиянием, а тусклым цветом, так закопчен, будто из темной меди сделан. И Грейг захохотал, закинув голову.

— Ты чего, братец? — вскинулись матросы. В их глазах плеснулась тревога — подумали, что собрат их сошел с ума.

— Нам бы всем в баньке помыться, братцы! Чтоб друг друга узнавать начали. А то арапы вылитые!

Матросы остолбенели — только сейчас признали голос своего капитан-командора. Но через секунду веселый оглушительный смех потряс шлюпку. Вместе с ними смеялись держащиеся за плавающие в воде обломки десятки спасшихся до взрывов русских матросов...

Бендеры

— И как тебя зовут, удалец?!

Генерал Долгоруков с отческой улыбкой посмотрел на казака, что первым взошел на гребень пролома. Борода лопатой, лет тридцати, матерый казачина, взгляд нахальный.

— Станицы Зимовейской, Емельян Пугачев!

И голос дерзок, нет должного благолепия, все ж перед князем и генералом стоит. Плетью бы попотчевать такого, а не офицерский чин с наградой давать, чтоб место свое знал и зубы не скалил.

Василий Михайлович вздохнул — при царице Елизавете протянули бы казака, не посмотрели бы на его удаль, батогами бы вбили уважение к княжескому титулу.

Но то было в прежнее времечко, сейчас ни-ни, даже подумать страшно, как император-батюшка на такое взглянет. Уж лучше самого себя высечь, чем казака без вины тронуть!

Повезло станичникам донским, что восемь лет назад полками на сторону Петра Федоровича стали, льготы за то немалые получив. Под царской рукою ходят, сердцем к ним своим ретивым государь прикипел. Вона как они смотрят, станичники, аж вызывающе.

— Жалую тебя серебряным медальоном святого Андрея Первозванного, с бантом положенным! — Князь забрал у адъютанта эмалированный кругляшок на голубой ленточке и

самолично прикрепил его на изодранный, в кровавых пятнах, чекмень казака. Но обнимать, как государь, не стал, и так много чести. Прокашлялся нарочито.

— А первому в крепость ворвавшемуся, живот свой сохранившему воину, — слово «казак» Василий Михайлович из вредности пропустил, — чин офицерский положен. Потому по воле императора Петра Федоровича жалую тебе чин подхорунжего. Принимай полусотню да команду ей.

Князь всплеснул рукою и отпустил благодетельствованного казака восвояси — приказ императорский соблюл и поруху своего имени не допустил. Худо государь сделал, не совсем подумавши, что казачьи чины с офицерскими в новой табели о рангах уравнил. Грязь станичная, а туда же, офицерскими эполетами и шитьем щеголять будет. А сам двух слов связать не может, грамоте, уж взрослая орясина, не понимает. Пальцами сморкается и о кафтанец свой вытирает. Но поди ж ты...

— Поспешайте, казаки, к государю Петру Федоровичу. Турки идут супротив силою немалой, сикурс требуется. А я со всеми войсками за вами следом поутру двинусь!

Повинуясь властному жесту князя, трое войсковых старшин поклонились, но не низко, а так, вежливость соблюдая, и, придерживая сабли, пошли по своим полкам. Василий Михайлович, посмотрев им вслед, подавил невольный завистливый вздох: верны императору, как псы, эти казаки.

Им бы сейчас дуван дуванить да добычу богатую, в городе награбленную, делить. Ан нет! Даже от векового обычая сегодня отказались — по сотне от полка оставили для сохранности добра, на саблю добытого, и тут же выступают к армии императора, даже отдыха законного, после штурма заповеданного, не беря. На любого князя или генерала плюнули бы и в ус не дули, а тут засуетились... Верные псы, токмо можно позавидовать Петру Федоровичу...

Юконский острог

— Ну и крепка у тебя водка, брат, прям за душу берет. Ни вздохнуть, ни пер... Кх... Кха!

Алехан, с покрасневшим лицом, выдохнул воздух, взял с миски здоровенный кус просоленного лосося и вонзил в него крепкие зубы. Зачавкал довольно, как голодный кот заурчал.

— Пшеничку подпорченную всю пустили, а ягод тех вообще уйму извели. — Григорий жевал жареное мясо, закусывая его задубевшими флотскими галетами. В иное время он на такие бы и не глянул без омерзения, а сейчас ничего, нравилось.

— Опару нынче последнюю поставили, все сусеки вымели, пополам с корой толченой да кореньями, что бабы отыскиали. Грибов сухих остатнюю нитку еще три недели назад в суп пустили. На одной рыбе, почитай, месяц живем. Нынче насолили ее две ямы, надолго хватит, да накопили уйму, навялили. Ну и мяско жуем потихоньку, тайга вокруг богатая. Сохатого позавчера завалили.

— Вижу, огороды здесь разбили?! — Алехан дожевал лосося и зачерпнул из чашки малосольной красной икры. С охоткой подвигал челюстями. Сыто рыгнул, подзабыв гвардейские манеры — с братом же ест, в одиночестве.

— Картошка, но и та мелкая, но все равно только она от цинги и уберегла. Да лук еще, чеснок. Худо здесь — лето короткое, не вызревает толком ничего. Стекло было бы, так теплицы поставили, как в Петербурге, да с печью — сейчас малосольными огурчиками баловались бы. Ну что, брат, еще по одной накатим?

— Наливай, Гриша. — Алехан с нескрываемой печалью посмотрел на бутыль — там плескалось едва на три пальца мутной жидкости.

— Для тебя и держал, Леша. Последняя. Вот ягоды пойдут, тогда бражку поставим, а там и

перегоним в царском агрегате.

— Да уж, живете вы голодно, в трудах и хлопотах. Но то дело поправимое. У меня там три бочонка вина да пять царевой водки двойной перегонки. Зело страшна! Примем на душу?

— Гвардейцев подождем, с закатом подойдут.

— Золото близко моете? Оттого и острог не на самом Юконе поставили, а здесь?! А ничего — место удобное.

— От реки дюже далеко, да и нет в ней пользы. Течение быстрое, и хрен его знает, где у нее устье. Твои водоплавающие ничего не узнали?

— Отправили нынче одного на коче, а я сюда. В сентябре известно будет. Но, мыслю, от острога до устья тысяча верст будет.

— Не меньше, — согласился с братом Григорий и разлил по чаркам самогон. Орловы чокнулись и выпили залпом. Закусывать рыбой не стали, Алехан разломал пальцами вытащенную из кармана головку чеснока, им и перебили сивушный запах.

— Наш чесночек, с крепостицы. — Алехан понял вопросительный взгляд брата. — Чуток сохранилось. А что морячки из овощей привезли, так до весны поели — орава-то изрядная стала, еле прокормились. Зато хлебушка вволю — пятьсот пудов зерна да муки столько же. Худо, что попортили много. Подмочили плаванием, или затхлой мучица стала.

— Что сову об пень, что пнем сову — все едино. Что на телегах от Якутска хлебушек до Охотска везти, а там кочами сюда, что из Петербурга. Год нужен, никак не меньше. Оттого из трех пудов два портятся безнадежно. Зерно еще можно на самогон пустить, а с мукой что сделаешь?! Капуста нужна квашеная, морковь, лук — где все это в достатке взять?! Здесь худо растет...

Григорий заскрипел зубами от сдерживаемой ярости. Не сказать чтобы впроголодь жили, но мясо и рыба уже в горло никому не лезли. По ночам яичница даже снилась, с кровяной колбаской, на сальце поджаренная, лучком зеленым посыпанная, да миска с квашеной капустой, антоновскими яблоками сдобренной и маслом постным приправленной. И с огурчиком соленым, что на зубах хрустит, под чарочку анисовой.

— Я говорил с капитаном Игнатом Хорошкиным, что командование принял, бриг до нас довел, — Алехан заговорщицки наклонился над скудным столом, отпихнув блюдо с запеченным в золе лососем. — Брат он нашего Семена, помнишь?

— Помню, — отозвался Григорий, нутром ощущая, что разговор пойдет не просто серьезный, а о крайне важных делах. — Его матросы в Кронштадте смертным боем лупили, но он выжил...

— Государь наш с испанцами лясы точит, чтобы они нашему кораблю препятствий не только не чинили, но и приятственность оказывали. Там на юг их край лежит, Мексикой именуемый. Игнат видел — изобилен зело, что хошь растет. Кукуруза, пшеница, овощи разные. Персики, виноград, цитроны всякие. И много там всего. Им продавали! Чуешь, чем дело пахнет, брате?

— Растолкуй, — только и ответил ему Григорий. Но печенкой почуял, что знает Алехан, что говорит.

— Мягкую рухлядь, шкуры котиков и бобров, мы в Охотск отправим, по уговору с государем. Но половина золота наша — на нее и закупим в Мексике всяких продуктов и хлеба. Бриг в мае уйдет, в сентябре вернется — Игнат умный мужик, он в их Сан-Франциско с местным губернатором толковал, и тот вроде как согласие дал. Я с Игнатом и сметаюсь, грамоту возьмем, все честь по чести сделаем. Рухлядь им ни к чему жарко там. А вот золото?!

— А ведь это выход, — после короткого раздумья отозвался Григорий, — мы питанием себя полностью обеспечим, в три горла есть будем. Стой! Бриг один, а если в Охотске его

отберут? Кораблей хороших там нет, сам видел.

— Новость одна еще есть, дюже важная. Игнат с Петром Федоровичем до отплытия самолично беседовал. Государь ему пообещал, что отправит на Камчатку эскадру из нескольких кораблей, и якобы для этого похода аглицкого адмирала пригласили. Весной прошлого года отряд сей должен был отплыть — так что, мыслю, хотя бы пара кораблей должны уцелеть и к августу до нас добраться. Иль на Камчатку, что тоже не худо...

Ларга

— Извольте покушать, ваше величество!

Нарцисс сноровисто заставил барабан мисками, накрытыми салфетками. Петр вздохнул — суровость быта короля Карла Двенадцатого его тяготила, но имидж того стоил. В армии о том разговоры до сих пор ходили.

— Так, что там у нас на завтрак сегодня, Нарцисс?

Он спросил машинально, прекрасно зная, чем его кормят. Приподнял одну салфетку, другую — невольно закрутил носом. Все из солдатского котла лейб-егерей, не Петергоф, конечно. Жenuшка до такого нарочитого аскетизма никогда не дойдет — придворные не поймут-с. Зато ему ясно, что с солдат надо требовать соответственно харчу и кормежку контролировать.

В одной миске была набившая уже оскомину желтая кукурузная каша, чуть приправленная маслом. Коронное блюдо в этих краях, недаром местное население мамалыжниками называют. Без привычки трудно ее есть русскому человеку, но приходится, куда деваться, раз другого блюда в меню не имеется. Картофель еще здесь не сажают, рис тем более. Налегают на каши — перловую, что «шрапнелью» в его время в армии называли, ячку, изредка гречку и прочие — зерновые здесь в ходу, сеют помаленьку.

Во второй миске было мяско с подливкой — время от времени каптенармусы забивали приведенные с еще пока не русской, но, по сути, уже и не польской Подолии стада коров или покупали их у местных крестьян. Но последние живут бедно, овощи, фрукты и вино в ходу и дешевы, но так прямо голь перекатная.

Местные господарчики селян своих налогами душат, османы свою долю тоже гребут, на церковь десятину пожертвовали, и что в остатке? Кукурузу токмо и жевать, благо урождается хорошо, солдаты в ней, как в лесу, с касками теряются.

Два сваренных вкрутую яйца, миска черешни на десерт. А еще куски мягкого и пышного белого хлебушка да ломоть ржаного душистого — с пылу-жару прямо из солдатской пекарни. Четыре года прошло, пока их вместе с полевыми кухнями в армию приняли и производство кое-как освоили. Как раз к войне и успели.

В довершение оплетенная соломой бутылъ с местным слабеньким винцом, что здесь все прихлебывают вместо кваса, от мала до велика. Но не на одного, рядом за соседними барабанами уместилась неизменная троица сотрапезников — многолетний начальник штаба генерал Гудович, бывший рядом с ним с первых часов гвардейского мятежа в столице, командир лейб-егерского батальона подполковник Рейстер да верный Денисов, что конвоем лейб-казаков заправлял.

— Давай, Федор Иванович, разливай по стаканам! — Петр мигнул на бутылку, и немец проворно, но точно, ни на грамм не ошибся, разлил содержимое бутылки по граненым походным стаканам.

Память великая Петру Алексеевичу и большое от его потомков спасибо. Когда еще царь московский был в Англии, то на судне во время качки озадачился — гладкую посуду держать в руках было затруднительно.

Так и появился и прожил три века неофициальным гербом России и главной ее достопримечательностью ребристый стакан. Сколько их, бедных, уворовала нищая студенческая братия со столовых, буфетов и газировальных автоматов. И в общаге в ходу были только они, безотказные труженики, — и водку налить можно, и чай с кофе, и для опытов использовать...

Но немец это вряд ли знал, да и какой он сейчас, беса лысого, тевтон. Наш, старой веры приверженец — не выдержала серьезной психологической ломки арийская душа.

Все егерские батальоны Петр повелел комплектовать только из старообрядцев — те за отмену гонений и полное равноправие были готовы с царя пылинки сдувать. В лейб-егеря староверы уже сами отбирали лучших из лучших — здоровых, верных и преданных.

Петр прекрасно помнил полученный опыт мятежа и поспешил обзавестись собственными преторианцами. Так-то оно надежнее, и к жене заодно приставил — мало ли что, доверяй, но проверяй. К тому же барабанные винтовки являлись секретным оружием, а кому, как не этим бородачам, доверить такую тайну можно?!

Вот Рейстер и попал под их влияние — поначалу крепился, пытаясь переупрямить таких же спокойных оппонентов. Потом сломался от безысходности — отрастил бороду, бросил курить, ибо то никонианская зараза, и напоследок, шокировав всю лифляндскую родню, принял православие в его кондовой форме, дореформенной. Имя свое переименовал на русский лад, а потом и невесту ему подыскиали — из богатых купцов-староверов.

Спекся барон по полной программе — немецкую речь подзабывать начал, все чаще от него было слышно «зело», «вельми» и прочие архаизмы.

Хотел было даже отставку попросить, но Петра тогда сильно удивили — вся рейстеровская новая родня в ноги упала, умоляли переубедить зятя. Он их прекрасно понял — богатых среди старообрядцев много, но никогда не было царских любимчиков и флигель-адъютантов. Тем паче и сам был заинтересован — теперь содержание отборного батальона казне ничего не стоило...

— Что-то вы, друзья мои, скверно едите? — Петр с ухмылкой посмотрел на вяло копающих мамалыгу Гудовича и Рейстера, а Денисов хоть и ел, привыкший по казачьей натуре набивать брюхо впрок, но морщился. Он и отозвался первым, многое позволялось:

— Сальца бы к кашке, да маслица побольше, и мяска фунтик жареного еще. Цибуля пойдет, да шкварками заправить — тогда вкуснятина.

— Тогда это уже не мамалыга будет, — хмуро отозвался Гудович.

— Вот потому, Андрей Васильевич, сию кашу войскам не давать! Надоела она хуже горькой редьки. — Петр покачал головой, а Денисов тут же влез в паузу.

— А редька бы сейчас хорошо пошла, батюшка. С маслицем...

— Скипидаром или уксусом тебе одно место не намазать? — хмуро спросил Петр, и казак тут же прикусил язык — не в духе царь-батюшка, поилец и кормилец. Попасть под горячую руку желания ни у кого не было. — Ты что творишь, Андрей Васильевич? Войска перед маршем и баталией плотно и вкусно кормить нужно, ничего не жалеючи. Интенданты твои снова воровать стали, или магазины оскудели? Ну, тогда за их нерасторопность взыскать строго надо, а если нужно, то и повесить нерадивых. Этим и займись, чтоб на ужин, в дороге и на ночь, при привале, мяса было много, вволю. Кашеваров заранее отправь. А там в турецком лагере послезавтра подкормимся, коли Господь победу дарует...

— Есть!

— Да сиди уж, чего вскочил. Денисов, твои казаки это едят?

— Едят, ваше величество!

— Врет и не краснеет!

— Нет, батюшка. Они это едят, а заедают другим. Поход ведь, многое под руку попадается. Мы ж твой личный конвой, государь!

— Так распорядись, старшина. Мне мамалыга уже в горле стоит. Жрать не хочу — представляю, как солдаты давятся и каптенармусов матерят. — Петр отодвинул чашку и достал папиросу.

Он понимал, что вредничает, просто на душе саднило — ведь ночь спать не придется, на марше будет. И то во благо — не уснет, так встречи с «дедушкой» не будет. Больно она ему нужна...

Хиос

— Я надеюсь на вас, господа! Вы охотники! Но помните — наш государь Петр Федорович не оставит вас в своей милости!

Вице-адмирал внимательно посмотрел на четверых стоящих перед ним навытяжку офицеров — капитан-лейтенанта Дугдэля, лейтенантов Ильина и Макензи, мичмана князя Гагарина. Отчаянные, раз решили самолично брандера на турецкий флот этой ночью повести. Но что ж — на таких офицерах Россия и держится! В них ее кровь и слава!

— Еще раз прошу вас — зажигайте брандеры только тогда, когда сцепитесь с турком. Никак не раньше. Корабли контр-адмирала Чичагова прикроют вас пальбой и отвлекут на себя береговые батареи. Фрегаты и бомбардирский корабль свяжут галеры и шебеки. Так что действуйте решительно и смело, господа. Господь вам в помощь!

Григорий Андреевич одобрительно улыбнулся и взмахом руки отпустил моряков. Сам тяжело уселся за стол и задумался — стоящий на якоре корабль тихонько покачивался.

Победа была сокрушительной, таких русский флот никогда не одерживал. Десять турецких линейных кораблей сожжено, взорвалось или потоплено, один загнан на мель, а «Родос» турки бросили в панике, и он достался победителям почти целым. Отправилось на дно и с полдюжины разной мелочи — пара шебек, галеры и транспорт.

Остальные турецкие корабли, числом с полсотни, укрылись в Чесменской бухте, но реальную силу представляли те самые восемь линкоров авангарда, что позорно бежали, бросив свой флот на заклятие. Потому победа не была полной — требовалось этой ночью полностью уничтожить османов, чтобы русский флот стал хозяином Эгейского моря.

Это было крайне необходимо для высаженных в Морее десантов — без помощи его эскадры они обречены на заклятие. И не только...

Но сейчас Григорий Андреевич не мог об этом думать — победная эйфория продолжала кружить ему голову. Кавалером святого Александра Невского он был пожалован за оборону Петерштадта — славное было дело и то, что верно им был угадан будущий победитель.

Анненскую кавалерию получил за ревностную флотскую службу через три года, как и чин вице-адмирала. А теперь что полагается? Либо чин полного адмирала, либо Андреевская кавалерия — иного быть не может!

Слишком велика победа при столь ничтожных потерях. Погиб только «Санкт-Петербург», еще два корабля повреждено — все из отряда Грейга. И потери все у него, на других едва десятков убитых и с полсотни раненых найдется, да и то если всех увечных посчитать, кто сам себе член какой повредил по недомыслию.

За потерю корабля царь не взыщет, скажет небось: «Мой город часто затопляет и так, и неважно, что один из домов потоп, да еще так славно!» Тем паче один «турок» захвачен и в строй скоро будет введен. Да еще с мели одного снять можно. Остальным двух недель для ремонта будет достаточно...

Адмирал четко помнил свой последний разговор с императором перед отходом эскадры в Архипелаг и сейчас еще раз искренне восхитился его предвидением. Турецкий флот оказался именно в Чесме, куда он и подошел с эскадрой, и точно в эти дни, на которые ему строго

указали.

Мистика, право слово, — но Спиридов знал, что к императору часто ночью приходят его великие деды, и последствия такого посещения он увидел первый раз восемь лет тому назад, со дня чудесного перерождения государя Петра Федоровича...

Очаков

— Тридцать три года прошло, и вновь предстоит делать то, что сам же делал! — Миних пророкотал себе под нос и упер крепкую, отнюдь не старческую длань под бок. — И в это же время, ха-ха!

Фельдмаршал хохотнул трубным гласом и прищурился. Подзорной трубы не требовалось — его глаза могли разобрать на приличном расстоянии любую деталь, а вот письмо приходилось держать на вытянутой руке, а чтоб написать, требовалось даже надеть стекляшки на нос. Совсем не военный вид у него получался, чего Бурхард Миних не любил.

Тот год, 1737-й, Христофор Антонович отлично помнил — подошли к Очакову тогда 30 июня, потрепав турок в стычке под стенами. На следующий день сразились — бог войны Марс был на стороне русских. И он решил начать штурм крепости, не дожидаясь прибытия осадной артиллерии, что должна была привести суденышки флотилии по Днепру.

— Эх, молодость, молодость, — прошептал Миних и усмехнулся. Тогда ему было 54 года, зрелый муж, но с высоты своих нынешних 87 лет это была именно молодость.

Да и сейчас он не стар еще, а крепок и силен, как раньше, или даже еще сильнее — маркитантка вчера пластом лежала. Фельдмаршал усмехнулся еще раз — он мог позволить себе в походе такие шалости, благо царь ему не запрещал, вроде даже восхищался его любовными победами. А теперь нужна громкая виктория, но не как та...

Тогда, 3 июля, русские пошли брать крепость. Бой получился кровопролитным и жестоким. Атака с ходу привела к тому, что как всегда не вовремя кончились боеприпасы, подвезти новые забыли. И хотя удалось завалить ров и взобраться на стены, на этом штурм застопорился, и сами турки перешли в контратаку. Его до сих пор терзал стыд — тогда он впал в панику, бросил шпагу и закричал: «Все пропало!»

Судьба тут же посмеялась над ним еще раз — в крепости взорвался пороховой погреб, и тут уж турки пришли в смятение. Русские же воспарили духом и снова ринулись на стены. Выручили казаки — воспользовавшись паникой гарнизона, они со стороны моря внезапно атаковали и ворвались в город. Тут не выдержали нервы у сераскира — коменданта крепости, — он запросил перемирия.

Сам Миних тогда грозно затопал ногами и свирепо пригрозил, что если турки немедленно не капитулируют, то их всех вырежут. Ногами-то топал, кричал в ярости, свирепо вращал глазами и брызгал слюной, но себя не обманешь — тогда он до дрожи боялся продолжения баталии.

Это ли, или пожар, что захлестнул город, но турки немедленно сдались — из двадцати тысяч их едва осталась треть. А Бурхард испытал чудовищное облегчение...

Прошла пара лет, и то, что не смогли турки, пытавшиеся отбить город, сделала чума, опустошившая гарнизон. Пришлось тогда бросить эту завоеванную на шпагу твердыню. Вот и сейчас история повторяется, он снова под Очаковым, только подошел на неделю раньше, укрепления те же, турок опять двадцать тысяч, да еще корабли стоят в Днепровском лимане, снова преграждая выход из реки многочисленным русским суденышкам.

Но осадные жерла уже на позициях, бомб в достатке, имеется и «греческий огонь», что испепелит крепость, если будет нужда. И на русских кораблях найдется, чем османов удивить — фельдмаршал до сих пор, как ребенок, восхищался изобретательностью своего царственного

молодого друга.

Подводить его он был не намерен, как и себя — никто за язык не тянул, когда он клятвенно пообещал, что возьмет Очаков на шпагу раньше, чем в прошлый раз. Осталось только сдержать данное царю слово...

— Открывайте огонь из всех орудий. Не прекращать бомбардировку и ночью. Чтоб через три дня они сами сбежали из города! Мы им устроим Содом с Гоморрой — навек запомнят!

Отдав приказ щуплому, но знающему генералу, командующему артиллерией, Миних уселся за столик — война войной, а обед должен быть по расписанию, как любит говаривать благодетель Петр Федорович, его величество, самодержец Всероссийский...

Юконский острог

— Леха! Ты мне уже всю душу вытянул! Не хитри со мной, брат! Что за пазухой прячешь?! Не юли!

— Игнат письмоцо одно мне сунул в тайне глубокой. А ему одна особа, тебе дюже знакомая, его написала. Даже не ведаю, кто такая? И смелая — не побоялась печать с государственным гербом прицепить. И грамотку к ней приложила серьезную, о том, что вы, милостивый государь Григорий Григорьевич, назначены волею императора Всероссийского губернатором Аляски и других заокеанских земель, кои под державу Российскую подведете. Ты охолонь, братец! Вот письмоцо!

Алехан отскочил от вытянутых лап Григория, что в ярости чуть не накинулся на него. Сунул руку за пазуху, вытащил толстый сверток бумаги, завернутый в кожу, протянул брату и шагнул к открытой двери:

— Ты уж один почитай письмоцо, Гриша. А указ государев мы в крепости оставили — там он должен лежать, сюда не стал везти, боязно. Бумага-то важная. Посиди один, а я тут по острогу пройдуся, посмотрю, что к чему. Да и людишек своих проверю...

Алексей Орлов стоял у навеса, молча крутил в могучих руках тяжелую форму для литья пуль. Даже кузница имелась в остроге, пусть неказистая, но зато свинец и железо — в достатке.

Но кузнец, как и священник, сейчас отсутствовал: почти все мужское население в два десятка человек трудилось на прииске — мыло столь нужное золото. Еще полдюжины — караульные, брат Григорий да немощный, что жестоко в ледяной воде настоялся, находились в острожке. И баб с детишками, туземцев местных, душ сорок — вот и все население.

Русских только полтора десятка — гвардейцев бывших да их дворовых мужиков, что верно за господами за тридевять земель отправились.

— Любуешься, брат? Так мы сами тут пули льем к нашим фузеям. Хорошие штуки государь придумал — на триста шагов точно бьют...

— Ты из новых винтовальных ружей постреляй, чудо прямо-таки! Царская задумка! Я тебе два десятка привез, да капсюлей ящичек, да мешок пуль — надолго хватит.

— Чудо, говоришь? — Григорий скептически хмыкнул.

— Не лыбся, брат. Сия винтовка стоит того, чтоб чистым золотом по весу за нее брать!

— Тогда проверим прямо сейчас. Два выстрела дать уже нужно — пора вечерять, хватит золото мыть. И где твоя фузея?

— Кузьма! — Алехан повернулся к стоящему поодаль казаку, своему порученцу и помощнику. — Принеси новую фузею, ту, что брату моему отобрана, да барабан с патронами поставь.

Казак кивнул, и не прошло минуты, как Григорий крутил в руках странноватую фузею. Что к чему он сразу разобрался, тем паче раньше доводилось смотреть на туринскую барабанную фузею. Хорошая штука, только после каждого выстрела нужно крутить барабан, подставляя

зарядную камору, да в замок порох подсыпать для нового выстрела. Но тут было иное — калибр намного меньше, мизинец не пролезет, замок вверху отсутствовал, зато каждая камора была сквозная, и в нее вставлялся латунный длинный цилиндр.

Григорий быстро сообразил, что это ружейный патрон, только не бумажный. С одной стороны виден кончик вытянутой пули, а с другой имелся тонкий чуть выступающий шпенек.

— Здесь порох подсыпать не надо, — объяснил Алехан, поймав вопросительный взгляд брата. — Боек бьет по шпенюку, то есть капсюлю. А в том «гремучий камень», что от удара загорается и порох поджигает.

— Ух ты! Не ведал я, что такое есть. За морем покупают?

— Да нет. На Урале где-то нашли и место в тайне держат — мне о том Игнат рассказывал.

— И правильно делают! А то прознают пруссаки или османы, хлопот потом не оберешься!

— Барабан крутить не надо, он сам после выстрела повернется. Механик Кулибин механизм хитрый сделал, сам взводится. Ничего сложного. Если сломается, то есть запасец деталей всяких, отремонтировать можно. Да и механикус толковый с бригам прибыл, с женой своей, я их в крепости поселил, дом построил, все честь по чести. Винтовки поломанные исправляет. А гильзы мы сами заново снарядить можем. На каждую винтовку всего три десятка патронов отпущено, так что гильзы собирать нужно, чтоб ни одна не пропала. Дорогие весьма, стенки толстыми — вначале каждую отливали, а затем сверлили.

— Тогда проверим фузею сию. Куда стреляем?

— А вон, Гриша, валун у скалы видишь? Туда и стреляй. Пуля из камня искры выбьет, мы и увидим.

— Ты что, сдурел? До него сотен шесть шагов!

— А ты на чурку встань, ствол между бревен частокола в бойницу сунь и стреляй смело.

Григорий хмыкнул, встал на чурку, вставил ружье в щель и долго прицеливался. Выстрелы прогремели почти слитно. Старший брат тут же спрыгнул с чурбачка — лицо было несколько озадачено.

— Нет, за эту винтовку нельзя брать золотом по весу! Разорительно! Надо втроене брать — она того стоит. Ну, ничего, мы его много намыли, с царем по-царски расчет держать будем!

ДЕНЬ ВТОРОЙ

28 июня 1770 года

Гречиничи

Яркий, ослепительный свет ударил по глазам. Зажмурившись, Петр услышал непонятный нарастающий гул. Через мгновение он узнал голоса церковных колоколов. Сквозь переливы маленьких особенно выделялся большой набатный колокол. Его оглушающий звон отзывался в голове, заставляя вибрировать каждую клеточку тела. Колокола пели, растворяя его в себе, унося за собой. Закрыв глаза, он ощутил, что теплый душистый весенний ветерок, подхватив, влечет его вслед за этим колокольным маревом.

Над ним проплывало прозрачное голубоватое весеннее небо, подернутое чуть игривыми облачками, на мгновение скрывавшими начинающее набирать жизненную силу солнышко и уносившимися вдаль за горизонт.

Так же как и эти облачка, он легко парил над землей, всей душой вбирая в себя ее дыхание, прислушиваясь к шепоту дрожащих веточек берез с влажными, чуть распутившимися нежными листочками, узнавая себя в журчании прыгающих по камешкам ручейков, взмывая ввысь вслед за птичьими трелями, пропитываясь теплым паром не успевшей остыть пашни...

Родная земля, как нежная и любящая мать, ласкала его, даря ему свое тепло и силу. На мгновение Петр ощутил себя частью чего-то необъятного. Ощущение причастности к чему-то необъяснимо могучему и волнующему захлестнуло его. Острая потребность защитить и уберечь это нечто, сильное и безжалостное, как порыв ветра, с корнем выворачивающий вековые деревья, и в то же время хрупкое и ранимое, как ночная бабочка, как распускающийся бутон, затмила все его мысли и чувства.

Ему стало легко и спокойно от того, что он нашел наконец тот смысл, ту цель, которые он так долго, даже не осознавая для себя самого, искал. Словно кто-то невидимый стряхнул с его души всю накипь, переворошил всю начинку, укрепил стержень. Тот незримый стержень, на который нанизываются нравственные и моральные ценности души, поступки, мысли и устремления. И от того, насколько он крепок, а зачастую есть ли он вообще, зависит многое: и то, как человек проживет свою жизнь, и то, что он оставит после себя.

Внезапно колокола стихли. И тут Петр опомнился — он же видел уже этот огромный храм, прекрасный и белоснежный, на мгновение скрывший солнце, клонящееся к закату. Выглянув вновь, оно нестерпимо заискрило, заблестало на золоте куполов, поглотив в раскаленном золоте небо и землю.

— Так я уже видел все это, — пробормотал Петр. — Прошлый раз, во сне. И потом, когда «дедушка» во второй раз явился со своим Алексашкой. Они... Твою мать! Да вон они, только подумать стоило!

В сгущавшихся сумерках Петр увидел два силуэта, вышедших из темноты. Старые знакомые, только император без трости, а Меншиков идет не рядом, а чуточку отстав.

— Здравствуй, внук! Почто от меня прячешься? — У Петра Алексеевича хищно ощерились кошачьи усики, но голос был на удивление мягок. Но с обидой затаенной, видимой.

— Это он, уверяю тебя, мин херц, трости твоей опасается, — засмеялся Меншиков и подмигнул. «Счастья баловень безродный» был расфуфырен, как в прошлый раз, — в пышном завитом парике, в дорогой одежде, переливавшейся золотым шитьем и драгоценными камнями.

— Да ничего я не опасаюсь, — резанул Петр, и раздражение захлестнуло его. Надо же, стоило на секунду задремать, и вот они, не к ночи будь упомянуты. Сладкая парочка...

— Еще раз такое скажешь, в рыло от меня получишь, — Петр угрожающе прошипел Меншикову. Тот, к его удивлению, хотя был намного шире и выше на голову, отступил за своего благодетеля и повелителя.

— Моя кровь, Алексашка, — удовлетворенно буркнул Петр Алексеевич и подошел вплотную, рукой прикоснуться можно. Но Петр не стал этого делать — мало ли что, в опасности нужно быть.

— Я с турками мир позорный заключил, смотри и ты не обмишулься. Вояки они добрые. Но ты другой, не я... Есть в тебе что-то...

Гигант с неожиданной силой схватил Петра за плечи и прижал к своей груди. Так прижал, что дыхание сперло, а лбом он ударился в шитую серебряную звезду. От внезапного жара раскалившегося знака Петра передернуло, он попытался отшатнуться. Но куда там — император держал его за плечи стальной хваткой.

— Уййй! — он смог только прошипеть. Жар начал обжигать лицо нестерпимым пламенем — стало по-настоящему больно.

— Державу свою тебе вручаю, теперь могу спокойно спать...

Боль заполнила разум, он осознавал с трудом. Последние слова императора доносились уже сквозь туман, плотно окутавший Петра...

— Уййй!!! — Осознав себя уже наяву, Петр почувствовал, как болит лицо. Вскочил, разлепил глаза и через секунду хрипло рассмеялся. Матерясь вполголоса, он схватил с походной кровати край одеяла и стал вытирать им лицо. Ткань окрасилась, но не кровью, а горячим жиром мясного рагу.

— Надо же — сел за столик позавтракать и вырубился! А дедуля момент четко уловил и явился. По душам поговорили...

Петр усмехнулся, отбросил испачканное одеяло и взял салфетку, еще раз протерев лицо чуть влажной тканью. Радостно засмеялся, но тихо, не в голос, убедившись, что лицо почти не пострадало — хорошо, что не с пылу-жару казачки миску принесли, чуть остудили, а то картина получилась бы — у императора рожа красная и волдырями покрыта. Какие пересуды пошли бы сегодня по армии? И это перед генеральной баталией?!

— Нам такого и даром не надо! — пробормотал Петр и ухватил пальцами ложку. Он почувствовал острый голод, в желудке заурчало — десять часов в седле любого здоровяка умотают.

Войска делали только ночные марши — изнуряющая жара выкашивала солдат похлеще татарских сабель или турецких пуль. В мае шли еще холодные дожди — промокшие и замерзшие солдаты ротами валились в горячку. Вот тебе и война — боевые потери на порядок меньше санитарных. За Прут не переходили, даже отряды не посылали, хотя турок там не было. Зато напасть имелась намного более страшная — по Валахии ходила чума...

Чесма

— Да что ж такое?! Ну, сукины дети, вы у нас еще получите по сопатке за «купание» и мой «Санкт-Петербург»! — Капитан-командор Грейг сдвигал руками подзорную трубу и грязно выругался.

Луна уже пошла на убыль, но ее света было достаточно, чтобы видеть, как русские линейные корабли «московской» эскадры ведут убийственный огонь по туркам. В темном летнем небе проносились пульсирующие красные пятнышки — вице-адмирал Спиридов приказал обстреливать скопище турецких кораблей «греческим огнем». Османов набилось в Чесменской бухте, как сельдей в бочке, что умело солят рижские торговцы.

Вот только мазали пока канониры — линкоры стояли от входа в бухту на почтительном

расстоянии — командующий эскадрой не хотел рисковать, высока была вероятность напороться на мель или на брандер, если турки рискнут бросить в бой набитые порохом быстроходные галеры.

Русские корабли стреляли только нижним деком, где стояли длинноствольные и самые тяжелые 36-фунтовые пушки — эффективный выстрел в две версты, хотя могла бить и на три. Но попасть с такого расстояния даже лучшему канониру, несмотря на новые прицельные устройства, было крайне затруднительно.

Потому горело, и довольно весело, лишь несколько турецких кораблей. Но этого мало для посылки в самоубийственную атаку русских брандеров, что прижимались к кораблям его «петербургской» эскадры из «Великого Новгорода» и «Пскова», усиленной бомбардирским кораблем «Гром».

— В-у-х!!!

Грейг чуть поморщился — трехпудовые мортиры «Грома» с чудовищным рывком изрыгнули смертоносные «гостинцы». В морском бою они бесполезны — попасть по движущейся цели не сможет даже самый опытный и удачливый канонир.

Но нет лучше оружия для пальбы по береговым укреплениям или скопищу судов, стоящих на якоре. Тут вероятность попадания резко возрастает — один из десяти выстрелов может попасть в цель. Деревянная палуба худая защита — тяжелая бомба пробивает ее запросто, и мощный взрыв происходит уже внутри корабля...

— Ш-в-а-х!!!

Столб яркого пламени взметнулся в небо огромным алым «грибом». Так взрывается только крюйт-камера — Грейг это видел вчера и не один раз. Мортира «Грома» все же нашла свою цель, и тут же палуба флагманского «Великого Новгорода» подпрыгнула у капитан-командора под ногами — линкор дал залп всем бортом.

— Пора. — Грейг повернулся к сигнальщику, что не спускал с него глаз, ожидая команды. Самуил Карлович после боя и «купания» стал замечать, что матросы смотрят на него восторженными глазами и готовы выполнить любой его приказ.

А это очень хорошо! Нет ничего лучшего для капитана, чем полная уверенность в нем команды. Тогда можно сотворить с ними и невозможное!

— Давайте ракеты! Брандерам атаковать!

Не прошло десятка секунд, как в небо взмыли две желтые «шутихи», а спустя несколько минут из-за кормы стали тихо выползать брандеры, проходя настолько близко, что командор разглядел в сумерках ожесточившиеся лица их командиров.

С третьего брандера Грейгу кивнул лейтенант Ильин, как бы прощаясь. Капитан-командор поклонился, махнул рукой в ответ и прокричал:

— Ни под каким видом не зажигайте, пока не сцепитесь с неприятелем!

Петербург

— Ваше величество, гонец от императора. — Молодой, рослый и красивый офицер в форме лейб-гренадерского батальона распахнул двери кабинета.

Екатерина Алексеевна непроизвольно встала с мягкого стула, положив перо на столик — императрица с утра писала письмо мужу, и надо же — мысли ее сейчас получили наглядное материальное воплощение.

Чеканя шаг, в распахнутые двери вошел запыленный посланник с серым уставшим лицом, на котором задорно горели пронзительно-голубые глаза. Като незаметно вздохнула — десять лет назад она бы не устояла перед такими очами, но сейчас сие абсолютно невозможно.

Екатерина Алексеевна вопросительно посмотрела на офицера, сохраняя самое строгое

выражение.

— Государыня! Пакет от императора. — Офицер протянул женщине серебряный футляр с письмом.

— Что повелел его величество и мой супруг? — нетерпеливо спросила она с неистребимым немецким акцентом.

— Виктория, ваше величество! Под Ларгой разгромлено турецкое воинство Абды-паши, десять тысяч османов и татар перебито, сорок тысяч разбежалось. Захвачено две дюжины пушек и три тысячи пленных!

— Слава Господу!

Екатерина перекрестилась на иконы — во всем она старалась подражать своему мужу. Тот всегда подчеркивал свою истовость в вере, особенно после того, как совершил секуляризацию церковных земель.

— Великую победу одержал наш император! Вся столица ее в нетерпении ожидала, — добавила она и снова внимательно посмотрела на гонца, как бы спрашивая, что еще тот сможет сообщить.

— Турецкий визирь собирает у Измаила воинство великое. Его императорское величество мне перед дорогой особо сказал, что сам желает перейти в наступление и разбить османов.

— Хорошо, благодарю вас за счастливое известие. — Като сделала шаг к столу и открыла шкатулку. Посмотрела на сверкающее нутро, оценивая подарок, — для таких нужд императрица, с согласия мужа, имела под рукой немалые ценности.

После короткого раздумья женщина достала золотую коробочку — наградную императорскую папиросницу с большим двуглавым орлом, выполненную придворными ювелирами с большим изяществом.

— Возьмите, капитан. Я рада, что такие доблестные офицеры, как вы, верно служат на благо России!

— Благодарю вас, ваше императорское величество! — Офицер коснулся пола одним коленом и принял из ее рук подарок. Чуть помешкав, несколько растерянно произнес: — Но я поручик, государыня!

И тут же отвел глаза от некоторой неловкости — император крепко вбивал в подчиненных субординацию и дисциплину, и потому он не мог не указать Екатерине Алексеевне на ее промашку.

— А вы откройте! — с хитрой улыбкой промолвила Екатерина.

Офицер немедленно исполнил просьбу и растерянно посмотрел на раскрывшееся нутро — вместо папирос там блестели две маленькие золотистые звездочки. Еще не веря в происходящее, он поднял глаза на императрицу.

— Это мой муж подготовил для таких случаев, — тихо засмеялась Като и вздохнула — как бы она сама хотела искупаться в этих восторженных голубых глазах, что обжигали ее сердце. Мечты, мечты — вы неисполнимы, но без вас трудно жить...

— Я с радостью умру за ваши императорские величества!

На глазах новоиспеченного капитана выступили слезы, и он припал губами к протянутой ладони — осторожно и почтительно, так целуют мать, но никак не женщину.

— Идите, капитан. Я довольна вами!

Офицер встал, почтительно поклонился и вышел из кабинета. Като еще раз вздохнула — в ней сейчас видели не женщину, а жену боготворимого императора. И даже в мыслях этот молоденький капитан не позволил себе на миг представить... Слова про «величества» сказали яснее ясного!

Екатерина Алексеевна открыла футляр, пробежала глазами по письму и прикоснулась

губами к подписи.

— Я все сделаю так, как вы повелели, ваше императорское величество, — тихо промолвила императрица и, взяв серебряный колокольчик, позвонила...

Петербург восторженно судачил и пьяно гулял. Гром пушек Петропавловской крепости продолжал радостно возвещать об еще одной долгожданной победе над турками.

Сама императрица, все сенаторы и генералы, церковный клир во главе с митрополитом в ярко блестящих золотом ризах, стройные и грозные шпалеры запасных гвардейских батальонов, разодетое дворянство и скромное чиновничество, расфуфыренное купечество и несметные толпы горожан колыхались перед Казанским собором, ликуя и радуясь.

А над городом все звенел и звенел колокольный звон. И слухи молнией облетели и заполнили столицу.

— Наконец-то благоверный государь наш Петр Федорович показал магометанам кузькину мать! А, Кузьма?! Поделом им, не будут православных мучениям предавать и церкви разрушать!

— А еще, любезный, войска нашего любимого императора, дай Бог ему всяческого здоровья и побед, богатейшие трофеи взяли. Золота и серебра да украшений всяческих полные возы набили. Ежели так и дальше пойдет, то вся Оттоманская Порта без богатств своих немереных останется!

— Айда в кабаки, православные! Сегодня по царской воле чарки с водкой за полцены наливают. А одну и так дают! Гуляй, душа!

— Ой, Матрена, радость-то какая! Супостатов побили и водкой потчуют всех задешево. Только чтоб лишних чарок задарма не брали и на бровях не выползали. А то казаки лютуют, плетью своими свищут, задницы нерадивые разукрашивают. Страсти-то какие!

— Царь русская душа, все ножки его обцеловал бы! Ох-ты! Царица-матушка иной раз, немка, погулять душе не дает!

Секретарь датского посольства Шумахер, нахмутив лоб, записал в свой дневник: «Новая русская победа дает ясное понимание, что новоявленный князь Молдавии не выпустит завоевания из своих рук. Это известие наполнило печалью мое сердце — теперь не то что Голштиния, но и Шлезвиг могут быть навсегда потеряны для моего короля».

Юконский острог

— Ты знаешь, Гриша, мне нынче сон престранный явился!

Алехан наклонился к брату, дыша перегаром. Тот «выхлопа» не замечал, сам такой был. Славно погуляли гвардейцы с мужиками — сословные рамки в этой «тмутаракани» сильно сгладились, — а потому бочонок царской водки был опустошен чуть ли не до дна.

Больше штофа очищенной водки на душу русскую пришлось — и поорали, и силушкой мерились, и под балалайку в пляс пускались. И песни дружно пели — тягучие, как полярная ночь. И милые российские просторы, запах сена и трели соловья на секунду, как всем показалось, появились и здесь. Хорошо погуляли, славно...

А сегодня был отходняк — с бочонка вылили остатки водки, как раз хватило всем для опохмелки. И все, ни-ни-Орловы погулять умели и любили, но дело и дисциплину блюли аки церберы, у них не забалуешься.

Потому прибывшие, помывшись вчера с дороги в баньке, отдыхали да входили в курс местной жизни, вяло пощипывая индианок, различая замужних и не заигрывая с ними. Местные девки и вдовы улыбались, отнюдь не повизгивая, как русские поселянки, — отношение к прибывшим было у них самое благосклонное.

Жители острога такими пустяками не занимались — у каждого своя скво имелась. Можно и больше завести, баб и девок хватало, но только батюшка блуд пресекал резко и, хуже того,

венчаться заставлял. С бывшим епископом, сосланным вместе с гвардейцами сюда, последние не пререкались, хотя под венец шли неохотно.

Но воленс-ноленс — петербургский снобизм давно выветрился из голов, спесь слетела пожухшим осенним листом. Так что приходилось вскоре ожидать законных деток — Орловы сами настаивали на заключении смешанных браков, дабы еще крепче привязать присягнувших алеутов.

Сейчас острожники занимались важнейшим делом — они отъедались настряпанными пирогами, что пекли туземки всю ночь под надзором единственной русской казачки, прибывшей сюда из далекого Якутска.

На пять получилась сдоба — тут тебе и расстегаи с начинкой из лосося, свежего и соленого, пироги с сохатиной, маленькие пирожки с дичиной, картошкой, прожаренной в луке печенью и морковью, с подрумяненной хрустящей корочкой в шкворчащем на сковороде жире. Исходивший от блюда запах был таков, что заставлял поглощать их в невероятных количествах. Требовали еще и добавки — про вкус овощей поселяне давно забыли...

— Так что за сон, Алеша? — Григорий лениво поковырялся пальцем в блюде с тремя пирожками и выбрал наудачу один. Откусил половину и чуть не заурчал довольным котом — начинка была с обжаренным луком.

— Будто я вместе с казненным князем Барятинским, Пассеком и другими гвардейцами сидим с Петром Федоровичем в комнате. Закусываем, выпиваем — стол накрыт обильно. Лето, окно открыто — благодать. Я в окошко-то и выглянул — вроде Ропшинский дворец то был, брате...

Григорий непроизвольно вздрогнул — Ропшу называла княгиня Дашкова ему раньше. И чуял он тогда, что неспроста такая многозначительная оговорка с ее стороны. Ох, неспроста!

Алехан осекся, вытер рукавом вспотевший лоб, замялся в нерешительности. Григорий с удивлением посмотрел на брата — тот сам не походил на себя, ведь никогда еще не мямлил.

— Не Петр Федорович это был...

— А кто? — воззрился старший брат в изумлении.

— А *тот*, голштинец, крикливый и вертлявый. Глазенки так и бегают, ручки трясутся. Дух покойного деда, великого императора, не впитавший, так я мыслю...

Алехан непроизвольно оглянулся — мало ли кто к разговору прислушивается. Но нет, все были сильно заняты жевательным процессом. Да и гул от разговоров стоял такой, что их беседу и расслышать вряд ли кто мог. Но на всякий случай Алексей Орлов приглушил голос чуть ли не до шепота.

— Тут он сцепился с Пассеком, потом с Барятинским. А покойный князь ему и говорит: «Ты что сказал, петух голштинский?» А я рядышком сижу, а пальцы так и гнутся — хочу за шейку голштинца взять да набок свернуть. И желание таково, что удержу от него нет!

— И что? — Григорий наклонился за столом, чуть ли не коснувшись носом покрасневшегося лица брата.

— Князь и кинулся с вилок в руке, а сзади Пассек навалился. Ну, тут и я решил в этом деле поучаствовать, схватил его за шею!

Алехан затряс могучей ладонью, лицо исказила гримаса, где отвращения было больше, чем наслаждения.

— И что? Придушил? — Григорий усмехнулся.

— Като не дала. Откуда она появилась, я так и не понял. Закричала. Тут мы и остановились. А потом дед его появился, высокий, с кошачьими усами, а с ним Меншиков, бугай тоже изрядный. Князь как их увидал — завизжал так, что уши чуть не оглохли насмерть. Император Петр Алексеевич его сграбастал и в окно вышвырнул — а там темнота полная, день разом

окончился, навалилась глухая ночь.

— Ни хрена себе?! — только и сказал Григорий, забыв про недоеденный им пирожок.

— Князь разом и сгинул, только вой долго доносился, будто его на сковороду раскаленную посадили.

— А ты, брат?

— А что я? Отвозили нас пинками, все ребра пересчитали. А потом Петр Алексеевич пальцем пригрозил, смотрите, мол, у меня, не балуйте больше. А Меншиков и добавил — служите верно царю Петру Федоровичу, а то второй раз мы вам все напрочь поотрываем и к князю отправим. Я чуть не помер от страха, хорошо, что сон это был...

— А дальше?

— А все, братец, на том сон закончился, а я полотенце извел, холодный пот вытираючи. До сих пор трясет. И почему именно в Ропше дело-то было? Никак не пойму...

— Катька Дашкова мыслила после ареста увезти Петра Федоровича туда с гвардейцами, среди которых написала тебя, князя, Пассека, Бредихина и других. По оговорке ее понял, что там вы должны были убить его в пьяной драке. Прямо так она не сказала, но мысль такая, ее потаенное желание вроде прозвучало яснее ясного.

— Угу, — только и отозвался Алехан, взял пирог размером с половину полешка и одним махом откусил чуть ли не треть, кое-как запихав в рот.

— Судьба против нас была, брат, — глухо сказал Григорий. — Но одно мы сделали — *наш* император другим стал, теперь пользу принесет державе Российской немалую. А мы здесь — целы и здоровы, свободны. О нас не забывают, да и мы сами не в праздности пребываем. Так, брате, все, что ни делается, — к лучшему. Уберег Господь нас от греха тяжкого!

Гречиничи

— Ваше императорское величество! К вам генерал-поручик Суворов!

В освещенный одинокой свечой походный шатер чуть ли не вприпрыжку зашел маленький вихрастый генерал с дрожащим хохолком на голове. Хотя маленький не то слово — для него, прежнего, да, а вот для Петра Федоровича нет — тот был вровень ростом.

— Что турки, Александр Васильевич? — Этот вопрос настолько тревожил Петра, что тот не ложился еще спать, хотя сон буквально одолевал его, заставлял слипаться глаза.

— Стоят на месте магометане, батюшка. Даже разъезды сюда не посылают, хотя до них токмо семь верст всего.

— Ты бы на их месте давно пал бы на нас, как снег на голову?!

— Так то я, государь, а то они. Не понимают нехристи, что мы сейчас на марше колоннами растянулись...

— Или боятся нас, после двух-то поражений?!

— В опаске стоят, батюшка, прав ты! Нам бы их самих с ходу атаковать, но марш утомительный, арьберггард еще на подходе.

— Учить войска надо к маршам долгим, тогда такое им по плечу будет, — Петр улыбнулся. Он хорошо знал, что козырной картой Суворова были именно такие стремительные нападения, когда войска за сутки совершали переход на полсотни верст, а то и более, и внезапно обрушивались на совершенно не готового к сражению противника, наивно полагавшего, что русские где-то очень далеко от него. Хотя был один момент, про который редко писали историки. Потери в людях на таких маршах в войсках Суворова намного больше несли, чем потом, в ходе самого ожесточенного сражения.

— Ложился бы ты почивать, батюшка, ведь устал ты, — почитание в голосе Суворова искреннее, генерал перед ним никогда не лукавил.

— Погодить надобно чуток, потом и прилягу. — Петр непроизвольно зевнул, ему мучительно хотелось заснуть, тем более опасаться было нечего — встреча с «дедушкой» уже состоялась и вдругорядь вряд ли будет.

— Да нечего годить, государь! Я за всем присмотрю, войска устрою! — генерал прямо настаивал под видом просьбы, и Петр сломался. И вправду — зачем бодрствовать, если сам Суворов командование принимает. А там и Румянцев подойдет. Поспать не просто надо, а хорошо выспаться, ибо завтра ночью баталия состоится, та, которая в историю вошла, вернее, войдет под именем Кагульской!

— Хорошо, Александр Васильевич. Ну, вы уж смотрите! — Петр вздохнул, кивком отправил генерала, а сам тут же завалился на койку, с наслаждением вытянул ноги, и не прошло и пяти минут, как он крепко спал...

— От самой Тулы обозом шли, ваше превосходительство. — Гвардии капитан Павел Берген усталыми, с красными прожилками глазами посмотрел на Суворова. — Секретным обозом!

— Хорошо, голубчик, — неожиданно покладисто ответил Суворов и тихо добавил: — Спит государь-батюшка, устал зело. Если послание у тебя, то от кого? Срочно ли, а то будить зряшно не надо.

— От мастера Кулибина из Тулы новые ружья доставили.

— Как раз к сражению! Будет тебе награда, капитан!

Суворов привстал с раскладного стульчика и покосился на полог, за которым спал император. Сон хороший у его величества, с пушки не разбудишь. И спросил тихо:

— Много ли привезли?

— Две дюжины переделанных мастером нарезных фузей, что с заводов поступают.

— Всего-то? — В голосе Суворова промелькнуло разочарование. Но тут же он тихо спросил: — Хороши хоть?

— А мы сейчас и узнаем!

Генерал с капитаном стремительно обернулись на знакомый, властный, но доброжелательный голос — внутренний полог шатра был отдернут, на них смотрел с улыбкой император:

— Ты вовремя успел, мой верный голштинец. Как тогда, в Копорье, где мне хорошо послужил. Как жена твоя, Глафира Петровна, урожденная Пашкова? Здравы ли детки?

— Хорошо, государь! К дочкам этой зимой она двух сыновей подарила!

— Не знал, но рад — мне офицеров много потребно, воевать долго будем. Так что на зубки подарок от меня будет. А теперь покажи мне ружья, а то заждался их. Взглянуть хочется!

— Есть, ваше величество! — Берген не скрывал радости — император зело памятлив, снова выделил его ревностную службу. Царский подарок сыновьям на первый зуб дорогого стоит — все лифляндские бароны, его соседи, от зависти лопнут...

Не прошло минуты, как капитан внес в шатер сверток, развернул мешковину и с поклоном подал ружье императору. Суворов взгляделся — обычная нарезная фузея, что с дула заряжается. Только переделана немного — в конце ствола странная стальная конструкция прикреплена, а кремневый ударный замок снят.

— Что скажешь, Александр Васильевич?

Генерал любил военное дело до самозабвения, а уж оружие... Барабанная винтовка Кулибина его восхищала, и сейчас он внимательно осматривал новое творение мастера. Но заговорил осторожно — конструкция непонятного замка его насторожила.

— Переделана из обычной фузеи, видно, для заряжания с казенной части, под патроны в четыре линии. Так, государь?

— Умный ты, Александр Васильевич! Далеко пойдешь, быть тебе моим лучшим

полководцем! — император улыбнулся, а Суворов, неожиданно для себя, зарделся от похвалы.

Петр Федорович взял пальцами скобу сзади замка и, потянув ее, поставил ровно. Затем ухватился за гнутый штырек с правой стороны и отвел его назад. В открытом проеме показался знакомый картонный патрон, под ним генерал разглядел еще несколько.

— Затвор скользкий, мосинского типа, — непонятно пробормотал император себе под нос и двинул рукой вперед. — Хорошо сделал Кулибин, лучше «берданки»!

С лязганьем гильза была дослана в патронник, а затем Петр Федорович резко отвел затвор назад. Гильзу выбросило на землю. Вскоре, повторив перезарядку, рядом с ней на земле лежали еще три картонных цилиндрика с латунными донцами.

— Магазин на четыре патрона, — с удовлетворением хмыкнул император и, отложив фузею, стиснул в крепких объятиях опешившего от такой неслыханной почести Бергена.

— Удружил ты мне, гвардии майор, крепко удружил!

Чесма

Вице-адмирал Спиридов молча смотрел на языки красного пламени, радостно пляшущие на турецких кораблях, — обстрел русской эскадры делал свое дело. Но это была далеко не победа, ведь даже на первый взгляд основная масса оттоманского флота была не только невредимой, но и отчаянно сопротивлялась.

Турки, укрывшиеся в глубине Чесменской бухты, напоминали старому моряку скопище крыс, загнанных в угол, а оттого вдвойне опасных. И будут большая кровь и потери, если они с утра попытаются вырваться из ловушки.

— Ракеты с флагмана Грейга! Брандеры пошли, ваше превосходительство! — Голос адъютанта привлек внимание адмирала, и он обернулся.

В темном небе ярко светились, уже падая вниз, два ярких желтых шара, освещая мачты и расплывчатые контуры «Великого Новгорода». Так уж вышло — государь повелел все строящиеся линейные корабли именовать впредь только названиями градов империи Российской и матросские команды комплектовать исключительно уроженцами этих городов да селянами близлежащих волостей. Оттого на его эскадре слышалось неистребимое московское «аканье», а у Грейга господствовало северное «оканье».

На присоединенных в последних войнах землях тоже набирались экипажи «городов». Там вообще в ходу была чужеземная речь — немецкая да латышская. Однако сражались «Кенигсберг» с «Ригой» изрядно, не хуже русских кораблей.

На подходе и помощь. Через пару недель к его эскадре другие «балтийцы» присоединятся — «Киль», «Ревель» и «Дерпт» да «Смоленск» с «Тулой». К августу построенные в Архангельске корабли подойдут — «Холмогоры» и «Вятка».

— Даже если Грейг прорвется, то все равно моя эскадра станет намного сильнее...

Адмирал осекся — не время предаваться мечтаниям, когда баталия не завершена. Только полное уничтожение турецкого флота позволит ему осуществить безумный, а так он всегда думал, но отчаянный план, предложенный императором Петром Федоровичем.

А пока адмирал приложил к глазу подзорную трубу и стал вглядываться в сбившиеся турецкие корабли, пытаясь рассмотреть на темной глади бухты спешащие к ним русские брандеры:

— Твою мать! Никак перехватили нашего!

Глухая ругань сквозь зубы обычно выдержанного командира «Москвы» капитана первого ранга Лупандина встревожила адмирала, и он стал осматривать море. Так и есть, за полмили до линии турецких кораблей вспыхнул костер,двигающийся по воде и все ярче разгорающийся. А потом Григорий Андреевич увидел в отблесках две небольшие узкие галеры, что проворно

отвалили от перехваченного и запаленного брандера.

— Капитан-лейтенант Дугдаль шел первым! — тихо напомнил адъютант, и Спиридов кивнул. Оставалось надеяться, что три других офицера будут более удачливы в своем дерзком предприятии.

Ждать пришлось долго, Спиридов мучительно вглядывался — ему мешали отсветы пламени на уже загоревшихся от русских бомб турецких кораблях. И тут почти одновременно зажглись на черной стене турецких мачт два ярких пятна, а через минуту в воздух взметнулись два ярких столба — то взорвались брандеры, набитые бочонками с порохом.

— Ура!!!

Единодушный выкрик обезумевшей от радости команды перекрыл рев канонады. И тут же рванул четвертый, последний брандер — небольшой столб пламени вырос чуть левее от места сдвоенной первой атаки.

— Ура!

— Виват!

На борту «Москвы» царило ликование — брандеры нашли свои цели, сцепились и взорвались. Теперь осталось...

— Ш-в-а-х!!!

Чудовищные взрывы закачали стоявший на якорях линкор. В течение минуты в небо взметнулись яркие языки пламени — то почти одновременно взорвались крюйт-камеры трех турецких кораблей. Горящие обломки разлетелись над бухтой и огненным дождем обрушились на сгрудившийся турецкий флот. Зарево пожаров моментально накрыло всю черную массу кораблей в бухте. А ветер весело раздувал пламя...

Добрые полчаса старый адмирал смотрел с кривой ухмылкой на огромный погребальный костер, в который превратился могучий и многочисленный турецкий флот, и тихо пробормотал себе под нос:

— Теперь можно и дерзать!

Берлин

— Ваше величество, срочное донесение от Манштейна! — Голос дежурного офицера вывел прусского короля из тревожных размышлений. Фридрих Прусский протянул руку к долгожданному свертку.

Старческими, но отнюдь не дрожащими пальцами он сломал печать, развернул бумагу и медленно прочитал текст. Криво улыбнулся, пробормотав еле слышно:

— Драка кривых со слепыми окончилась, теперь началось избиение! Как я ошибался тогда!

В голосе короля слышался нескрываемый сарказм. Вот уже год, как он с интересом взирал на войну своего ненавидимого им восточного соседа с турками. Поначалу схватка и развеселила его, и обнадежила. Осенние непонятные маневры армии Румянцева и еще более нелепые метания турок вызывали лишь улыбку, отчего он и назвал эту войну дракой между кривыми и слепыми. Смеялся...

Но каков итог? Русские овладели крепостью Хотин и стянули свои лучшие войска в Молдавию, выбив оттуда османов.

Потом еще одна оплеуха — Азов опять стал русским, Таганрог заново отстраивать начали, по Днепру укрепились. Татарские орды вышвырнуты за Кубань, а московиты подошли к отрогам Кавказа...

С сухим треском в пальцах короля сломалось перо — ему стало ясно, что все эти непонятные действия императора Петера имели четкую цель — обложить Крымское ханство со всех сторон и покончить с ним. Теперь вопрос только во времени.

Местный хан Каплан-Гирей увел большую часть своих диких татар в Валахию, на присоединение к главным силам турецкой армии. Русские этим и воспользовались, закрепившись по Днепру и обложив Очаков с Бендерами, отсекали путь татарам назад.

Вот он, план, во всей красе, а он жестоко ошибся, неправильно оценив их маневры, что выманили большую часть орды из Крыма. Теперь «любезный друг и брат» Петер хочет разбить армию визиря в Молдавии, полностью развязав себе руки с Крымом.

И вот донесение Манштейна, что при русской армии обретаются, — под Ларгой десять тысяч турок истреблено, татары бежали. Не это удивительно, а то, что русские потеряли меньше сотни солдат. Турецкие укрепления были разрушены артиллерийским огнем, пошедших на прорыв османов встретили убийственным огнем из новых винтовок и полностью выкосили — те даже не добежали до врага...

Наличие этого грозного оружия и остановило год назад короля, когда он стал подумывать о возвращении присвоенной русскими Восточной Пруссии. У «любезного» Петера, как говорят сами русские, семь пятниц на неделе. Постоянно пишет, что не прочь возвратить Пруссии те земли, но делает совершенно противоположное — всех местных пруссаков к присяге себе подвел. Вот такие его слова и дела!

Нет, надо еще ждать! Если ввязаться в войну, когда в Польше очередная панская заматня идет, когда Австрия оружием у границ бряцать начинает, ведь тешинский вопрос с ней до сих пор не урегулирован, то можно крепко обжечь руки. Нет, пока нельзя!

Перевооружить армию нарезными мушкетами с русскими пулями — придумал же их Кулибин, такую вещь, в ствол легко закатывается, а при выстреле сама в нарезы входит от расширяющихся пороховыми газами стенок. На это время потребно — с год, не меньше.

Да и соседи сейчас не спят — сами такими ружьями свои армии перевооружать готовятся. Вот только затраты огромные, враз не осилить. Лет десять, никак не меньше, нужно для того, чтоб все солдаты такие мушкеты получили, а то и больше. Да и не нужна спешка, если воевать не придется, а мерами дипломатическими своих целей добиться.

А потому следует сделать все, чтоб русские подольше увязли в войне с Турцией. А еще лучше, чтоб и в польские дела «сердечный друг» Петер влез! Вот когда северные медведи обессилят, можно и вмешаться, пригрозив. Пусть откупаются Восточной Пруссией с Кенигсбергом, да еще Киль с Голштинией не худо бы вытребовать!

Но нет — свою Голштинию царь не отдаст. Он может с турками замириться ради нее и обрушит свою армию на Берлин, а ведь Западная Пруссия и Бранденбург с Померанией до сих пор от прошлой Семилетней войны не отошли. Да еще цезарцы, шлюхины дети, свои руки на его владениях погреть захотят, это как пить дать!

Король в раздражении отбросил перо — Цорндорф, Гросс-Егерсдорф и Куненсдорф показали тогда, что русские умеют драться, ведь в последнем сражении многотысячная армия пруссаков была не просто разбита, а разбежалась. Русские тогда вошли в Берлин.

— Нет уж! Я буду выжидать, время терпит. А завтра мне есть о чем поговорить с русским послом!

Юконский острог

Золотой прииск удивил Алехана — нет, золота имелось много, вот только добывали его каторжным трудом, другого слова он просто не находил. Он раньше считал, что руки у него натруженные, но не предполагал, как брат ухитрился такие мужицкие мозоли себе сделать.

Зато сейчас все понял — чтобы намыть пуд золота, надо перекидать лопатой огромную кучу песка и щебня с отвалов. И не просто бросать, а на решетчатый лоток, что под углом стоял в ледяной проточной воде.

Золото тяжелое, и падало на шкуру, разложенную на дне, а простой песок сносило водой. Вроде нехитрая работа, но жутко выматывающая, Алехан уже через три часа совершенно не чувствовал поясницы — онемела вся, свинцом налилась с непривычки. И ноги заледенели, хотя работники в воде менялись через каждые четверть часа.

Четыре десятка мужиков — русских и алеутов — работали с хрипом и матами, включая батюшку, что как заведенный повторял после очередного хулительного слова «прости мя, грешного, Господи».

Только индейцы местные не трудились, они к такой работе и непривычные были, да и не почитался у них такой каторжный труд. Зато охрану несли бдительно и на подхвате стояли. Хоть шерсти клочок...

— Да уж! — только и пробормотал Алексей. — Раньше я как-то не задумывался, откуда червонцы берутся!

— Что говоришь-то, Алеша? — Григорий бросил бадейку, которой черпал песок, и повернулся к брату.

— Трудненько добывать золотишко!

— Да нет! Место здесь богатейшее, с одной кучи полпуда намываем. А раньше самородки чуть ли не с кулак были, мы их за раз с десятков пудов насобирали. Сегодня уже полтаза намыли — а это почти два пуда без малого.

Григорий тяжело вздохнул — умаялся. Да и с похмелья тяжело работать, хоть и здоровьем Боженка и родители не обидели. Хорошо вчера посидели, вот только выходной делать не стали — лето короткое, а золота намыть много надо, чтоб в начале августа он с братом золото отсюда караваном увез, и побольше, пудов полтора-два. Тогда презренного металла с лихвой хватит и царю отправить, и у испанцев закупить продовольствие и всякие нужности.

— Что вздыхаешь, брате? — с ехидцей спросил Алехан. — Ведь сам говорил, что место сие богатое. Или устал, поди?

— Не устал, замаялся маненько. Здесь много золотишка, но есть еще богаче. Намного богаче — бери, не хочу.

— И где ж такое чудо? И почему там не моете? Идти далече?

— Идти близко. Там за горой озерце есть — дно золотом прямо усеяно, по полпуда самородки есть, а то и больше. Собирай только...

— Так что ж не собираете-то?

— Три сажени глубина. Да не это плохо — вода там ледяная даже в жару. Мужик по прошлому году один нырял, из камчатских, пяток достал. С десятков фунтов веса в каждом из них было. Один так вообще с кулак! С мой кулак, не детский, отнюдь!

Григорий покачал своей лапищей, а Алехан задумчиво почесал затылок — размер самородка его впечатлил основательно.

— И что? Сбежал с ними?

— Отсюда бежать некуда, брат! За три дня он сгорел от лихоманки.

— Жаль мужика, — однако в хмыканье Алехана сострадание не проскользнуло. Он только спросил деловито: — А воду спустить нельзя?

— Камень сплошной. Перемышку долбить, так сизифов труд будет — там полверсты скальника. А золота много — мы обошли озеро, с долбленки «кошки» кидали, да где уж там. Дно усеяно, водица как хрусталь, все видно.

— Ты царю отпиши, он что-нибудь придумает, башковитый у нас государь-батюшка!

— Напишу! Давай-ка лучше туда сходи, к вечеру дойдете, переночуете на месте, у Игнат-креста. Сам все и увидишь собственными глазами.

— Давай, и то дело! — Алехан обрадовался, но виду не подал. Горбатиться ему уже

порядком надоело. К грубой натужной работе не лежала у него душа, не то воспитание. Вот повоевать, да чтоб кровушка во все стороны летела, то это завсегда можно. А чтоб пахать с утра до вечера, да еще так?!

— Флотского офицера взять нужно — он в Петропавловск поплывет, там все и расскажет наместнику.

— И то дело — давай тогда, брат, собираться в дорогу. Надо торопиться, чтоб к вечеру тебе там быть. Я в остроге останусь — маятно что-то...

Гречиничи

— Ваше императорское величество! Бендеры взяты штурмом! Сераскир сдался со всем гарнизоном!

Запыленный молодой офицер с обвязанной грязной тряпкой головой радостно скалил зубы, сверкая глазами на запыленном до черноты лице.

— Какие потери?! — Петр сразу спросил о наболевшем.

Армия таяла как весенний ледок на солнце: непривычный жаркий климат и скудная еда дорого обходились — больных ежедневно считали десятками. Если бы не поставленная медицина, наличие врачей в каждом полку, госпиталей при дивизиях, самые драконовские приказы по поддержанию санитарии на приемлемом уровне, то был бы вообще кошмар.

— Пятьсот сорок убитых да свыше тысячи раненых, государь, — адъютант князя Долгорукова отвечал с некоторой опаской. За излишнюю русскую кровь царь сурово наказывал. А потому офицер живо добавил:

— Османы дрались с утра до вечера, их пять тысяч положили. Еще десять тысяч в плен взяли, из них половина янычар. Вся артиллерия досталась — три с половиной сотни пушек и мортир, да к ним 30 тысяч разных бомб и ядер. Пороха тысяча бочонков, не подсчитали еще толком. Двадцать тысяч пудов одних сухарей да провианта всякого, что они для армии визиря в крепости собрали и хранили.

— Это хорошо, очень хорошо, — Петр удовлетворенно хмыкнул, кивнув головой.

Потери меньше тех, на которые он рассчитывал, отдавая приказ на штурм. Но больше, чем хотелось бы. Но тут ничего не попишешь — турок в крепости сидело чуть ли не столько же, как осаждающих их солдат Долгорукова. Да еще янычары — те до последнего воюют!

Захваченного провианта хватит всю русскую армию полмесяца кормить без отказа. Не это ли благо? Только одно плохо — осадный корпус к завтрашнему сражению не успеет, а две дивизии, пусть и потрепанные, пригодились бы сильно.

— Кавалерия и казаки еще вчера вышли маршем, сегодня к вечеру здесь будут! — Офицер словно прочитал его мысли.

— Два полка драгун, полк гусар и три полка донских казаков да курень запорожцев и еще оба своих батальона егерей генерал-аншеф сюда отправил на подводах для спешности. Подставы на пути им сделаны — князь заблаговременно о том распорядился.

— Молодец князь, расторопен. О пользе думает. Да, вот что...

Петр задумался, вертя в руках врученный гонцом пакет. Он не любил сразу читать донесения, предпочитал вначале хорошо опросить посланца — ибо тот, зачастую не зная содержимого депеши, мог поведать кое-что иное, о чем в письменном тексте могли утаить или просто запечатать.

— Кто особо отличился при штурме крепости?

— Бригадир Власов с Ингерманландским и Новгородским полками первыми ворвались в Бендеры через взорванную миной стену!

— Старый знакомец, — благожелательно фыркнул Петр. — В прошлый раз со своими

ингерманландцами успел к Гостилицам вовремя и сейчас отличился! Ну что ж — быть ему генерал-майором, и так долго в бригадирах ходит. Так ведь?

Вопрос относился к Гудовичу, и тот моментально доложил:

— Три года с лишним, с сентября нынешнего четыре будет, — начальник штаба имел хорошую память и помнил о том, что у самого Петра с памяти выветривалось.

— Подготовьте приказ, Андрей Васильевич, о его производстве. — Петр крайне неохотно раздавал генеральские чины, устроив будущим полководцам «чистилище» в виде бригадирства.

Сам этот чин был отменен, но должность осталась, и ее занимали полковники. Если с бригадой офицер не справлялся, то его немедленно убирали обратно на полк, и наоборот — толковому командиру полка поручали командовать бригаду. И срок был определен — не менее трех лет. Справился — получай густые генеральские эполеты, нет — снимай с погон корону, будь простым полковником.

Этим решением дорога в генералитет была приоткрыта для башковитых и энергичных, пусть и не «породистых». А вот родовитые и бесталанные тем отсекались, и связи не помогали — ты, друг любезный, бригадой три года откомандуй, и чтоб на лучшем счету была, без потерь от болезней или казнокрадства. И чтоб солдаты обучены были, стреляли хорошо, здоровы и энергичны. Ответ перед самим императором держать будешь.

А потому эту должность невзлюбили карьеристы и подхалимы, что без мыла кое-куда пролезть хотели. Про таких в армии с насмешками говорили — голову из грязи высунули, зато ж... там осталась. На виду ведь у всех бригадиры, очковтирательство не поможет, лень и нерадивость сразу в глаза бьют. Тут честно служить надобно, исправно лямку тянуть.

— А кто первым на стену крепостную взобрался?

Петр спросил с интересом — ведь из множества доблестных и отчаянно храбрых солдат мало кому удастся в таком случае в живых остаться, оттого уцелевшему и вся слава надлежит. А таких солдат или офицеров он любил лично награждать да в гвардию записывать.

— Первыми донцы в пролом кинулись, охотниками...

— Добыча им просто нужна, — перебил офицера Петр, — ведь кто первым в город ворвется, тот и сливки снимет.

— Да, ваше величество! — понимающе откликнулся офицер. — Казак один трех янычар распластал, бунчужного срубил и был лично его сиятельством отмечен медальонным знаком святого Андрея Первозванного и произведен в подхорунжие!

— Молодец, казак! Награда достойная. А как зовут удальца?

— Станицы Зимовейской войска Донского Емельян Пугачев!

— Кхм... Угу... Кхм...

Услышав знакомое по истории имя, Петр непроизвольно поперхнулся — надо же какие выкрутасы жизнь дает. Он за эти годы сделал титаническую работу, чтоб крестьянской войны не допустить, и, положив руку на сердце, во многом ему удалось добиться поставленной цели. По крайней мере крепостное крестьянство не увеличилось, наоборот, значительно уменьшилось, благо за мятеж 1762 года было кого из знатных душевладельцев покарать, а крестьян их на государство отписать.

Да и извергов приструнили изрядно — после прилюдного, на Лобном месте, четвертования Салтычихи да еще с дюжины показательных казней крепостники сильно попритихли и до крайностей в своих мучительствах уже не доходили. За то можно было враз поплатиться — свыше ста тысяч крестьян таких хозяев уже переписали на императора.

«А тут сам Емелька Пугачев проклюнулся — хорошо, что не поел сытно, а то бы подавился! — Петр засмеялся и закурил папиросу. — И что прикажете с этим казаком, лже-Петром, делать?»

— Я думаю, государь, сего казака, а также других отличившихся солдат и офицеров нужно зачислить в гвардию согласно «положению»... — осторожно заполнил паузу Гудович.

— Хорошо, Андрей Васильевич! — покладисто согласился Петр, разрубая в мыслях гордиев узел. — Займитесь этим делом, в гвардию нужно зачислять лучших из лучших, самых боевитых!

«А у Денисова в лейб-конвое наш Емелька не забалуется, ему там враз, только за намек, клюв набок своротят!» — и Петр засмеялся во весь голос...

Чесма

— Мы добились величайшей победы, Самуил Карлович! — Вице-адмирал Спиридов пристально посмотрел на торжествующего Грейга, и тот сразу же напрягся. Радости в глазах командующего не проглядывалось, и оттого на душе молодого командора словно разом завяли розы, попавшие под жестокий утренний заморозок.

— Турецкого флота в Архипелаге более нет! Это наша заслуга! Но в Море еще есть, в Алжире. И главное — одна эскадра стоит у Константинополя, да на Черном море у османов флот изрядный.

Спиридов посмотрел в раскрытое окно — разговор между ними шел в адмиральском салоне тет-а-тет, за закрытыми дверями. Теплый ветерок доносил обрывки разговоров ликующих на палубах матросов — в честь победы по приказу командующего всем была выдана тройная порция водки. Вот и гуляла русская душа, хоть, по условиям военного времени, без привычного бесшабашного разгула.

— И вам, Самуил Карлович, предстоит выполнить секретный приказ его императорского величества, — Спиридов непроизвольно понизил голос, хотя опасаться подслушивания не стоило — вооруженный караул стоял за дверьми.

— Контр-адмирала Чичагова я назначаю на отряд из трех захваченных турецких кораблей, пусть приводит их в порядок. Излишки команд я уже на них списал. Император еще в Петербурге настоял, чтоб мы взяли на борта полуторный сверхкомплект матросов. Как видите, сия предусмотрительность оказалась весьма прозорливой — наш флот пополнился за счет османов тремя линкорами, фрегатом, дюжиной мелких кораблей.

— А как же его эскадра? У него же новые «балтийцы» и «северяне» под началом?!

— Вы примете над ней командование! Плюс ваши два корабля. «Тверь» останется здесь — ей нужен долгий ремонт в Аузе. Кроме того, выделяю вам два новых фрегата, корвет, два посыльных судна, с десятков греческих каперов и пять суденышек, что превращены в брандеры...

— Зачем? — изумление Грейга было искренним. — Где у османов здесь имеется флот, чтоб их снова использовать?!

— Не здесь! Вам предстоит повести эскадру под своим брейд-вымпелом... — Последним словом Спиридов дал понять молодому командору, что тот еще не адмирал, и «орлы» на погоны следует заслужить.

— Куда?!

— На Константинополь! — отрезал адмирал, пропуская мимо ушей бестактность Грейга. — Снимаетесь с якоря немедленно, пока весть об учиненном нами побоище не дошла до султана. Вот приказ императора.

Адмирал протянул Грейгу запечатанный пакет, а тот немедленно его вскрыл, быстро прочитав несколько строчек. Лицо моряка пошло пятнами сдерживаемой радости, а вот страх даже не появился. Оно и понятно — риск, конечно, огромный, но ведь и слава в случае успеха будет оглушительной.

— Дарданеллы проходите под турецким флагом, то не более чем военная хитрость. Форты у турок слабые, в сумерках они «купаются». Бой устраивать ни к чему — император приказал

пройти пролив без шума. Как войдете в Мраморное море, то поднимайте Андреевские стяги.

— Понял! — отозвался командор, напряженно глядя на командующего.

— Атакуйте османскую эскадру у Скутари, полностью уничтожьте. Там только три или четыре линкора. Затем обстреляйте Константинополь, сожгите все что можно — гавань забита «торговцами» и фелюками. Я приказал свезти на ваши корабли весь «греческий огонь».

— Понял! — В голосе Грейга прорвалась жестокая торжественность. Он свирепо оскалился, словно представляя будущее побоище.

— Пускайте брандеры, и чтоб пожар был поярче чесменского! Чтоб вся Европа увидела зарево над Константинополем! Напугайте турок, командор, до хвори медвежьей напугайте!

— Я сделаю все, Григорий Андреевич!

— Вы должны сделать намного больше, господин капитан-командор! У вас приказ пройти Босфор и начать уничтожение турок, где их только встретите. Разошлите по всем сторонам каперы, а с эскадрой идите к Очакову, который осаждает корпус фельдмаршала Миниха. Надеюсь, что крепость уже взята, а в Днепровском или Бугском лимане для ваших кораблей будет хорошая стоянка. Там, кстати, до сотни наших галер, ботов, шняв. Крупнее кораблей нет — сами понимаете, через днепровские пороги волоком большие суда не протащишь.

— Ясно!

— Это еще не все! Азовская флотилия вице-адмирала Сенявина в этом месяце должна высадить десант и взять Керчь. Владение крепостью позволит нам запереть туркам проход в Азовское море. Но у него крупнее новых корветов кораблей нет, а потому ваши шесть линкоров там очень пригодятся! Берегите их! Вряд ли нам удастся второй раз пройти через проливы и оказать вам помощь. Турки будут уже настороже!

— Я все сделаю, Григорий Андреевич!

— Я надеюсь на вас! Наши линкоры на Черном море будут весомым доводом для турок. А здесь...

Адмирал на секунду задумался, и его глаза блеснули опасным и злым огоньком, тут же подкрепленным не сулящей добра улыбкой.

— А мы здесь подпалим султану его бороду. Передайте государю — я сделаю все, но Морея турецкой к осени не будет! И ни одного суденышка не пропущу в Константинополь — посмотрим, как они без хлеба и припасов взвоят! А заодно все значимые порты и ливанские верфи атакуем и сожжем!

Пермь

— Чудище огнедышащее по реке плывет! Чудище!

— Сожрет тебя, Митька, что мамку не слушал!

— Как есть схавает!

— И не подавится!

— У, како смердит, окаянное!

Мальчишки, как встревоженные галчата, носились вдоль берега, махая руками. Кое-кто из сорванцов не удержался на раскисшем дерне и ухнул в речку, благо невысоко падать — только брызги в разные стороны плюхнули.

— Прости, мя, грешную, узрела зверя невиданного! — Сморщенная старушка истово осеняла себя крестным знамением, но на колени не падала. Да и остальные прихожане, сгрудившись у отворенных врат храма, только крестились, не кричали — «ратуйте, православные, спасайтесь», как раньше...

Вверх по Каме, изрыгая из высокой трубы клубы черного дыма, глухо стучая ступицами широких колес по вспенивавшейся воде, медленно плыл кургузый и нескладный корабль, на

котором отсутствовали мачты, паруса и привычные весла, а без них даже легкий струг не выгребет против стремительного течения могучей реки.

— И зовется сие чудо пароходом! — Степенный купец с лопатообразной бородой по всей груди, в добром кафтане с золотой цепью поперек живота, жадным взором уставился на реку. — И движется он по реке посредством дров, кои нагревают воду в пар, а тот вращает колеса. Вот и плывет это рукотворное чудо и волочет за собой баржу с тысячью пудов клади. А может и более потащить!

К знающему человеку прислушивались все собравшиеся на берегу, числом не менее доброй полусотни. Одеты отнюдь не бедно, многие и побогаче — и собрало их здесь не простое любопытство.

— Чей он?

— А стоит сколько?

— Кто ж спроворил сей кораблик?

— И сколько их?

— Как долго плыть вверх супротив быстрицы могут?

Вопросы посыпались градом — новинка вызвала самый живейший интерес. Да и не праздный — грузы тащить вверх по течению Камы удовольствие из недешевых, а тут само плывет! Да на дровах, почитай, задарма. Лесов-то вдоль реки много, рубить и рубить хоть сто лет можно.

— Сотворил его титулярный советник Ползунов Иван Иванович, что в Мотовилихе заводом управляет! Он там машины эти паровые делает, что на заводах уральских ставят. У меня одна такая руду вынимает, сотню работников заменяет. Сами знаете, что крестьян от нас отписали, велели впредь волею нанимать. Где столько людей сразу найдешь? Машина эта чудная вот недешево обошлась, но доход уже приносит.

— Да знаем про паровики, Степан Миронович! Ты о пароходе толкуй!

— Три их пока построили, все в казну отписаны! Но управляющий еще несколько штук строит на заводе, и мы можем под это дело деньгами вложиться. Сами подумайте, сколь извлечь из этого дела можно?!

Юконский острог

— Ох, ты, мати! Да сколько же его тут?!

Алехан кое-как сглотнул. Комок, вставший в горле, мешал дышать. А ведь верно говорят — в зобу дыханье сперло.

Голубой овал озера был зажат со всех сторон горами, поросшими густым лесом. Странная природа — на той стороне Чукотка совершенно голая, одна тундра кругом, лишь на Камчатке сосны стоят. А здесь, на Аляске, кругом тайга дремучая, будто Сибирь, зверье почти непуганое.

И золото прямо под ногами набросано, вот только близок локоток, да не укусишь. Увиденное впечатляло — хрустальный овал с полсотни сажень в длину, да тридцать в ширину, дно чистое, ровное, будто родным российским песочком вымощена площадка в парке. Только песочек этот в солнечных лучах ярко играет, в озерной глади свет его так ломается, что золотое сияние от воды отходит.

— Это что?! Все золото, Алексей Григорьевич?!

Молодой моряк с курчавой шкиперской бородкой тоже кое-как сглотнул — представшее перед их глазами зрелище и на него произвело ошеломительное впечатление. Только бородатый казак остался равнодушен к увиденному, зорко посматривал по сторонам, сжимая в крепких ладонях барабанную винтовку, которую все привыкли называть штуцером.

Да два индейца, данные старшим братом в проводники, почти не смотрели на озерное дно

— тяга белых людей к желтому металлу была для них пока непонятна. Ведь ни на что не годится, мягкий больно — то ли дело железные топоры и ножи да те же ружья.

— Золото, свет мой Антоша, золото и есть. Самое доподлинное. А вот и Игнат-крест стоит! Помер здесь мужик, нырял сюда.

Срубленный из ствола лиственницы крест был выше Орлова на добрый аршин, потемневший, суровый. Этот край с лихвой забирал жизни человеческие, слишком негостеприимен он был к пришлым людям...

Берега у озера были обрывистые и сразу уходили вниз почти вертикально. Спуститься к воде было невозможно, и лишь в одном месте к хрустальной глади шел относительно пологий откос. Именно здесь они и стояли, хмуро глядя на воду.

Орлов уже убедился, что вода не просто ледяная, а какая-то смертельно стужная. Стоило опустить в нее ладонь, как от холода заныли зубы, а тело под теплой паркой покрылось холоднющими мурашками. Нет, нырять сюда за самородками он бы не стал ни за какие коврижки, даже под страхом смертной казни.

— Байкал-дедушка суровенек, но он живой, хоть и строгий. Да и теплый. А сие озерце мертвое. — Казак хмурил брови, а глаза были настороженными.

— С чего ты взял, Кузьма?

— А с того, Алексей Григорьевич, что ростом ты велик, но не видишь многое. Здесь ни травы-тины нет, ни рыбешек малых. Мертвое озеро, вот так-то. А оттого место это худое!

— Брось каркать, Кузьма! — Казаку, своему доверенному человеку, Алехан позволял многое. Меринов пристал к нему еще в Якутском остроге, куда его злая воля начальства закинула с Иркут-реки, где он имел хозяйство. И вот уже семь лет тот был рядом с ним, не раз отвел неминуемую смерть от копья алеута или колошской стрелы. Да и нюх был у казака, всякие неприятности чувствовал. Вот и сейчас станичник был пасмурнен.

— Нам бы это золото как-нибудь достать! — вслух подумал Орлов. — Отвести воду невозможно, тут скалы одни. Взрывать надобно, так на то тысячи пудов пороха потребны. Вычерпать? Смешно! Тут и тыща народа за месяц не управится, а дождями осенью опять все до краев зальет. Что делать будем, братцы? Богатство-то какое впусу лежит!

— Тут золота на многие сотни пудов, если не тысячи. — Мичман Антон Караваев задумался, и неожиданно его лицо прояснилось, что сразу же заметил бывший гвардеец.

— А ну-ка, ну-ка, выкладывай свою задумку, — голос Орлова стал вкрадчивым, сразу почувствовал он запах «жареного», интуиция была еще та, от многих невзгод спасала.

— Три года назад в Кронштадте государь был! С людьми занимался, а мы случайно подсматривали. Все в кожаной одежде были, плотной, швы варом промазаны, чтоб вода не попала. А поддевка шерстяная, чтоб в воде холодно не было, — осень поздняя стояла. На головы капюшоны кожаные надеты, а в них маска с глазами из толстого стекла, чтоб под водой смотреть. С бочонками у нашего корабля возились, под днище приспособливали. Для чего сие делали — непонятно! Но под водой эти пловцы долго находились, по три минуты, а то и более.

— Не может быть?! — Орлов оживился. Моряку он поверил сразу, и в голове у него начал тут же складываться план. Но спросил, желая уточнить: — Они сами так долго были или хитрое приспособление какое применяли? Ведь больше минуты и я не нырял еще ни разу! А государь наш хитер и на выдумки всяческие горазд!

— Видел на них бочата махонькие на спинах из бронзы. Трубка от них в рот прямо шла, в кожаном нашлапнике. А на бочатах вертушки сверху стояли, они их и крутили, когда под воду ныряли. И пузырьки воздуха по воде шли, то я сам видел. Будто дышали они там!

— Воздух в эти бронзовые сосуды накачан был. Или помпой, или мехами. Но много не накачаешь, так, пяток раз вздохнуть и выдохнуть. Оттого и пузырьки по воде шли.

Орлов оживился, чуть не запрыгав на месте. Несмотря на нечеловеческую мощь, он полностью опровергал сложившееся о верзилах мнение — на диво быстро Алехан соображал.

— В следующем году мы это золотишко тут все повыберем! И одежду сошьем, и плот поставим, а кузнец с бочатами что-нибудь придумает. Или государю отпишем — он поможет.

— Слушай, Алексей Григорьевич! — моряк перебил его бесцеремонно. — Тут медведи-гризли водятся? А то я даже надрезанные пули в каморы вставил. Говорят, что такие медведя прямо кромсают.

— Так это не охота, а убийство сплошное! — Орлов скривился от омерзения. На свинце часто делали надрезы, и такая пуля, попадая в тело, раскрывала свои смертоносные «лепестки». Изобретателю сего ноги бы вырвать за такое окаянство. И зачем государь такую пагубу дозволил?

— Хр-а! Ва...

Стоящий у обрыва индеец вскрикнул и тут же захрипел. Трое русских к нему живо обернулись и на секунду остолбенели. Из горла туземца толчками лилась кровь, а слабеющими руками тот держался за длинное древко с черными перьями...

Гречиничи

— Ваше императорское величество! Это великолепная винтовка, намного лучше барабанного штуцера Кулибина. Гораздо лучше!

«Наш барон светится от счастья, даже задрал кверху свою куцую бороденку. Аж глазенки сияют, ноженьками в сапогах притопывает», — Петр хмыкнул, но на душе стало пакостно.

Он, государь всея Руси, требуя от других рачительного отношения к казенным средствам, сам жидко-жидко обгадился. Это надо же так крепко влететь, бездарно деньги на ветер пустить. Ну, Кулибин, ну, мастер...

— Мы ее в пыль бросали! Стреляет! Водой полили — тоже стреляет. Затвор без отказов ходит, детали пригнаны с тщанием. А «барабанка» капризна, механизм часто ломается, грязь али пыль попадет, и все — сломана! Разбирать приходится, налаживать. Пружинки так и летят! Разболтается барабан, обтюрация неполная — пороховые газы, если зазеваешься, руки обжигают. Перчатки не помогают, да и плохо в них стрелять. У моих егерей руки в волдырях, одной мази сколько извели?!

Петр почернел, заходил желваками. Кому приятно, когда мордой в собственную мочу, как худого котенка, тычут? Сам он много раз так делал. А тут с детским восхищением и непосредственностью его самого мутузят, не понимает высокой политики тевтонская морда.

— Государь! Надо все новые фузеи, что с дула заряжаются, в такие переделать. И их только на оружейных заводах...

— А патронов где я тебе столько возьму?! — возмущенно прошипел Петр немцу. — Мы только с прошлого года картонные гильзы выпускать стали, и то сейчас едва тысячу в день делают. И что? Раз выстрелил, и выбросил! Ладно, бумагу не жалко, а флянец, донце-то латунное! Копейку такая гильза стоит! Ты же немец, считать должен уметь?!

— Так ведь латунная гильза, государь, больше гривенника обходится?! — Барон непонимающе посмотрел на императора, как бы говоря ему — сам-то считать умеешь?

— Четырнадцать копеек, — сухо уточнил Петр, немец не желал его явно шпынять. И заговорил быстро, как бы оправдываясь, но понимая, что императору такое не к лицу: — Тянуть гильзы мы не можем, технология сейчас не та. Вручную делаем, льем, сверлим. Оттого и дорого выходит, тяжелые они, с толстыми стенками. Но ее переснарядить сотню раз можно. Капсюль, пуля, порох да работа — в три копейки обходятся. Теперь сам подсчитай экономию — сколько раз на рубль можно выстрелить?

— Ровно 25 выстрелов картонными патронами, — немец быстро выдал ответ, потом несколько секунд задумался.

— Патрон металлический 17 копеек стоит, и его заново снарядить можно еще 27 раз. И две копейки останутся.

— А если сотню раз одну гильзу снарядить, то мы полтинник звонкой монетой выгадываем на каждой! Понятно? Одно худо — едва триста таких патронов в день делают, трудоемко занятие сие да и затратно. Картонные намного легче делать, клей успевай да штампуй донца.

Петр закурил папиросу — странно ведь, новую винтовку сделали, лучшую, радоваться должен, а тяжесть в груди. Сам себя решил перехитрить, сэкономить, вот и вышла боком прижимистость. Иметь на вооружении две разные винтовки под один патрон накладно для тощей казны.

— Это в барабанных винтовках гильзы в гнездах не могут потеряться, барон. Вытащил их да в сумку высыпал, новые патроны вставил и стреляй. А тут затвор передернул и выронил гильзу на землю. В бою да в суматохе разве подберешь? Одни потери будут — а это денежек немалых стоит...

Петр нахмурился, бросил окурок, свирепо затоптал его сапогом. Мысли ворочались в голове саманными кирпичами. Даже захотелось водки жахнуть от огорчения. Правильно говорят — лучшее враг хорошего!

— Сейчас по два десятка фузей в день выпускают, это шесть тысяч в год без праздников и выходных выходит. Исхитрится Кулибин, допустим, и все магазинными делать будет. Хотя вряд ли — он мне написал, что переделывать смогут три-четыре штуки в день. А ведь можно и больше!

Внезапно Петра осенила мысль, он оживился, потянулся за очередной папиросой — желание выпить водки пропало начистую.

— Кадры у него свои! Тульская «фазанка» три выпуска сделала. Станки есть! Да они у меня все двадцать фузей в день магазинными делать будут, а не четыре, лодыри. В Свияжске производство картонных патронов легко можно утроить, до поры надобности не было — «барабанок» за пять лет едва три тысячи сотворили. Зело сложна и капризна — охтинские часовщики матом кроют. Да в Казани мануфактура может начать такие же патроны делать...

Петр ухмыльнулся и одобрительно посмотрел на Рейстера — вовремя тот ему задачку на сообразительность подкинул. Но подполковник промолчал, хитрый. Только взгляд стал ехидным, насмешливым.

— Ты говори, барон, что за пазухой еще прячешь?

— «Барабанки» пехоте не нужны, вы тут полностью правы, ваше величество! Как только новых винтовок будет в достатке, их через пару лет коннице передать все нужно. Там в самый раз будет, ведь затвор передергивать не нужно. И гильзы металлические целы будут. И руки драгуны не обожгут — они же краги носят. Лучше вместо «барабанок» револьверы кулибинские делать, как этот. Они намного нужнее — пистолеты нынешние только на один выстрел, а там шпагу в ход только и пускать. А с этого шесть раз без перезарядки пухнуть можно!

Рейстер хлопнул себя по бедру, где, прикрепленная к поясному ремню, висела массивная кобура. Петр задумался — первая партия револьверов имела длинный ствол, а деревянную кобуру в случае нужды можно было превратить в приклад. Держал он в свое время отцовский маузер в руках — по этому типу ее и приказал сделать. И делали в Ижевске на секретном оружейном заводе по штуке в день плюс четыре барабанные винтовки.

— Механизм у них со штуцером один, точь-в-точь! Патрон и ствол короче, легче делать, и дешевле порядком выйдет, ваше величество! А патроны... да просто — из металла для учебы, и не потеряются, и снаряжать легко в полковых обозах. А картонные для боя — потерять не

жалко!

Петр радостно осклабился — допрежь никто его здесь за эти годы так качественно не «отвозил». А глупостей он «наморозил» изрядно, может, маловато для государства, но с избытком для себя лично. А потому такой урок необходимо было отметить.

— Нарцисс! Розу тебе в... одно место! Две чарки водки сюда подай, я с господином гвардии полковником за его новый чин выпить желаю!

Троянов вал

— Платон, а ведь вал магометанами не занят! — Сотник Семен Куломин придержал коня, всматриваясь в высокую насыпь.

На всем ее протяжении не виделись блески от начищенных ружейных стволов или заточенных острых татарских сабель, не показывались таящиеся человеческие фигурки, не слышалось ржания лошадей, не побрякивала плохо пригнанная сбруя.

— Да сам вижу, что нет тут ни османов, ни татар клятых. — Вопрос не застал хорунжего врасплох. — С чего бы это?

Казачьи офицеры переглянулись понимающими взглядами — оба давно были зрелыми казаками, с детства вместе росли, в одних и тех же походах кровь проливали да славу казачью искали. Особенно отличились восемь лет назад, когда государю Петру Федоровичу помогали мятежную гвардию усмирять. Платон тогда старшим урядником был, или пятидесятником по-старому, а Семен Куломин, друг его закадычный, хорунжим.

Обласканы царем донские казаки с тех пор, волю и землю имеют, своим порядком живут. И в чинах с тех пор уравнены — государь казачьи звания в новую «табель о рангах» вписал. Хорунжий теперь прапорщику армейскому равен, ведь тот и другой от «знамени» чин свой имеют. Сотник — подпоручику, хотя Куломину и обидно — молодые дворяне его запросто получают, а казак своим горбом лет пятнадцать выслуживает. А густые майорские эполеты только один командир казачьего полка носит, войсковой старшина.

Но обиды не было, наоборот, в чинах ведь с благородными дворянами простые станичники сейчас вровень, а за то кровью платить требуется — по чести и служба спрашивается...

— Бери свою полусотню, Платон, и дуй через вал! Но тихо! Я свою следом поведу, если что, то татарам укорот сделаем.

Воскобойников кивнул, махнул рукой станичникам и двинул коня вперед. Казаки стали растягиваться лавой, понукая коней взобраться на земляную преграду. Полсотни казаков почти одновременно взошли на вал, сжимая в руках пики и сабли.

— Твою мать!

— Ох ты!

— И скоко тут басурман?!

Врага за валом не было, ни конного, ни пешего. Широкое поле на несколько верст было пустынным, только за дальними лощинами, на высотах в сумерках мерцали алыми пятнами тысячи костров, а в небо поднимались бессчетные струйки дыма.

— Нехристи вечерять себе варят!

— А мы заутреню им устроим!

— Чай, баранинку лопать будут, не мамалыгу треклятую!

— И винцом запивают, закон свой в походе не блюдут!

Казаки весело переговаривались — блюсти тишину не было смысла. Даже вездесущие татарские разъезды сейчас не сновали — настолько османы были уверены в своей силе.

— Ежели у одного костра по десятку сидит, — Платон Воскобойников тихо пошевелил губами, — то сколько их здесь?

При Ларге дымков было намного меньше, он сам их подсчитывал. Басурман там было полсотни тысяч. А здесь сколько? На первый взгляд, втрое больше дымов, да раскинулись полосой на пару верст.

— Полонянина бы взять да попытать...

— А вот этого делать не надо, — рядом раздался насмешливый голос сотника. Куломин сидел в седле как влитой и, прищурив глаза, рассматривал огромный турецкий лагерь. — Еще встревожатся, а сие не нужно. Я гонцов уже отправил, наши после полуночи выступят. А мы здесь, в ертауле стоять будем. Так что с вала казаков уводим, нечего им маячить. Десяток дозорными оставь, пусть в кустах сидят, а коней вниз сведи. Мыслью, битва будет жестокая!

Гречиничи

— Дядя Ваня, а вправду вы с царем-батюшкой вместе кровушку проливали? — Молоденький рекрут с мольбой посмотрел на старого седоусого сержанта, что старательно набивал трубку крепкими пальцами.

— В Петергофе то было, когда баталию с мятежной гвардией учинили, — обстоятельно ответил Иван Тихомиров и усмехнулся, вспоминая, какая радость царила тогда в его сердце. — Мне батюшка наш знак святого Александра пожаловал да чин сержантский. А потом еще медаль серебряную, а не бронзовую, как другим солдатам. За преданность!

Старик прервал речь и старательно прикурил трубку от фитиля. Пару раз пыхнул дымком, раскуривая.

— А что ж ты на пенсион не ушел-то?! Ведь стариков в солдатах сейчас, почитай, и нет! В полку только ты такой один...

— А ты меня стариком не считай. — Солдат как бы лениво, но настолько быстро врезал рекруту подзатыльник, что тот не успел отшатнуться. И, получив внушение от старослужащего, почтительно закивал — мол, понял я вашу науку, батюшка, и благодарен за нее.

— Так-то, — вымолвил Тихомиров, а в его стариковских глазах мелькнул отческий проблеск. Любил он парня, услужливый и добрый, не солдатом бы ему быть. Но руки золотые, вот и определили его в полковую мастерскую, где работы всегда много — и новые нарезные ружья чинить, и к старым фузеям «крутящиеся» пули отливать, и сапоги починять, да и других дел невпроворот, вечно заняты.

И правильно: служивые без дела — что тати ночные, только хлопоты причиняют. Нет, у их полковника не забалуешься, его высокоблагородие еще в войне с пруссаками свой норов показал.

— Скучно на пенсионе. Да и ехать некуда — в родных краях меня подзабыли, ни двора ни кола. Вот и упросил Петра Федоровича на службе оставить, пригожусь, мол, еще. Он меня и повелел обратно в родной полк принять. Я как в семью вернулся, все кругом свои.

— И сапоги мы носим отличные — ни у кого в армии таких нет!

— Это государева нам честь, за Кунендорфскую баталию. Апшеронцы тогда все атаки пруссаков отразили, больше половины нашего полка полегло. Вот Петр Федорович и повелел — раз по колено в крови на поле стояли, то и сапоги такие же носить будете. И хоть в гвардию не причислил, но в одной бригаде с измайловцами состоять приказал.

— А лейб-гвардейцами мы станем? — с надеждой спросил солдатик.

— Ежели в боях с турками себя покажем, то почему бы и нет! А османы злые — я с ними тридцать пять лет тому назад первый раз воевал. Таких в полку только двое нас и осталось — полковник и я, грешный!

— Они-то, может, и злые, но и наша рать не малая...

— Неслух ты, Митька. Не в рати дело, а в том, как солдаты обучены и вооружены. А фузеи

у нас намного добрее! А потому хватит болтать, замок давай чини!

Юконский острог

— Колоши!

Выкрик Кузьмы вывел Алехана из секундной растерянности, слишком неожиданно совершенно было нападение. И стрелу он опознал сразу — тлинкитская, или колошская, по названию индейского племени.

Возле головы свистнуло, и Орлов тут же отпрыгнул за торчащий из-под мха огромный валун, прижался спиной к высокому скальнику. Одновременно гвардеец сдернул с плеча штуцер, выискивая глазами цель.

— В-ж-и-к!

В воздухе пропели свою смертоносную песнь еще несколько стрел, но он уже не обращал на них внимания, как-то по привычке за эти годы...

— А-а!

Моряк дико заорал от боли и схватился за пронзенное стрелой бедро. И тут Алехан увидел стрелков — три лучника стояли на той стороне озера и снова натягивали тетивы.

— За крест прячься, Антошка! — крикнул воющему офицеру Алехан, вскинул штуцер, поймав в прорезь прицела лучника, и плавно потянул за спусковой крючок.

— Б-у-х! Б-у-х! Б-у-х!

Приклад трижды толкнул плечо — отдача у винтовки чувствительная, патрон мощный. Клуб белого дыма на секунду скрыл от него лучников, но Алехан знал, что он не промахнулся, стрелял ведь отменно.

За спиной бухнул выстрел Кузьмы, затем еще один. Вот только в кого наметился казак, он не увидел, отвлекшись снова на молодого моряка.

— Твою мать!!!

Мичман лежал у самого креста, безвольно раскинув руки в стороны. А из его тела торчало уже добрых полдюжины стрел со знакомым черным опереньем. Убит, бедолага, — полмира прошел, чтоб на краю земли свою погибель найти.

— Да сколько же вас здесь?! — вскрик был непроизвольным.

Все три индейца на том берегу лежали уже на камнях, окропив их своей кровью и выронив луки. Он не промахнулся, но по кому стрелял Кузьма? И кто тогда так наспиговал мичмана?

Холодея спиной, Алексей стал поворачиваться, понимая, что враги напали на них с двух сторон.

— Сзади! — отчаянный выкрик Кузьмы оглушил Алехана, и тут же раздалось страшное в своей свирепости визжание индейцев, которое он слышал уже много раз. С такими криками туземцы всегда идут в атаку, стремясь сломить врага и себя подбодрить.

Орлов обернулся — так и есть, по склону к ним устремились с полдюжины туземцев, размахивая топорами и дубинками. Еще двое стояли чуть повыше, с луками, и совершенно спокойно доставали по стреле.

— Б-у-х!

Один из лучников сложился, машинально схватившись за живот. Затем рухнул со склона. Тело покатилося по камням и с высоты двух саженей с плеском вошло в прозрачную воду.

Казак снова не оплошал — стрелков нужно бить в первую очередь. А потому Орлов тщательно прицелился и опередил лучника на мгновение. Получив две пули в грудь, тот успел все же отпустить натянутую тетиву, только стрела ушла в небо. А сам индеец мертвым кулем покатился по камням и рухнул в озеро вслед за своим незадачливым предшественником.

— Твою мать! Ох, ты, неладная!!!

Казак, громко матерясь, дергал барабан штуцера. «Так и есть — сломалась пружина, и теперь его не провернуть!» — успел подумать гвардеец.

Алехан выстрелил навскидку — подбежавшего к казаку индейца с размалеванным красными и черными линиями лицом свинец швырнул на землю, но остальные пятеро аборигенов не остановились, продолжая размахивать оружием, они уже набегали на Меринова.

Тот отбросил заевшую винтовку, стремительно выхватил из ножен кривую саблю. Серебристый клинок хищно очертил круги над головой станичника и рванулся вперед.

Курок щелкнул, но выстрела не последовало — Алексей мгновенно понял, что извел все шесть патронов. Времени на перезарядку не было, но рядом с убитым моряком лежала винтовка, которую тот только успел снять с плеча, тут же сомлев от смертельных ран.

Орлов в три прыжка оказался рядом с убитым, схватил штуцер, взвел курок. И вовремя — трое индейцев набросились на казака, а двое устремились к нему, дико визжа.

Целиться не было нужды — с двух сажень промахнуться невозможно. Лишь бы Антошка покойный патроны в каморы вставил, а не на поясе держал. Иначе и его смерть сегодня придет! На мгновение взмолившись, Орлов потянул пальцем за спуск...

Гречиничи

— Ваше величество, извольте подписать. — Кабинет-секретарь Волков, не чинясь, попросту выложил на раскладной столик стопочку листов бумаги, требующих государева росчерка.

За эти восемь лет они сработались на все сто, и только сейчас Петр стал понимать, насколько важна работа секретаря, все помнящего, когда он сам подзабыл, держащего руку на пульсе всех дел.

А кое-где и его заменяющего, когда требовалось нерадивым или бездельникам «фитили» вставить. То Дмитрий Васильевич сам делал, инициативу проявляя.

С последней было туго — сам принцип самодержавия на корню мотыгой глушил любое проявление самостоятельности что в армии, что в управлении государством. Пришлось ему пойти даже на экстраординарные меры — приказать вначале делать, а потом лишь докладывать, а не наоборот, как было принято. За исключением дел особой государственной важности, перечень которых занимал всего один листок.

Но приказ приказом, а наработанная годами мудрость чиновничья гласила — под лежащий камень вода не течет. Оттого в том же Сенате скапливались груды дел, требующих разрешения десятилетиями. Правда, мелкие служащие, чернильные души, подьячие — мать их — нашли способ борьбы с бумажными завалами. Нет, поджоги не устраивали, сыр, паскуды, разбрасывали везде в бумагах, а крысы махом проводили «чистку». И все, крайнего не найдешь, не котов же полосатых под суд отдавать?!

Два года провел Петр в безуспешных баталиях с чиновничеством — ни грозные окрики, ни показательные казни к улучшению не привели. Чудище оказалось обло, озорно, да еще и лаяло!

Пришлось делать поправки — увольнять всех бездельников, что сами решать боялись и сроки тянули. Пусть на первых порах воротили такое, что волосы дыбом вставали, — но ведь начали делать, тем паче за первые ошибки взыскания были или слабые, или совсем отсутствовали. Инициативу проявлять даже стали, поменяв полностью полярность старого принципа — за отсутствие оной у подчиненных начальство немедленно подлежало переводу на их же уровень.

Зато сразу другой русский принцип, четырех «Н», попер, будто дрожжи в дерьмо кинули, — награждение непричастных, наказание невиновных. Приписки чужих заслуг пошли валом. Но тут дарованный судьбой «полиграф» сильно выручил — при двадцатичасовой работе

в день Петр лично многих на чистую воду вывел. Унялись, поганцы, и пошли дела потихоньку, сдвинулись с мертвой точки.

Казнокрадство пошло на убыль, тут уж он головы откручивал быстро и безошибочно, расправа была неминуемой. Воровали, конечно, бюджет растаскивали кусочками, но уже с лютым страхом в душе и по совести, не зарываясь. Ибо терять было что служащей братии — жалованье втрое больше стало, льготы разные введены, пенсион порядочный. Слабину дашь, возьмешь разок «борзыми щенками», и все — конфискация всего нажитого с переводом на периферию. Казни египетские!

Петр ухмыльнулся, делая росчерки пером, лучший помощник правителя — эффективно действующая спецслужба. А лучше не одна, чтоб информация правдивая с разных источников шла. И проверить завсегда можно. А потому у него таких пять имелось!

Тайная экспедиция Сената, что вместо зловещей Тайной канцелярии появилась, с отделениями во всех губернских центрах. КГБ, короче, политический сыск. Глава ее, добродушный Степа Шешковский, сволочь порядочная, но верен, пес, и дел липовых не шил. Опасно сие, Петр сам обвиняемых допрашивал зачастую. Наветчикам было худо за ложный донос — их в Мангазейский и Туруханский остроги на жительство определяли. Пусть на белых медведей доносы строчат.

Любезный секретарь Волков, как стал почти полным трезвенником, тож зловещую репутацию заимел — еще бы, Третье отделение собственной его императорского величества канцелярии в его распоряжении имелось. Петр тут не стал выдумывать ничего нового.

Правда, Дмитрий Васильевич иной раз с царственной цепи срывался, русская душа — она мятежная, в недельный загул уходил, с водкой и бабами. Раз в год, на большее секретарь не решался — секли потом страшно его казаки-конвойцы в полной тайне. Лечили...

Генерал Девиер особую экспедицию возглавлял, при совете министров — так Петр глав коллегий назвал. Аналог КГБ, конкурент главный сенатской экспедиции. Именно это ведомство само взятки давать любило — у них план был тяжкий по выявлению казнокрадов.

Имелась прокуратура, в составе Юстиц-коллегии, что экспедиции проверяла, — жили худо меж собой, как собака с двумя голодными мартовскими котами. Грызня постоянная, любо-дорого посмотреть!

Только что утвержденная коллегия внутренних дел, как всякое новое учреждение, стремилась показать свою нужность и опорочить конкурентов, а потому их недостатки и ошибки выискивала с упорством и терпением безграничным. Но и порядок старалась держать в державе — конкуренты тоже не дремали, порухи выискивая...

Петр подмахнул последний лист и устало встал. Вечерело, и он подумал, что пару часов можно вздремнуть. Марш намечался на час ночи, так что время было и поспать, и поесть потом. Позавтракать, вернее, полуночничать. А там драка ждет знатная — османов и татар на Кагуле втрое больше набралось, чем солдат в русской армии.

Мотовилихинский завод

— Постарался, Степан Миронович, сильно постарался! Я таких заказов и за пять лет не выполню. Впору завод расширять...

Иван Ползунов медленно прошелся по роскошно обставленному кабинету. Сильно тяготила его обстановка с тяжеловесной мебелью, но ничего не поделаешь — ныне он директор казенного завода, а положение, как говорится, обязывает. Вон как вознесся ныне — целым титулярным советником стал, да не прежним, мелкой канцелярской сошкой, а нынешним, что по новой «табели» майорскому чину соответствует.

И тут Ползунов подумал о прежних зловключениях, когда его идею создать паровую

машину на Знаменском руднике приняли, скажем так, без большого восторга. Он уже не знал, что и делать, но однажды ночью его вытряхнул из постели прибывший из Петербурга фельдъегерь.

К неопишуемому удивлению, отнеслись к нему не как к государственному преступнику, а с нарочитым бережением и почетом. Чуть ли не под руки взяли, усадили в кибитку вместе с двумя учениками и одним мастером и повезли в столицу. Остановок в пути не делали, лишь на почтовых станциях перепрягали уставших лошадей. И снова в путь, только снег под полозьями скрипел, да кнут над лошадиными спинами свистел.

За три месяца довели до столицы — и прямо к императору во дворец, даже с дороги помыться не дали. Разговор с Петром Федоровичем привел его в неопишуемое состояние — царь откуда-то прознал про его идею создать механизм, что будет работать силой пара. И не только знал — три дня они работали над чертежами, император сам сделал ему несколько интереснейших указаний и даже дал собственноручно исполненные схемы.

И, обласкав царственно, отправил на Охтинский завод, где в полной тайне через полгода первый паровик и был сделан. Машина императору понравилась, присвоил он чин титулярного советника и отправил на реку Каму директором завода, что уже два года обустроивался в Мотовилихе, пригороде Перми.

И только здесь Иван Иванович понял, что государь заранее все ведал и предусмотрел. Именно на этом новом заводе, в глубокой дали от столицы, но близь уральских домен, с которых шло железо и чугун, предстояло развернуть производство паровых машин. А на Каме возводили еще и Боткинский завод, на котором должны были строить суда с гребными колесами и паровым двигателем, что Петр Федорович самолично придумал...

— И как же я заказы эти осилю? — пробормотал устало Ползунов.

Хорошо, что в заводской школе ребятишек всякому заводскому умению обучают, теперь ни в Мотовилихе, ни в Воткинске проблем с умелыми рабочими не было и с материалами, что доставлялись бесперебойно. Государев заказ — его нужно выполнять со всем тщанием.

Хитро придумал Петр Федорович — те из купцов, что на пароходах грузы перевозить станут, от половины налогов освобождены на три года будут. И за само судно паровое никаких пошлин не брать. Наоборот, если на сибирских реках кто пароходы гонять начнет, то от казны доплаты иметь будет и ремонт бесплатный на казенном заводе, что в Тобольске сейчас строить начали. Вот купцы и заполошились, приехали с заказами, мощной тряхнуть на дело незнакомое, но прибыльное, собираются.

Хитра государева задумка — на всех реках пароходы пустить, чтоб страну связать в один торговый путь. А рек-то множество — это сколько пароходов построить надо?! А волоки в междуречье повелел государь делать ровными и гладкими, с насыпью, и там дороги проложить, но грузы пока на подводах перевозить и с судна на судно, таким образом, перекладывать.

Ползунов вздохнул — он вспомнил, что к следующему году Петр Федорович приказал ему чудную машину паровоз до ума довести, чтоб на насыпях этих рельсы проложить, грузы уже силой пара и по земле перевозить, не только по рекам.

Но дорога задумка — рельсы из чугуна на Урале отливать только сейчас научились, и стоят они накладно. Но со временем окупится — на тележках с железными осями и дисками можно по двести пудов нагрузить, а на подводе и пятнадцати не вывезешь. А паровоз десятков тележек утянет!

Да и рельсы едва на сотню верст укладывать придется, и то редко — рек много, и они друг к другу близко подходят. Если пароходов и паровозов много сделать, то перевозка грузов намного быстрее, в два, а то и три раза будет. Великое благо будет сделано!

— И как же я заказы эти осилю?!

Очаков

Толкать бочонки было тяжело, хоть и плавал сейчас Семен Хорошкин, как угорь. Выучили за восемь лет...

— Тьфу! — Он глотнул лиманской водицы, мерзость изрядная. Днепр пресную гонит, а тут, у крепости, она с морской водой смешивается. Оттого и вкус у нее такой, что хуже некуда. Случайно глотнул, раззявился.

Эти два бочонка, набитые адской смесью, они толкали вчетвером уже добрых два часа. Хоть и лето, и водица вроде теплая, однако тело уже начало сводить. Да еще луна выглянула, пришлось ее светлые дорожки стороной огибать. На всякий случай — а вдруг вахтенный глазастый попадется да присмотрится, что это на воде само движется к кораблю...

После злосчастливого купания в вонючем сортире, где Семен укрылся от разъяренных мятежных измайловцев, путь в гвардию был ему заказан. Многие о том погружении в нечистоты знали, а потому поруха чести была бы изрядной, и государю ущерб.

Однако Петру Федоровичу Семен благодарен был до глубины души — царь все понял, насмешек чинить не стал и другим не дал, что зубы скалили. Мол, лучше смерть принять, чем в дерьмо нырять! Но что делать? Испугался тогда гвардеец, смертушки испугался. Ведь в Кронштадте чудом выжил, до сих пор в ненастье ребра болят — испинали тогда знатно.

Император его во флот перевел, а через год с ним особый тайный разговор имел. Предложил сколотить команду из пловцов наилучших и поведал, что будут они теперь учиться, как с минами к вражеским кораблям подплывать по ночам и взрывать их. Семен сразу загорелся, и потянулись долгие годы учебы — сам Петр Федорович с ними часто лично занимался.

Только раз пошутил государь, мол, тому, кто из дерьма выплыл, любое море нипочем станет. И точно как в воду смотрел государь — сейчас Семен не боялся ни капельки, а борт огромного турецкого корабля уже нависал над ним высокой стеной.

— Кап, надо заводить, — рядом прошептал вынырнувший мичман Максимов, смешливый рязанец. К сокращению своего собственного чина капитан-лейтенанта Семен привык давно — иначе в воде и говорить не будешь, враг-то рядом и вряд ли дремлет. Высокий у него чин, государь лично даровал, пошутил, что авансом дает, а ему, Семену, отблагодарить на войне придется. Вот он и отрабатывает сегодня...

Семен не мог поднять не то что головы, а век — вымотался полностью. Он еще помнил, как цепляли к днищу мины, как крутил буравчик, но обратный путь вылетел из головы, только свинцовая усталость во всем теле. Как заметили их запорожцы в темноте, одному Богу известно да царю морскому. Но казаки не обмишулились, вовремя выловили всех из воды, они и руками пошевелить уже не могли.

Тут же содрали кожаную одежду с воздушными мешками, чтоб на воде держаться, растерли горилкой с перцем да еще влили в них изрядно, разжав зубы. И только сейчас Семен стал приходить в себя, разглядывая суровых и молчаливых казаков с выбритыми головами, но длинными оселедцами и усами. Полуголые, с крепкими мускулистыми телами, они довольно прилично разогнали струг, почти беззвучно загребая веслами днепровскую воду. Ходко шли, чувствовалась давняя привычка к таким походам.

Горилка сделала свое дело, пожар в животе занялся, кровь пошла толчками. Жизнь взяла свое, Семен изрядно повеселел. Ожил и его приятель, мичман Петр Максимов, да боцманматы флотские, что с ними диверсию эту учинили.

Уже собственными силами они пустили по кругу мешок с горилкой, стали жадно жевать холодное отварное мясо. А Семен все смотрел на крепость, у которой сгрудился лес мачт, — то

на якорах стояла большая турецкая эскадра. Смотрел напряженно и не пропустил главного.

— В-у-х!

Столб воды вырос у борта самого крупного османского корабля, хорошо видимого даже на таком расстоянии.

— Ш-в-а-х!!!

Линкор в доли секунды превратился в огнедышащее жерло вулкана, огнем его вывернуло наизнанку: двадцать пудов адской смеси «аммонала» — это не слабенький порох взорвать. В небо взметнулись многие тысячи огней — горящим дождем обломки посыпались на соседние турецкие корабли.

— Крюйт-камера рванула, — тихо прошептал Максимов. Никто не радовался в голос — турецкие сторожевые галеры рыскали по лиману, не давая русским судам вырваться из Днепра.

— И ветерок поднялся, — добавил Семен с надеждой. — Может, и погорят еще кораблики-то?

Юконский острог

— Б-у-х! Б-у-х! Б-у-х!

Визг разом прервался — тяжелые пули буквально отшвырнули индейцев назад. Одному снесло полчерепа, кровь брызнула во все стороны, окропив и Алехана. Второму досталось две пули, причем в бок. Туземца в воздухе перевернуло на спину — и Орлов чуть не срыгнул.

Надрезанные свинцовые пули, поставленные моряком на здешнего матерого и до ужаса свирепого медведя-гризли, полностью разворошили аборигену живот своими выходными отверстиями.

— Че, окаянные! Отведали казацкой сабельки!

Алехан так и не понял, каким образом Кузьма отсек одному индейцу руку, второго проткнул насквозь, а третьему разрубил плечо. Все произошло настолько быстро, что Орлов даже не успел поднять штуцер и прицелиться, дабы помочь станичнику. И вот у ног казака бьется в конвульсиях насаженный на саблю колош, другой лежит в луже собственной крови, и лишь безрукий в сознании — кровь хльщет с обрубка, а он, смертельно бледный, без сил, только смотрит на клинок выпученными глазами.

— Кишка тонка у них супротив баргут или чахар. Вот те мунгалы рубаки изрядные!

Кузьма сплюнул кровавый сгусток, щека у него была располосована, и посмотрел на Орлова.

Тот поднял ружье — добить индейца, все равно не выживет, всю кровищу потерял. Казак предостерегающе кашлянул:

— Не замай, Григорыч! Не трать патрон, мало их у нас!

И стремительно взмахнул саблей, развалив грудину колошу наискосок. Кровь хлынула потоком, алые брызги долетели до воды. Орлов только сейчас опомнился, достал тряпку и вытер лицо — мешковина сразу окрасилась.

— Фу! — облегченно выдохнул казак, цепко обшаривая взглядом окрестности. — Славно подрались.

— Кое-как отбились! — вставил и свое слово Алехан. — Вроде вражин больше нет, кончились супостаты.

— Их ровно дюжина была, мы их тут всех и положили. — Кузьма присел на камень и стал рассматривать свою винтовку. Через несколько секунд выругался по-черному, помянув и мастера, что делал ее, и себя, и чью-то мать, и золото, будь оно неладно.

— Золотишко чем тебе не мило? — ощерился улыбкой Орлов.

— Будь камешек, так я бы рукой провернул, — степенно ответил казак, — а так самородок

малый попал и заклинил барабан. Смотри!

Казак вытащил из мха плоский желтоватый камень, похожий на оладью, почему-то кхекнул, вроде как сильно удивился, и пару раз аккуратно ударил по барабану. Достал мелкий камушек, тускло блеснувший на его корявой ладони, да швырнул его в озеро.

Далеко кинул — ровно посередке глади всплеснуло, и пошли круги во все стороны.

— Богач ты, Кузьма, золотом швыряться! Самородок не нужен? Там же несколько золотников было.

— Ну и хрен с ним, лучше малым пожертвовать, но с большим остаться. — Казак хитро сверкнул глазами, взял булыжник и неожиданно бросил «оладью» в сторону гвардейца. — Лови, ваш-бродь!

Алехан привычно махнул лапищей — и тут в ладонь сильно ударило, тяжесть оказалась нешуточной. С лепешку камушек, большенький — но весил изрядно, с полпуда, руку сразу оттянуло.

Орлов крикнул от удивления — о таких огромных самородках он даже от брата не слышал, не то что видел. Гриша о десяти фунтах говорил, а этот тусклый желтый камень вдвое больше весит.

— Ты его спрячь пока, Григорыч! С такой тяжестью бежать от супостатов трудненько!

— Зачем прятать-то? — удивился Алехан. — И бежать зачем? Мы ж их всех побиили!

— Мы убили тех, что нас повязать хотели! — Казак ощерился. — Колоши эти с нами уже встречались в прошлом году, но не знали, что у нас многозарядные фузеи. Иначе после первого же выстрела не стали бы нас так неспешно обкладывать, а кинулись разом. Ошибочка у них вышла. Думали, мы ружья перезарядить не успеем, не знали про шесть зарядов. И в тебя стрелы не пускали, в единственного. В аманаты ты им был нужен, Григорыч! Старые счета к тебе у них есть!

— Так что ж это такое? Откуда они? Шли за нами?

— Измена это, ваш-бродь! Вон острожный индеец лежит, мертвяк голимый. А где второй?!

Орлов сразу отыскал караульного туземца, данного братом в проводники. Прав казак, убили его. И не тлинкиты — тех и рядом не было, и стрел в теле не торчало. Но сколько ни разглядывал место Алехан, второго караульного он так и не приметил.

Казак с усмешкой посмотрел на гвардейца и сплюнул. Затем хрипло заговорил, как старый ворон:

— Сбег, щучий сын. Своего резанул в спину и сбег. Как пальба началась, я его заметил — думал, от колошей убегает. А он от нас бежал, понял, собака, что мы огненным боем отобьемся. В остроге пальбу брата твоего видел, сообразил, что к чему, но этих предупредить не успел.

— Зато сейчас успеет, пес! — грозно процедил Алехан и засунул самородок под мох с камнем торчащим, приметным. — Нас в остроге не ждут до завтра, а энти твари на нас охоту начнут. И скоро. Уходить надо, тут ты прав, Кузьма. Худо только, что мест сих не знаем, догонят. По следу они ходить горазды!

— Да и мы не лыком шиты, — усмехнулся казак. — Места я заметил, пока шли, так что петлять будем как зайцы. Нам бы до острога добраться, чую, пригрел твой брат змею предательскую! Как бы беды не вышло!

ДЕНЬ ТРЕТИЙ

29 июня 1770 года

Гречиничи

Пригревало, и порядочно, как на солнцепеке.

«Это ж что такое творится?!»

Петр с трудом разлепил глаза, так и есть — какой-то дом, обстановка с восточной роскошью, несколько аляповатой, бьющей в глаза. Перебор полнейший. Явно не его привычный полевой шатер или знакомые до малейшей лепнины дворцы в Петергофе и Северной Пальмире. Да и не общага, что оставил он в той жизни.

— Неужто я к туркам в плен попал, вот и поместили меня согласно рангу? Теперь проведу года в пошлой роскоши, как предводитель команчей, с одалисками, в неге и мире.

Вот только раздетых баб он нигде не увидел, негой и миром здесь не пахло ни на грош — запах разгорающегося пожара забивал нос, едкий дым, сочившийся из всех щелей, раздражал глаза. Еще не запылало все кругом, но огонь, похоже, уже вышел из-под контроля.

Окно было разбито, легкая занавеска на его глазах вспыхнула и за секунды сгорела. Сразу же в уши ворвался грохот ружейных выстрелов. Петр непроизвольно выдохнул воздух от облегчения:

— Не «калаши», а мушкеты, значит, я в прошлом. Может, в шкуру местного бея или паши попал? Тогда где мои магараджи, кунаки и джигиты?

Петр огляделся и вздрогнул. Перечисленных в комнате не имелось, зато наличествовал труп в синем потрепанном мундире с желтыми обшлагами и гетрами. Знакомая форма, точно такую же он видел восемь лет назад, но не в доме, а на болотах. В тот, свой третий сон!

Петр нагнулся и поднял мушкет, посмотрел — тяжелая дура калибра 20 мм, на полке насыпан порох. Швед явно хотел в кого-то стрелять из окна, только сам пулю поймал.

— Не в наших ли он палил? — Секундного раздумья хватило, и Петр осторожно, прижавшись к стене, посмотрел наружу. — Мать моя, женщина! Да сколько же вас тут?!!

Волосы от страха стали дыбом — все пространство перед домом было забито под завязку оскаленными рожами в узорных шальварах, в крючковых тапках, в пестрых рубахах. Не с мирными намерениями пришла эта озверелая османская братия — кривые турецкие ятаганы и ружья он узнал сразу, уже повидал. Морды озверелые были ему тоже знакомы — янычары, мать их за ногу, гвардия султана.

— Нет, братцы! Сдаваться вам я не намерен! Вы мне враз обрезание совершите, только головы! — пробормотал Петр с угрожающими нотками и высунул ствол мушкета. Целиться не стал — промах с короткой дистанции да по такой плотно стоящей цели был невозможен по определению. И потянул за спусковой крючок — замок щелкнул, кремь, ударившись об огниво, высек искры, тут же воспламенившие порох на полке. Это не винтовка — от спуска до выстрела чуть ли не секунда уходит, — и опытный солдат успевает с прицела в сторону отскочить...

— Б-у-х!

Приклад очень больно ударил в плечо, да так сильно, что Петр от неожиданности пошатнулся.

«Сколько же швед пороха в ствол набухал? Могло ствол разорвать!» — недовольно подумал он и посмотрел на результат выстрела.

Три янычара упали, еще двое скрючились — остальные еще громче завизжали от ярости.

Петр оскалился от удовольствия, задыхаясь в дыму.

— Ты хорошо стреляешь, мой маленький принц! — Знакомый лающий голос раздался за спиной, и он стремительно обернулся.

Леденистые глаза сейчас не обдавали его смертельным холодом — король Карл, еще один «дедушка», смотрел вроде бы с одобрением. Потрепанный синий мундир с желтыми отворотами ладно сидел на его худощавом, но жилистом теле.

— Порта решила меня выпроводить из Бендер, но мы им тут крепко вложили. Да и ты постарался, мой маленький принц, — взял эту презренную крепость, исполнил мою клятву! Хоть и позже...

Король тяжело вздохнул и улыбнулся, будто голодный волк ощерился. И уперся ненавидящим взглядом в окно.

«Бог ты мой! Ведь после Полтавского сражения Карл бежал в Турцию и гостил там много лет, пока хозяевам не надоел. Турки решили его выпроводить силой, окружив дом несколькими тысячами янычар. А Карл, отпетая головушка, решил дать бой, имея всего сотню драбантов — своих личных гвардейцев-телохранителей!»

Петр вспомнил историю знаменитого «караколя» шведского монарха — турки подожгли дом, и вскоре жар стал нестерпимым. Карл с уцелевшими вояками пошел на вылазку, его обезоружили и бережно завернули в ковер, чтоб не трепыхался. Убить или ранить его янычарам настрого запретил султан — ничего не поделаешь, Восток дело тонкое, и законы гостеприимства здесь чтят!

— Припекает, мой маленький принц! — равнодушно проговорил король, будто жар и едкий дым его совершенно не трогали. — Ты, я вижу, без моей шпаги?! Ничего, возьми эту, она не хуже!

В ладонь ткнулся эфес, и Петр машинально ухватил рукоятку. Она была нестерпимо горячей, и первым желанием было отбросить шпагу в сторону. Но не тут-то было — пальцы будто прикипели к эфесу.

— Ты делай свое дело, мой маленький принц, а мы свое! — Король запрыгнул на подоконник и закричал громким голосом: — Шведы! Покажем, как умеем сражаться! Вперед на вылазку!

Голос Карла едва доносился через густую серую пелену дыма, но Петр отчетливо слышал лязг клинков и дикие крики.

Скорее бы на воздух, он задышался от дыма, шпага обжигала руку, а боль только нарастала. Больно, больно...

— Уййй!!! Твою мать!!!

Осознав себя уже наяву, Петр дернулся всем телом. И проснулся. Вскочил, протер глаза рукой и надрывно засмеялся. И стал лихорадочно вытирать руку от липкой горячей пленки.

— Ха-ха! Опять морок, не вещий сон! Это надо же — ладонью горящую свечу затушил, а воск-то расплавился! Горячий, падло!

Матерясь вполголоса, он отер ладонь и посмотрел — ожога не было, так, легкая краснота. И засмеялся еще раз, на этот раз счастливо.

— Надо же — на часок прилег, и второй дедуля момент уловил, явился, не запылился. Всласть повоевали... Хорошо, что обшлаг в пламя не сунул, а то пожар в палатке устроил бы!

Петр усмехнулся, окончательно проснувшись, тут же полог шатра отдернули снаружи, и раздался нарочито спокойный, со сдерживаемым волнением, голос флигель-адъютанта Неелова:

— Пора, государь! Час пополуночи! Армия уже выступила согласно диспозиции! Нарцисс сейчас принесет вам умыться и позавтракать!

Иркутск

— Катенька, вода же холодная! Зачем ты в нее вошла?!

Князь Кондратий Дашков затопал сапогами и, подхватив на руки жену, что стояла по колено в голубой ангарской воде, вынес ее на берег. Утреннее солнышко уже начало прогревать не остывший за теплую ночь воздух.

— Не знаю, милый, что на меня нашло! — только и прошептала женщина, прижавшись к его груди. Почувствовала, как ровно и мощно бьется его сердце, и тут же успокоилась, обвив тонкими руками мужа за шею...

— Будто кошмарный сон, ужасный, жестокий! Мой милый! Как я рада, что мы далеко от столицы!

Екатерину Романовну усадили в мягкое креслице, ноги укатали клетчатым аглицким пледом, тем самым, что два года согревал ее в мрачной каменной келье Соловецкого монастыря, где княгиня чуть не сошла с ума от кошмара одиночества.

Только крики чаек и плеск волн о каменный берег слышала она первые три месяца. А потом ударили холода, и неразговорчивые монахи да приставленный к ней чиновник из Тайной канцелярии стали чуточку любезнее — принесли дрова, дали этот плед, переданный мужем, что примчался из далекого Константинополя. Еще разрешили писать письма. Вот только кому и куда?!

Екатерина Романовна непроизвольно заскрипела зубами — тяжкий грех на ней, который не отмолить, не искупить. Именно она, пусть и невольно, стала убийцей собственного отца и сестры, что не смогли унять погубившее их любопытство. Но этого оказалась мало, и она стала соучастницей других преступлений, смерти еще нескольких человек, что отравил казненный за то злодеяние князь Барятинский. Страшные были дела, вот к чему привела неумная и нерассуждающая тяга к власти.

Теперь, по прошествии многих лет, княгиня стала рассуждать совсем по-другому, ведь жизнь человеческая так интересна, сколько можно сделать в ней добрых дел, а не предаваться праздному тщеславию или гордыне, что еще хуже. Но этого не понимает людское естество, и лишь когда смерть опалит его душу, начинается осознание...

В тот день, первого июля, она взглянула в глаза императора Петра — и это разом сломало ее. Это был не привычный взгляд вечно пьяненького голштинца, так его именовали в Петербурге. Нет, абсолютно трезвый, полный бесчеловечной злобы взор — и она мысленно попрощалась с жизнью. Явился не человек, пусть и осененный царской властью, нет, то на нее взирала сама беспощадная смерть.

Император ее зверски избил собственными руками, тяжелыми и сильными, кто бы мог подумать, что они у него стали такими. Разорвал на ней одежды и, за малым, не отдал своим зверолодным похотливым казакам на растерзание. Именно тогда она почувствовала себя песчинкой на безжалостных жерновах и со всей высоты надуманного величия, в которой она видела себя вершительницей судеб России, рухнула на самое дно черной бездны ничтожества.

И все сломалось внутри! Она вывернулась наизнанку — говорила о самом сокровенном, называя фамилии, дела и помыслы. Страха смерти не было — осознала, что живой не останется, но были ужас и оцепенение от внезапно произошедшей катастрофы. Потому и поведала все.

К ней не применяли пыток, но часто водили в застенки, где на глазах, читая ею написанные показания, другого человека превращали в воющий от боли кусок окровавленного мяса и истерзанной плоти — и на нее сыпались их проклятия.

А потом были казни — предсмертные крики уже не ввергали ее в ужас. Еще она видела глумление вчера боготворившей толпы, презрение и подлый хохот над муками. Ожидала смерти, но на эшафоте прочитали ее вины и злодеяния, набросили на шею веревку, но казнь так

и не началась — помиловали.

Однако жизнь была не в милость — она медленно угасала в Соловецком монастыре, лишенная всего — семьи, детей, мужа, возможности общаться и писать. Через год, ничего не объяснив, увезли в Валаамский монастырь, что на Ладожском озере, и там...

— Я хочу поговорить с вами, княгиня, в последний раз!

Знакомый до дрожи голос вывел Дашкову из дремотного оцепенения, и она вскинулась на жестком монашеском топчане. Келья уже была освещена принесенными свечами, горевшими в массивном подсвечнике, а напротив ее на деревянной лавке сидел самый ненавидимый ею в этом мире человек. Голштинец, император — погубивший ее планы, помыслы, жизнь.

— Я не собираюсь приказывать вас удавить здесь! Отнюдь! Как бы ни сложился наш с вами разговор, но после него вы можете отъехать в Европу. Средства на проживание вам будут выплачиваться мужем и братом.

— Я могу выехать с семьей?!

Только сейчас Дашкова окончательно пришла в себя и рывком села, укутавшись в плед. За секунду в ней снова вспыхнула жизнь, надежда стала разгораться в душе. Уехать из кошмара и снова начать жить, радоваться солнцу и детям. И тут же она сообразила, что допустила бестактность — не следует злить своего палача.

— Ваше императорское величество, вы не шутите? Это было бы жестоко в моем положении!

— Нет. Но поедете только вы одна! — Император чуть улыбнулся, и она сразу уловила печаль в этих тонких губах, а напрягшимися чувствами и душой поняла, что в нем нет сейчас злобы и жестокости.

— Я говорил с вашим мужем! Он согласен выполнить мое приказание в обмен на ваше освобождение!

— Какое указание, государь?! — Душа разом напряглась. Шуткой здесь не пахло, не та ситуация. Что же он потребовал у мужа?

— Я назначаю князя генерал-губернатором Восточной Сибири! И он дал слово, что приложит все усилия для налаживания золотодобычи и превращения Иркутска в действительно европейский город! А также сделает все для просвещения и организует там второй в России университет.

— Что?! — Новость обухом ударила ее по голове, и Дашкова непроизвольно вскрикнула.

— Он навечно с детьми уедет в Сибирь, спасая вашу жизнь и свободу! Это его жертва — он любит вас!

— Лучше прикажите меня убить, ваше императорское величество! Я не могу принять такое от своего супруга... — голос княгини прозвучал глухо. — Помилуйте их, государь!

— При чем здесь помилование? — Как показалось ей, голос императора прозвучал удивленно. — Ваш муж добровольно сделал свой выбор, и я дал ему слово. Я могу лишь сказать, что выбор за вами, Екатерина Романовна, и вы, только вы сами сможете спасти и себя, и мужа, и детей!

— Что я должна сделать?! Что еще написать?! Я заложу вам душу, если вы это пожелаете! — В ней впервые проснулся страх за детей и мужа.

Тяжелая леденящая скорбь сдавила сердце оттого, что не любила этого благородного человека, а на его ласку отвечала холодностью. И теперь она должна искупить сей грех, пусть даже ценой жизни...

Троянов вал

Раскинувшееся за валом поле было совершенно пустынным — турки почему-то и не

думали оборонять довольно высокую насыпь, сооруженную еще римским императором Трояном для защиты от набегов с Дикого поля — а так называлась в истории, как знал Петр, огромная территория от Днестра чуть ли не до Волги.

Здесь, по выражению кого-то из византийцев, кончались рубежи цивилизации и начиналось скифское варварство, а позже московитское и татарское, как привыкли называть эти места в Европе.

— Павлины, говоришь?! — пробормотал Петр в такт своим мыслям. — А ведь теперь все наоборот. С севера идут европейские русские, а на юге оборону держат восточные варвары. А как их назвать, коли турки покрывают крымских татар, а те уже чуть ли не триста лет открытым грабежом соседей живут да работорговлей занимаются?

И как только он про татар прошептал, так скривился, будто свежий лимон зажевал, а затем в рот живую жабу засунул. Тот еще народец за крымскими перешейками засел — прямо наказание бесовское!

В прошлом году Петр распорядился принести ему все материалы про татарские набеги. Сизифов труд оказался, непосильный даже для отлаженной бюрократической машины. В сенатском архиве чуть ли не неделю горбатились, полную комнату свитками и летописями забили.

Пришлось попросить краткий перечень по годам — когда набег состоялся, чего разорили, сколько людей в неволю угнали. И поскорее написать — проволочек Петр не любил!

Чиновники, два десятка человек, трудились две недели денно и нощно. Принесли толстенный фолиант, страниц на пятьсот, по числу набегов. И стоило углубиться в чтение, как волосы дыбом встали. Как начали с середины XVI века, еще при Иване Грозном, за рабами на русские земли ходить, так без перерыва два века с лишним и терроризируют натурально!

В старых летописях подсчетом уведенных крымчаками в рабство русских поселян почти не занимались, в ходу были обороты «зорили нещадно», «лютовали», «в полон увели». «Глад великий и разорение» после тех набегов были. И подтверждение — длинный список волостей, что почти полностью «обезлюдели».

А при Михаиле Федоровиче цифирьки появились, не всегда и не везде, где-то на половину набегов. При Петре Первом и позднее подсчет стал регулярным — и дар речи потерять можно было, стоило сложить их, а потом вывести сумму. Чуть ли не миллион христианских душ!

И польскую пока Подолию грабили и разоряли не менее беспощадно, скольких убили?! А ведь из невольников только каждый второй до Крыма доходил — слабых, больных и немощных рубили без жалости. Недаром шляхи, что в Крым идут, «солеными» от человеческих слез называют, а в Малороссии самое страшное проклятие в ходу, и какое — «чтоб тебя татарская сабля посекала».

Петр прикинул размеры людских потерь за двести лет и побагровел, потом побледнел от ярости — чуть ли не четыре миллиона человек. Пятый житель нынешней Российской империи! Но ведь при Иване Грозном население было в пять раз меньше! Это сколько они крови русской выпили?!

Захотелось повстречаться с одним классиком и намотать его бороду на кулак — ты это чего, Карлуша, о феодальном и капиталистическом способе болтал?! Тут самое натуральное рабовладение, а способ создания материальных благ основан на грабеже. И ведь не боятся ответа, совсем без «башни»! С пруссаками пока воевали — татары четыре набега совершили, увели и убили 12 тысяч душ. Десять лет прошло с той поры всего!

Последние пять лет унялись, на империю набеги почти не совершали, так, на рубежах хапали тех, что рот раззявили. Зато подольским хохлам досталось, а ведь души-то свои, православные.

Русские послы в Константинополе каждый год требовали и просили султанских чиновников унять татар, но без толку. Турки бакшиш охотно принимали, но руками разводили — татары-де самостоятельны, и султан не может им приказать за добычей и рабами к соседям не ходить, ибо помрет народец крымский тогда от голода, поелику ничем другим заниматься не умеет.

«Ну, раз султан не в силах, то, может, у нас получится как-нибудь разбои унять?» — резонно вопрошали послы. Но стоило русским на Крым с отместкой сходить, как османы тут же войной гяурам грозили. И что ты будешь делать?!

И он вспомнил школу — был у них в третьем классе ученик один, всех достал пакостями. Побить его не могли — у того в восьмом классе братик был мордастый с кулаком тяжелым. Но через год дождался своего — тот сам нарвался, и десятиклассник отлупил его. И сразу младшему сопатку начистили всем скопом — притих, паскудник, стал шелковым.

Так и здесь — если сегодня турок в плоский блин раскатать удастся, то татарам кирдык наступит. Орду обратно не пропустят, а если она попытается прорваться, то по Днепру флотилия ходит — пусть рискнут переправиться! Через пару месяцев русская армия на Крым пойдет, татар там мало осталось, хан ведь всю орду сюда увел, чтоб раз и навсегда с этим разбойничьим гнездом покончить...

— И горе им, если за сабли схватятся!

Юконский острог

Григорию Орлову не спалось — маета сплошная, весь на кровати извелся. Женское тело обжигало грелкой — скво дрыхла без задних ног после тяжелого трудового дня и не менее тяжкого, но более жаркого вечера.

— Да что ж это такое творится, святые угодники? Всегда почивал хорошо, засыпал почти сразу и сновидениями не мучился! — пробормотал он и перевернулся на другой бок, подальше от «постельной печки».

Весь искрутился, тело колетса, будто не тюфяк под ним, а скошенина, на которой в детстве без обуви подошвы ног себе истыкал, когда сдуру пробежался. Хорошо, что клопов нет, а то добавили бы ужаса.

Покрутившись еще разок, бывший гвардеец, а ныне губернатор мысленно плюнул и решительно встал. Видно, не судьба уснуть, тогда надо делом себя занять. А чем можно заняться ночью, хоть и светлой, северной? Которая и не ночь вовсе? И на память давит — в Петербурге недаром в июле такие ночи «белыми» именуют.

— Пойду-ка проверю служивых, — вслух проговорил Орлов. — Ноне в остроге Алешкины вояки стоят, погоняю чуток. А то совсем обленились за сутки, вчера частокол в трех местах облевали...

Сказано — сделано. Орлов резво встал, всей пятерней почесал волосатую грудь. Лениво глянул на тугое тело бесстыдно раскинувшейся на постели индианки — забавна, искусна, но не более. Жениться на ней он не собирался — чай, губернатор сейчас, партию себе получше найдет. Но то потом будет, его сейчас и эта баба устраивает — послушна как шелковая, без норова — «объездил» ее хорошо.

Этим-то туземки и привлекали, а к русской бабе здесь и не подступишься — редки они. А ежели какую и завалишь на постель, то сразу с претензиями — и то ей сделай, и тем отблагодари.

А за что? Естество — оно одно, что у аборигенок, что у баб. С первыми намного проще, только хорошо в баньке выпарить нужно — пованивают так, что в нос шибает.

Орлов натянул ставшие привычными шаровары — очень удобны, ткань крепкая, мотня не

жмет, куда там узким столичным панталонам. Для здешних мест те крайне неудобны, по камням не побегаешь, через кусты не пролomiшься. А в шароварах хоть золото мой, хоть пляску задавай.

Рубашку надел хоть многократно штопанную, но чистую. Сверху накинуд казачий кафтан, застегнулся и подпоясался. Перекинул через плечо португею со шпагой, привычно проверил, как ходит клинок в ножнах. К сабле Григорий не привык — старая шпага ему и так надежно и хорошо послужила. Засунул за пояс гладкоствольный пистолет — тоже по привычке, кого в остроге бояться, но положение, как говорится, обязывает.

Подаренное императором новое ружье с патронташем Григорий брать не стал потому же, хоть то маняще блистало стволом. Решил утречком еще пару раз выстрелить — бой просто изумительный.

Еще раз посмотрел на туземку — игривая мысль на секунду заползла в голову, но гвардеец ее отринул. Служба прежде всего! А потому решительно вышел из дома, хлопнув дверью, и тут же немного удивился — прикормленная им собачонка впервые не подбежала к хозяину, помахивая хвостом и норовя ткнуться лапами. Всегда рядышком, а тут нет! Он оглянулся.

— Твою мать! Да ты дрыхнешь, как сурок! — Орлов усмехнулся.

Собака никуда не делась, из-под крыльца торчала лапа. Он тихонько свистнул — сучка на этот свист отзывалась немедленно. Но на этот раз не соизволила даже ножкой дрыгнуть.

— Я не гордый, щас сам вытащу! — Он наклонился и взял пальцами за мохнатую лапу и тут же все понял по окоченевшей конечности. Мельком глянул — оскаленная пасть, залитая кровью шерсть. Широкий порез по горлу, и лужа крови...

— Это ж какой лиходеи мою псину прирезал?! — чуть не взревел Орлов во весь голос и тут же осекся. Он сразу заметил неладное — караульного на вышке не было...

Троянов вал

Генерал-аншеф Румянцев пристально взирал на размеренно идущие по сужающимся лощинам четкие квадраты каре русских полков. Хорошо наступают — сам же их выпестовал!

Рассветало.

— Пушки уже выкатили, — глухо пробормотал генерал, оглядываясь назад. Диспозиция, принятая императором, его несколько удивила — дивизии шли в наступление уступами, а не ровной линией, как предложил он сам. На левом фланге дивизия Племянникова прошла чуть вперед, как бы догоняя идущий в обход корпус Суворова из двух самых слабых дивизий. Тянулась за ним, как нитка за иголкой.

В центре колыхались квадраты, а за ними и колонны гвардии, командование над которой принял сам император. Семь тысяч отборных штыков — страшная сила, в полтора раза больше, чем в любой другой дивизии. И вооружены почти все гвардейцы только новыми нарезными фузеями, тогда как в остальных полках три четверти ружей старые гладкоствольные, пусть и с «крутящимися» пулями. И пушки у гвардии новые, но с десятков всего — больше на заводах не осилили.

Справа шла самая слабая дивизия генерала Олица — между каре пехоты виднелись широкие промежутки. Теперь генерал-аншеф не сомневался, что многочисленная османская и татарская конница нанесет удар именно сюда, сам он это бы сделал, не задумываясь, слишком благоприятная ситуация, потому на военном совете указал на то императору, предложив заменить местами эту дивизию с гвардией.

Ведь стоит турецкой коннице как следует навалиться на Олица, конец близок — поражение армии неизбежно, ибо турки вырвутся в тыл и окружают русских, хотя те сами пытаются осуществить этот замысел.

Император только рассмеялся, сказав, что рад этому — раз сам генерал слишком хорошо видит уязвимое место, то и турки его не могут не заметить. А потому за Олицем будет стоять крепкий кулак из прибывших от Долгорукова подкреплений, три четверти пушек, заряженных картечью, и половина русской кавалерии, что составляла общий резерв.

Румянцев не раз и не два поражался прозорливости императора — тот зачастую предвосхищал события, но, к его удивлению, никогда не рвался командовать, приговаривая, что это дело профессионалов.

Петр Александрович с ним согласился, правда, внес свои коррективы — артиллерии выделил лишь две трети, но взамен отдал казачьи полки и один из двух батальонов егерей, приданных Племянникову.

И вот сейчас он снова оглядел место предполагаемого турецкого удара — там все было готово к встрече османов и татар. Пушки расставлены, егеря рассыпались за повозками с пушками и ракетными установками, которые изображали русский обоз.

Страшное оружие! Когда Петр Александрович первый раз увидел, как воздух расчерчивают огненные следы, даже его, выдавшего виды генерала, проняло, и он хмыкнул, представив, каково будет татарам оказаться под горящим дождем.

Право слово — «огневой мешок» хорошо соответствует своему названию, хотя Петр Федорович почему-то пробормотал в дополнение совсем непонятное — «туркам будет не лучше, чем английским конникам, кои уже опробовали этот способ на своей шкуре».

Генерал тогда сильно удивился — он не знал о таком поражении островитян, а потому сразу же спросил, когда и где те так обмишулились. И кто придумал им такой артиллерийский «капкан»?

К сожалению, ответа от императора он не получил. Царь только хмыкнул, услышав его вопросы, несколько озадаченно покачал головой. И отшутился странно, словно решил поиздеваться чуток — «в Крыму»!

Такого просто быть не может! Кроме казаков и фельдмаршалов Миниха и Ласси, в Крым никто и никогда не проходил. Да и русские тогда, в прошлую войну, когда сам Румянцев еще был мальцом, вынуждены были уйти — слишком велики силы татар и турок.

— Но, может быть, хоть в этом году мы им хорошо бока намнем?! — задумчиво пробормотал генерал Румянцев и снова стал пристально оглядывать поле будущего сражения...

Иркутск

— Я говорю с вами честно и откровенно, княгиня! Вы имели полное право свергнуть с престола императора Петра Федоровича, того, которого в свете именовали голштинцем! Но в ночь переворота я стал другим, надеюсь, вы уже давно поняли это?!

— Да, государь! — только и ответила Дашкова. Он стал другим, и настолько, что княгиню оторопь брала. — Вы сейчас напоминаете своего великого деда, Петра Алексеевича. Тогда... В те дни о вас так многие старики говорили, что знали великого императора. Мне еще фельдмаршал Миних прямо молвил...

— Это подарок, — Петр Федорович покрутил в руках тяжелую трость, — и знаете, от кого? Дашкова судорожно сглотнула и невольно перекрестилась. Мистика, но все делается только по Его воле!

Если бы ей за неделю до злосчастного мятежа сказали бы о таком, то она бы наотрез отказалась в это верить. Но не сейчас — слишком разительные произошли перемены с императором.

— Так вот, дочь моя!

Екатерина Романовна вздрогнула, так ее он называл тогда, до своего перерождения, не

ведая, что «дочь» составляет заговорщицкий комплот.

— Я не казнил вас не потому, что вы женщина! Дарью Салтыкову, что больше сотни крепостных в лютоści своей извела, четвертовали принародно, а куски по городам отправили, чтоб другие мучители из помещиков призадумались! И не потому вы уцелели, княгиня, что ваш брат — верный мне офицер, а дядя — канцлер. Нет! Множество титулованных особ на плаху возведено, не помогли им ни связи, ни богатство, ни доблесть предков! Вы уцелели по совсем иной причине...

— По какой, осмелюсь спросить, ваше величество?

— Они бездари и петиметры, и пользы от них никакой! Нет, польза была — когда им головенки поотчикали, остальные бездельники разом скукожились, а государство триста тысяч семей рабов, которые угождали своему сиятельному хозяину, в свободных землепашцев обратило. Это доходы казны резко увеличило. Но это так, к слову. И вы, и братья Орловы, и Потемкин, и многие другие мятежные гвардейцы помилованы мною только потому, что России ваш труд на ее благо нужен — великую пользу стране вы все принести сможете!

В голове княгини все смешалось — умная женщина на секунды впала в полный ступор. Но потом мысли, словно подхлестнутые, понеслись в ее голове галопом. Она видела тогда ненависть в его глазах, глубокую и стойкую! Он хотел ее разорвать собственными руками, но чудовищным усилием воли сдержался.

Это что же выходит — император может наступить на горло самому себе и пощадить своих врагов, если они действительно делают или смогут совершить для Российской державы много полезного? Тогда он достоин править, более того, перед таким стоит преклоняться!

Теперь ей стало ясно, почему Като осталась на престоле — чувства чувствами, но подруга воспринимала дела России как свои собственные, потому и не пострадала. А теперь и ее очередь настала...

— Государь!

Внутри словно распрямилась пружина, и она сползла на пол и встала перед императором на колени. Раньше бы не смогла, но сейчас ее уже не давила гордыня.

— Если можно, то отправьте меня с мужем и детьми...

— Не можно, а нужно, Екатерина Романовна. И встаньте с колен, здесь холодно!

Без малейшей натуги Петр Федорович донес ее до топчана, удобно посадил, подоткнув под бок подушку, бережно укутал пледом. Это и поразило больше всего — из него буквально сочились сила и добрая мужская надежность, и слезы помимо воли брызнули из ее глаз.

— Простите меня, ваше величество... — Она захлебывалась слезами, уткнувшись в его плечо. — Простите ради Бога...

— Беды России, и нынешние, и, не дай Бог, в будущем, от того, что русский народ не един! — Он ласково, по-отечески, погладил ее по голове. — Меньшая часть пользуется всеми благами — то есть дворянство, а большая часть пребывает в убогости и дремучести. И нам надо не дать расшириться появившейся трещине в пропасть, тогда будет поздно. Надо эту трещину осторожно засыпать. А для того нужно всемерно облегчать участь крестьян, постепенно выводя из рабского состояния, и просвещать народ. Вы займетесь только вторым — Сибирь не знает рабства, но нравы там жуткие! — Он отстранил ее и пристально взглянул Дашковой в глаза: — Я предлагаю вам с мужем построить университет. Вы станете его первым ректором. И на века он войдет в историю как Дашковский. Это и станет памятью о ваших делах на благо России! Согласны, Екатерина Романовна?

— Да, государь, да...

— Катенька, что ты говоришь? — встревоженный голос мужа вывел ее из забытья. Она встряхнулась, поняла — на солнышке пригрелась и задремала.

— У тебя слезы? Опять кошмар?

— Нет, моя любовь! То только прошлое! Разное было — плохое и доброе, но пусть останется последнее. Дай мне свою руку!

Она взяла крепкую ладонь мужа и прижала ее к животу, улыбнулась краешками тонких губ.

— Что с тобой?

— Там бьется твоя кровинушка, любовь моя!

Князь за секунду зарделся, словно юноша, а не муж с седой головой. А Екатерина Романовна посмотрела на купола красивейшей Крестовоздвиженской церкви и еще раз улыбнулась — маковки небольшого придела уже не было видно — ее заслоняло строящееся здание университета...

Троянов вал

— Сколько их вывалило?!

— Тьма-тьмущая!

— Да мы их замаемся рубить!

Лейб-кирасиры дружно заерзали в седлах, залязгали палаши — многие всадники по привычке проверяли, как ходят тяжелые клинки в обшитых кожей ножнах. Некоторые даже дотрагивались до пистолетных кобур, но только страха в их коротких репликах не было ни на грош.

Бои под Рябой Могилой и Ларгой уже показали, что если турки и татары не могут маневрировать или удрать, то слитный строй всадников на высоких и крепких лошадях, облаченных в тяжелые кирасы, их запросто сминаят, как легко плющит кузнечный молот кожаный татарский шлем, поставленный на наковальню. Бжик! И только ошметки!

Штаб-сержант Степан Злобин усмехнулся — злорадное напряжение начало захлестывать его душу и тело, как всегда бывает перед доброй дракой. Но помимо воли турецко-татарское скопище вызывало... нет, не страх, а так, некоторую опаску, уж слишком их было много.

Пестрая, визжащая, сверкающая саблями конная масса вываливалась и вываливалась на широкое поле, мчась между окутанных дымом русских каре. Тут их ждали растянутые с двух сторон по краям четыре батальонные колонны резервной бригады с натканными в промежутках пушками, стоявшими чуть ли не колесо к колесу.

За пехотой вытянулись стройные ряды тяжелой кавалерии — вместе с гвардейцами здесь развернулись три армейских полка кирасиров. Но само поле впереди было свободно, лишь перед Трояновым валом беспорядочно сгрудились в некоторых местах, а кое-где вытянулись тонкой линией множество повозок, между которыми в панике бегали люди.

— Какого беса их сюда вынесло?

— Обозники! Что они понимают?!

— Щас татары прорвутся между нами да на них навалятся!

— Порубят в капусту!

Кирасиры тихо обменивались короткими репликами — судьба обозников казалась им предрешенной. Но Степан Злобин был уверен в обратном потому, что поглядывал на офицеров — те были на удивление спокойны, только злые улыбки не сходили с губ. Разговоры прекратились, когда орда выплеснулась на поле, прорвавшись через лощину.

Грянул залп из ружей и пушек, такой слитный, грозный и громкий, что даже обученные лошади заиграли, и их пришлось сдерживать. Все тут же заволокло дымом, разглядеть было ничего невозможно. Пушечный гром донесся и от Троянова вала, что несказанно удивило сержанта — когда же там успели установить орудия?!

А выстрелы из ружей и пушек все гремели и гремели — то вступили в бой следующие

шеренги пехотинцев и нечетные орудия. Но уже не так громко — их звуки заглушили вой, крики и стоны умирающего неприятеля да истошное ржание тысяч пораненных лошадей.

Степан напрягся — скоро пороховой дым рассеется, и вот тогда наступит их очередь. Пехота разомкнется, и кирасиры пойдут вперед — сминать, топтать и рубить извечного врага, что за века сотворил столько черных бед и горя на русских землях...

Юконский острог

— Твою мать! — взревел разъяренным медведем Григорий, схватился за пистолет, мгновенно отведя пальцами ударник с зажатым скобой куском кремня. Жизнь в этом суровом краю научила бывших петербуржцев вначале хвататься за оружие, а потом думать. Не стыдно зря поднять тревогу и показаться другим заполошным. Намного хуже, если прозеваешь смерть чужую или свою — места здесь дикие, и кровушка в них льется щедро.

Только заорать во весь голос не вышло — душа внутри возопила ревом, знакомым еще по войне с пруссаками. Под Цорндорфом в него целился из пистолета тевтон — он тогда присел, и выпущенная в упор пуля только чиркнула по волосам, сбив шляпу. И сейчас почти такое же ощущение, при котором душа оледеневает...

Он стремительно нагнулся и рванулся в сторону. Бок чуть резануло, но вскользь, а Орлов, растопырив левую руку и даже не развернувшись, правой выстрелил за спину.

— Б-у-х! А-а...

Звук выстрела и хриплый стон раздались почти одновременно. Григорий отбросил сделавший свое дело пистолет и рванул шпагу, только сейчас сумев чуть развернуться вполоборота.

Свистнула сверкающей полосой острая сталь — и тут же руку чуть дернуло, клинок нашел чью-то плоть.

— А-а!

Страшная штука шпага, если она в умелых руках. Колоша он признал сразу по боевой раскраске на роже, его алеуты такую на себя не наносили. Шпага проткнула индейца насквозь, рука не подвела, удар пришелся в грудь. Если бы в живот попал, то колош успел бы приложить его томагавком. А так убийца выронил свое оружие и хрипло застонал, валясь на землю:

— Я-а!

— Хрена!!!

Третий индеец вынырнул сбоку, видно, из-за дома, отчаянно взвыл и взмахнул рукой.

Орлов тут же отпрыгнул — и это его спасло, иначе бы топор раскроил голову. Хороший топор, русский, отточенное железо — не отшлифованная каменюка томагавка, ее сразу признаешь. Голову Григорий сохранил — топор с хрустом вошел в торец бревна.

— А, сукин сын! Получи!

Орлов метнулся вперед и имитировал укол в грудь. Индеец проворно отпрыгнул, и тут же лезвие шпаги хорошо прошло по бедру. Даже в сумерках отлично было видно, как кровь брызнула во все стороны.

— Алярм! Братцы! Колоши в остроге!

Григорий заорал во всю луженую глотку, не жалея легких. Он знал, что паники не будет, так как каждый из русских первым делом схватится за ружье, которое всегда держали под рукой, а не в привычном по той жизни цейхгаузе.

Тут любая заминка могла кончиться плохо — пока проснешься, добежишь до оружия, колоши, свирепые и ловкие, как угри, своими томагавками не один русский черепок проломают. Ну а если еще и луки в ход пустят, то пиши пропало — прямо робингуды американского пошиба...

— Я-а! У-а!

Подрезанный индеец взмахнул ножом, вот только русский гвардеец, пройдя через многие бои и не одну сотню драк, оказался намного проворнее.

— Держи!

Сталь чмокнула — горло врага было пробито насквозь. Индеец предсмертно захрипел, из рта хлынула кровь, измалеванное лицо исказилось. Но мгновения оказалось достаточно, чтобы Григорий признал убийцу и взвыл на весь острог утробным криком:

— Измена!!!

Кагул

— Ваше величество! Вы правы! Турки выслали свою конницу против генерала Олица! — Гудович говорил спокойно, даже не повышая голос, а справа доносился громкий гул ожесточенной артиллерийской канонады.

— Надеюсь, Мелиссино их из «мешка» не выпустит. Сотня стволов на полверсты, — Петр хмыкнул и, припомнив крылатое изречение одного советского полководца, слегка его перефразировал: — При таком количестве пушек на полверсты фронта о живой силе противника не спрашивают. Нужно докладывать только о его потерях и продвижении вперед! И еще...

Петр задумался, прошелся, пристально посмотрев на генерала Румянцева — тот не только был номинальным командующим армией, но и имел реальную власть. А потому лишний раз давить на генерала своим положением было вредно — нужно договариваться.

— Ракетные установки лучше не применять, оставить их для обстрела турецкого лагеря. Для османов это станет сюрпризом. Как вы думаете, Петр Александрович?

— Я согласен с вами, государь! А потому указал Олицу на это полчаса тому назад. — Румянцев жестом подозвал к себе одного из адъютантов, что толпились на небольшом отдалении: — Скажи к генералу Мелиссино! Передай ему мой приказ! Ракетные установки не применять. Оставить для обстрела турецкого лагеря! Все три сотни ракет!

Офицер четко козырнул генералу, как бы не обращая внимания на императора, четко повернулся и побежал к лошадям. А от лейб-конвойцев, что стояли еще дальше, немедленно выехали из строя два казака для сопровождения — мало ли что в дороге произойти может.

Петр мысленно хмыкнул — чем хорош настоящий офицер, так тем, что никогда не станет прятаться за вышестоящего командира, прикрываться его именем. Это в его прежней армии многие отцы-командиры, коих «папашками» именуют, поступали так, руководствуясь житейской мудростью — чем больше бумаги, тем чище задница, лишних пинков начальство не даст.

А тут дворяне, и понятия о чести не пустой звук! Стоило начать инициативных офицеров поощрять да с должностей тех снимать, кто «устава аки слепой стены держится», армия сердце ласкать стала! Вот ему бы в свое время в такой послужить! Одна радость на душе!

Петр отвлекся, но краем глаза держал, как гвардия пусть медленно, но неуклонно втягивается в лощину. Приказ был не торопиться — Петр помнил по истории, что скопище янычар ударило по центру и смяло несколько пехотных каре, и только личный пример Румянцева, который повел резерв в контратаку, предотвратил поражение.

А потому вперед была выслана разведка, казачьи дозоры мельтешили вдали, да егеря по хребтинам пробирались сквозь кустарники, чтобы в случае турецкого контрнаступления янычар сверху и во фланг расстреливать. Но мысль свербила мозг — а если Халиль-паша выберет правый фланг для атаки? Или на Олица, кроме кавалерии, янычар бросят?

Петр незаметно вздохнул — мысль ужаснула его. Ведь это было в той истории, которую он

когда-то изучал, а сейчас новая пишется, да и сражение на месяц раньше происходит. Ведь недаром говорят, что в одну реку невозможно дважды войти?!

— История повторяется дважды, — пробормотал Петр, утешая себя. Но то было слабое лекарство от терзающих душу сомнений. Выругаться бы смачно, с боцманским загибом, да положение обязывало держать морду тупой и хранить царственную спесь. И нельзя иначе!

Волнение волнением — десять тысяч неизвестно где спрятавшихся янычар, свирепая и большая сила, но и русская гвардия им не подарок. Четыре каре из «старых» гвардейских полков плюс апшеронцы, не менее страшная сила, вооруженная дальнобойными нарезными ружьями. Пусть дают солдаты по два выстрела в минуту — но их четыре тысячи штыков!

— Нет, расчет верный, — пробормотал Петр. — Пока янычары версту пробегут, по ним шесть залпов как минимум дадут. Остановят...

— Что вы сказали, ваше величество? — негромко спросил вставший рядом с ним генерал Румянцев.

— Посмотрим, как новые фузеи стреляют, генерал. Думаю, скоро начнется и здесь веселье.

— Уже началось, государь! Посмотрите на казаков!

Петр прижал к глазу подзорную трубу — в конце широкой лощины виднелись верховые, во всю прыть улепетывавшие назад. За ними выплескивался настоящий ужас, что сердце невольно екнуло. Такое стоит раз увидеть, на всю жизнь запомнишь!

Слова сорвались с губ помимо воли:

— Твою мать! Да сколько же вас?!

Троянов вал

Такое могло присниться только в кошмарном сне — Степан просто не верил собственным глазам. Все поле было забито горами убитых или умирающих лошадей и людей. Запах смерти, ужаса, пороха и крови леденил душу, но заставлял учащеннее биться сердце.

Теперь он понял, стоило рассеяться белому пороховому дыму, откуда стреляли русские пушки. То, что кирасиры приняли за обоз, на самом деле оказалось батареей из нескольких десятков пушек, которых маскировали собой повозки, а бегущие в панике интенданты на поверку вышли егерями с их многозарядными фузеями.

И когда с радостным визгом, прорвавшись с большими потерями через русскую пехоту, татарская конница и сипахи устремились к маячившему вдаль заветному «обозу», дабы его пограбить, а потом, перемахнув через невысокий вал, выйти в тыл русским войскам, их в упор встретили убийственные по своей силе залпы. Промахнуться со ста шагов было просто невозможно по такому скопищу!

Истребляемая картечью и осыпаемая пулями с трех сторон, понеся чудовищные потери, турецко-татарская конница пришла в ужас и устремилась назад, обратно к спасительному лагерю, идя напролом по горами трупов лошадей и людей.

Степан их прекрасно понимал — пройдя через такой ад, противник просто не желал больше драться, ибо боя не было, шла безжалостная бойня на поле размерами с полверсты на версту, буквально забитом многотысячной конной массой.

— Эскадрон! Палаши вон! Рысью марш-марш!

Звонкие команды офицеров, прокатившиеся по рядам, вывели Степана из оцепенения, навеянного запахом смерти. Пятнадцать лет рекрутской службы, после которой он на новых правах гвардейского штаб-сержанта, что армейскому подпрапорщику равен, с приличным, о котором он раньше не мог и помыслить, жалованьем сделали свое дело.

Злобин с лязгом выхватил палаш из ножен и тронул коня шенкелями. Шеренга кирасиров двинулась шагом, а стоявшая впереди пехотная колонна быстро раздвоилась и бегом

устремилась в стороны, вставая перед пушками и освободив кирасирам путь вперед, прямо на стонущие и трепыхающиеся, исходящие паром разворошенных потрохов груди.

Лошади, как и люди, хорошо знали свое дело, многократно отработанное на учениях. Слитная масса кирасиров перешла с шага на рысь, ускоряясь перед сшибкой.

Впереди проносились враги — Степан уже ясно видел их искаженные ужасом, бледнее мела, раньше бывшие смуглыми лица. Никто из сипахов или татар не рискнул повернуть лошадь на сшибку, они отчаянно стремились выйти из-под удара, домчаться до спасительного лагеря. Но куда там?!

Удар! Толчок! Рывок!

Степан еле удержался в седле — он ничего не слышал. Лязг клинков, ржание, крики — все смешалось в один чудовищный, давящий уши шум. Перед ним вынырнуло искаженное лицо в нахлобученном татарском малахае. Сержант с кхеканьем опустил на него палаш — рука с клинком чуть дернулась, но сопротивление живой человеческой плоти было преодолено.

Вторым на пути оказался цветочный турецкий тюрбан, с той же легкостью рассеченный. А дальше Степан только рубил и рубил, пока рука постепенно не начала наливаться свинцовой усталостью. Но он ни о чем уже не думал, только видел спины врагов...

Кагул

Память его не подвела — в *той* истории янычары ударили по центру русских войск, и здесь произошло то же самое — из глубины лощины с диким криком внезапно выметнулись густые толпы в цветной одежде, размахивая кривыми ятаганами.

Он их уже видел сегодня, во сне, но там было янычар гораздо меньше. Сейчас же поле быстро наполнялось кишачей массой, растекающейся во все стороны. Свирепый рев мог испугать и закаленные сердца.

— Янычары, ваше императорское величество, — Гудович говорил совершенно спокойным голосом — его эти крики не смогли испугать.

— Сам вижу! — бросил в ответ Петр.

— Вы снова оказались правы, государь! Простите, что я не поверил вашему предвидению...

— Оставьте слова, Андрей Васильевич! Зато измайловцы и апшеронцы теперь готовы их встретить. Гренадеры их поддержат, да и егеря заранее рассыпаны... И пушки мы подвели вовремя...

Слова прервал дружный залп — ряды гвардии окутались пороховым дымом. Тут же рывкнули пушки, и невысоко, чуть ли не над головами бегущих в атаку янычар, вспухли белые облачка неведомой здесь шрапнели.

Стрельба шла беспрерывно — из ружей и пушек, грохот давил уши, а пороховой дым практически застилал всю лощину. Худо, конечно, но создать бездымный порох пока не получалось, хотя аммонал уже производили и вовсю шли опыты с нитроглицерином. И гремучую ртуть изготавливали, что на патронные капсюли и взрыватели шла.

Штуки эти коварные и капризные, зевать нельзя — три лаборатории разнесло, пять химиков в клочья да вдвое больше поранило. Петр переживал и удивлялся стоическому терпению великого Ломоносова. Тот только плечами пожимал да еще утешал его же словами, мол, наука требует жертв...

— Государь, они уже добежали до апшеронцев. Смотрите!

Клубы дыма немного рассеялись, кое-где образовались просветы, хотя гвардейцы продолжали суматошно стрелять. Склоны хребтов тоже были покрыты белыми дымками — то с флангов по атакующим османам стреляли егеря, и хорошо стреляли — пестрые груды человеческих тел буквально покрывали поле.

Турки продолжали озверело рваться вперед — свинцовый град выкосил добрую половину янычар, но не охладил их яростный порыв. Опасный противник, очень опасный — теперь Петр ясно понимал, что такое религиозный фанатизм, хотя в Афганистане подобное тоже было.

Каре апшеронцев захлестнула человеческая волна, а затем выплеснулась на зеленый квадрат измайловцев — ружейная стрельба там сразу стихла, зато османский рев и хриплый русский мат донеслись даже до Петра. Рукопашная пошла яростная — лишь бы парни сдюжили.

Зато два «петровских» полка устояли — янычары не выдержали огня и затоптались, смещаясь левее, на оцетинившихся штыками измайловцев.

— Если Халиль-паша бросит сикурс, то вторую бригаду сомнут! А потом первую! — громко, но нарочито спокойным голосом произнес генерал Румянцев, глядя на поле боя.

Петр прекрасно понял — ему как бы сказали: «Ты будешь командовать гвардией, государь, или столбом верстовым стоять?!»

— Надо выручать своих! — Петр ожесточился лицом. — Я поведу лейб-гренадер, а ты, Андрей Васильевич, двинь петербуржцев и бутырцев уступом, они заполнят разрыв! С Богом, господа!

— Опомнись, государь! — тут же вскинулся Гудович, решительно преградив дорогу. — Никто и никогда не сомневался в вашей отчаянной храбрости! Там же янычары!

— Не твое дело шпагой махать, ваше величество! Я сам поведу полки! — Румянцев зашел сбоку, пытаясь встать рядом с Гудовичем.

— Вы, генерал, командующий всей армией? Так командуйте! — Петр оттолкнул Румянцева. — А гвардию поведу я сам! Молчать!!!

Яростный рык императора разом охладил генералов, и они расступились, давая дорогу. Петр побежал к стройным шеренгам лейб-гренадер, что построились густой колонной, на правый фланг, к своим, однажды проверенным на Гостилицком поле голштинцам, что своей атакой опрокинули гвардейских мятежников в ручей.

Поодаль от гренадер застыли грозные прямоугольники еще четырех батальонов — третья бригада уже давно исходила нетерпением, желая ввязаться в бой и доказать всем, что и они не лыком шиты и не зря к гвардии причислены. Еще бы, бутырцы — самый старейший полк русской армии, ветеран всех войн, что вела Россия. Полк Патрика Гордона, что учителем Петра Первого был в военном деле.

А в петербуржцах больше половины тех же голштинцев, да лучших из солдат зачислили, что восемь лет назад против мятежной гвардии встали. Кремень, а не люди! Гвозди из таких бы делать!

Петр не испытывал страха перед схваткой — вера в пророчество была непоколебима, а от серьезных ран должны были уберечь каска и надежный панцирь, что был поддет под мундир на войлочной подкладке. Хорошая броня, из арабского булата!

Второй такой, чуть похуже, он самолично проверил на прочность — кругляшок свинцовой пули из «гладкоствола» его не пробил, хотя после попадания солдат взвыл — ребро было отбито, синяк хороший расплылся. Пришлось под свой «бронезилет» подкладку потолка заказывать, чтоб такую контузию не получить. Жар не пар, костей не выест, наоборот, целее будут.

Солдат пошел на эксперимент добровольно, но не так, как в том анекдоте, что он Като у канала рассказывал — «А на хрена мне такая жизнь!». Нет, кто ж откажется от такого — за секунду страха перепрыгнуть через чин, став сержантом, да еще полугодовое жалованье получить?!

Холодное оружие — клинки всех видов — тоже оказалось не способным пробить секрет древних мастеров. Умели же делать такое чудо! Не зря за него по весу золотом платили, пуд за

пуд — обмен взаимовыгодный!

Усмехнувшись про себя, чувствуя тяжесть от брони и горячие струйки пота, что потекли по спине, Петр выхватил шпагу и подбежал к суровым гренадерам, что с нескрываемым восторгом пожирали его глазами:

— Гвардионцы! Надо выручать наших!

Здоровенные солдаты, самый маленький из которых был выше Петра на голову, усатые, радостно осклабились, оживились. А он еще раз окинул их взглядом — три роты, пятьсот штыков. И каких штыков! Каждый лошадь поднимет, нижняя планка роста в шесть футов, а три десятка вообще свыше двух метров, косая сажень в плечах.

Первый штурмовой батальон русской армии — потому что гвардейский! Половинки кирас зачехлены, прикрывают грудь и живот, железные каски, обтянутые кожей, под погонями стальные накладки, сбоку у каждого висит сумка с двумя гранатами, и не порохом начиненными, а аммоналом. Специально натасканные на штурм крепостей, но и в поле страшны для врага.

— Гвардия, вперед! — рявкнул Петр и махнул шпагой. И тут же барабанная дробь заглушила стрельбу, а ровные колонны, качнувшись, уставили в небо стальные лезвия примкнутых штыков, отбрасывая от клинков яркие брызги утреннего солнца...

Юконский острог

— Держи, Грийша!!!

Женский выкрик за спиной был знаком ему, а потому Григорий удержал удар. Его Маша крикнула, так он ее называл по крестному имени, на том епископ настаивал уперто — присягнувших русским индейцев старались крестить сразу же. Вроде как на благонадежность проверяли, и общаться легче — индейские имена сразу не выговоришь, а в переводе как-то человека именовать зачастую неудобно.

Ведь туземцы давали имена по характерным признакам того или иного человека. Женщину за красоту могли именовать Голубым Озером, а мужика могли прозвать Моржовым Отростком. Был в остроге алеут с таким же по размеру «мужским достоинством», ну, может, чуть поменьше, но впечатляющим. Он еще гордился своим именем, придурок!

Если бы кто самого Григория в Петербурге Бычьим Хреном попробовал назвать, враз все зубы потерял бы. Да и ребра вдумчиво пересчитали бы у него!

Григорий выхватил из рук Маши уже опробованную винтовку с патронташем, мысленно воздав себе хвалу за предусмотрительность — в каморы он еще с вечера вставил шесть патронов.

— Молодец, Машка! Беги в дом!

Он не удержался от звучного шлепка по тугой попке. Действительно, молодцом держится скво! Первым делом, забыв про неглиже, ему оружие принесла — соображает!

— Б-у-х! Б-у-х! Б-у-х!

— Я-а!

— Суки!!!

— Братцы!

— У-а!!!

Острог проснулся и тут же всколыхнулся от выстрелов заполошными русскими матами и криками, чередовавшимися со свирепым визгом и воплями напавших индейцев.

— Бей «майских» прибудышей! — заорал во всю мочь Григорий. — Они изменники, колошами засланные!

Орлов знал, о чем предупреждать соотечественников, — в мае к ним в острог приткнулся

туземный выводок из двух мужиков-подранков и одной скво. После долгих расспросов, по-алеутски они почти не понимали, удалось выяснить, что эта троица осталась от всего рода после предательского нападения тлинкитов-колошей, что своей жестокостью наводили ужас на все соседствующие с ними племена.

А так как враг твоего врага тебе если не друг, то точно союзник, Орлов поселил их в остроге, благо и алеутов с ним было два десятка, да и местный индейский род покровительство российское принял. Но «друзья» оказались те еще, «казачки засланные»!

— Хрен вам!

Заметив копошившихся у ворот индейцев, уже вытянувших первый запор, Орлов тут же начал стрелять. Трех пуль хватило, и два трупа застыли на земле, так и не вытянув второй, последний засов.

Судя по яростным крикам, за воротами собралась немаленькая толпа желающих пограбить русское поселение. А еще Григорий заметил свисающие с частокола веревки — к бабке не ходи, по ним тихой сапой и проникли в острог колоши.

Вот только без шума у них не обошлось — и Григорий мысленно возблагодарил свой жесткий топчан и жаркое Машкино тело, не давшее ему сегодня заснуть. А так бы и не проснулся...

Кагул

Запах войны кружил Петру голову, его сердце настолько участило свое биение, что норовило вырваться из груди, проломив не только ребра, но и чешуйчатый панцирь из старинной дамасской стали. Такие ощущения нигде нельзя испытать, а только на войне!

Тлетворная вонь распоротых человеческих тел, вывалившиеся на землю, подернутые парком, дымящиеся потроха, острый, бьющий в ноздри запах пороха и крови, непередаваемая смесь ужаса, ярости и предсмертного пота — это война! Не дай Боже впитать ее в свою душу, она остается там навечно, постоянно приходя во снах и будоража мукой память...

Его берегли — за двести шагов до набегавших янычар колонна развернулась по фронту, преградив Петру дорогу вперед. Отработанный на учениях маневр — встретить врага огнем в упор. Лейб-гренадеры единственные в гвардии имели старые ружья в семь линий, но заряжены фузеи были не турбинками, а картечью, и потому первый залп был убийственным.

Десятки, если не добрую сотню набегавших янычар повалило на землю. Следом выстрелила вторая шеренга, затем третья и вскоре последняя. Стоило чуть рассеяться пороховому дыму, как стал виден высокий бруствер из человеческих тел, через который остервенело пробивалась вторая волна турок, более густая, чем первая.

Над их головами уже кувыркались на длинных ручках смертоносные гостинцы — почти все гренадеры метали гранаты на сотню шагов, и сейчас это умение сильно пригодилось.

— Алла!

— Ил...

Десятки взрывов в единый миг не только заглушили яростные крики османов, но и перевели их в рев и громкие стоны. Янычары словно колыхнулись, будто вода в тазике, в который бросили кирпич. Крути пошли в разные стороны — то падали раненые и убитые.

Уцелевших гренадеры приняли на штыки — убивали молча, без ярости, деловито. Немецкую обстоятельность восприняли и русские — даже матов слышно не было, только животные крики убиваемых турок. Строй хорошо натасканных солдат крайне серьезная преграда — против него переть толпой, пусть и распаленных яростью фанатиков, глупо. Кроме потерь, ни к чему хорошему такая атака не приведет.

Третью волну нападавших также встретили гранатами, да одна шеренга дала залп в упор —

гренадеры успели перезарядить ружья. Яростные крики вскоре прервались, в ход пошли русские штыки.

Петр метался за широкими спинами солдат, но пролезть вперед и принять участие в схватке не мог. Гренадеры его просто не пускали, а когда он становился назойливым, то невежливо отпихивали, причем, к обиде великой, теми частями тела, что были пониже спины. Да оно и понятно, руки ведь были ружьями заняты!

— Алла!

— Иль-Алла!!!

Четвертая атака противника оказалась самой мощной — картечь и гранаты их отряды-орты остановить не смогли. Драка пошла настолько серьезная, что хриплый русский мат заглушил возгласы и бешеный визг турок. Напор был настолько силен, что шеренги второй роты турки прорвали, и Петр сразу понял, что теперь и ему предстоит помахать дедовским подарком:

— Вперед, ребята!

Выхватив шпагу, он кинулся к месту прорыва — там уже копошилась дюжина янычар, их количество увеличивалось прямо на глазах. Минута промедления, и все — гренадер разорвут, и они не выполнят своей задачи быть наковальней, пока четыре пехотные колонны третьей бригады не нанесут фланговый удар и не взрежут османское воинство.

Турок с оскаленными кривыми зубами и окровавленным лицом взмахнул ятаганом, но Петр чуть качнулся в сторону и в ответ уколол его клинком в грудь. Хорошо попал, точно в сердце — турок изумленно выпучил глаза. И тут же дернуло бочину, пришлось изгибаться угтем. Панцирь, конечно, хороший, но без нужды подставлять его под острый ятаган Петр не хотел.

Напавший был тут же располосован двумя саблями — конвойные казаки бросились на защиту озверелыми псами. И закрутилось, завертелось перед глазами — синие чекмени время от времени сменялись пестрыми тюрбанами, и тогда Петр тыкал шпагой, пока что-то царапало лоб, кололо руку, щипало бедро.

Неожиданно перед глазами встала зеленая стена. И, уткнувшись лицом в мягкое, он подумал:

«Трава? Я падаю? Неужто убили? Но почему тогда нет боли?»

Петербург

Екатерина с улыбкой прислушивалась к певучим звукам греческой речи. Миловидная женщина, няня его императорского высочества Константина Петровича, качала царственного ребенка на руках, что-то ему тихонько напевая. Слова были для нее, немки, непонятны, но приятны. Да и грудному сыну они очень нравились — тот переставал плакать и засыпал.

Год назад для Като было шоком, когда муж, не посоветовавшись с ней, решил, что второй сын (он почему-то был уверен, что родится именно мальчик) будет наречен Константином. И лишь когда началась давно оттягиваемая война с Турцией, она поняла замысел мужа.

Цесаревич, названный в честь великого греческого императора Константина, с кормилицей-гречанкой, с прислугой, которая вся была почти исключительно из греков, воспитываемый в греческом крыле императорского дворца и окруженный с рождения античной обстановкой — о чем здесь может идти речь?!

Только об одном — Константинополь будет освобожден от османов, над святой Софией воссияет крест, а греки получат своего монарха. Пока он малыш, Константин Петрович, но кто знает, может, ему уготовано отцом стать наследником и собирателем Византийской империи?

И меры соответствующие приняты заблаговременно — тысячу греков собрали в России, обучили, вооружили до зубов. В феврале с эскадры Спиридова они высадились в Морее, древнем Лакедемоне, славном деяниями и великой доблестью спартанцев. Сейчас не только

этот полуостров, чуть ли не вся южная Греция охвачена мятежом христиан против жуткого в своей бесчеловечной жестокости господства османов.

По известиям, поступавшим с Архипелага, да по обстоятельным письмам супруга Екатерина Алексеевна знала, что восстание давно готовилось, и на него делали серьезную ставку.

Недаром свыше 20 тысяч старых ружей, с особыми пулями, которые когда-то придумал сам император, находились в трюмах русской эскадры для вооружения повстанцев. И обмундирование на тысячи солдат, пушки, снаряжение и многое другое. И пачки воззваний на греческом языке, что были заблаговременно напечатаны в столичных типографиях...

— Откуда ты все ведаешь, мой муж?

Проницательность и невероятная предусмотрительность мужа ее восхищали и пугали. Она знала, что он ее любит или, по крайней мере, очень хорошо к ней относится. Только одно обстоятельство прямо свидетельствовало о том: при дворе много красивых фрейлин, которые прямо мечтали оказаться в постели императора, но тот не имел любовниц, ни одной. Мимолетных связей тоже не было — такое «шило» не утаишь.

Но в то же время генерал Измайлов, командующий гвардией и столичный генерал-губернатор, вернейший пес Петра Федоровича, за ней пригляд строгий постоянно держал, да и в самом дворце она чувствовала за собой пристальные взгляды свитских. Кроме того, охрану несли не преображенцы с семеновцами, а петергофцы и егеря с казаками.

Като ненавидела всеми фибрами души этих бородачей, что крестились двумя перстами, но всегда держала себя с ними ласково — в памяти до сих пор лежали ледяными глыбами те свирепые взгляды, которые ее обжигали восемь лет назад. Она ничего не забыла и знала, что и они не забыли. И государь...

— Доверяй, но проверяй!

Екатерина Алексеевна прошептала любимую присказку мужа и содрогнулась. Он ласкает и ненасытно терзает ее тело по ночам, осыпает ее поцелуями и подарками, а сам непонятен, смутен. И до сих пор не верит ей, да и не верил никогда!

Но почему? Зачем Петр Федорович так себя ведет? Может, это притворство? Но зачем?

Император казнил десятки заговорщиков без малейшего сожаления в те роковые дни, по одному его намеку ее бы удавили немедленно — и Петр смог бы выбрать себе любую принцессу в жены, да и любовниц в те дни у него было много! Почему он себя так ведет?

Екатерина Алексеевна тяжело вздохнула — по его вине она лишилась тогда всех надежд, своей крови, рожденных в муках детей, рухнули ее мечты, наконец. Она должна ненавидеть супруга, который уже тогда стал опостылевшим. Но такого не произошло — ненависти к нему в ее сердце не было, а одна лишь тягость от взаимного непонимания.

Като вздохнула — ей придется нести этот крест до последних дней. Есть долг перед императором и страной, его нужно выполнять даже тогда, когда жить не хочется...

— Ваше императорское величество!

Она повернулась на знакомый голос статс-дамы — та чуть присела перед ней, склонив голову:

— Посыльный от господ сенаторов принес важные государственные бумаги, требующие вашего разрешения!

Екатерина Алексеевна только вздохнула — дела не кончались, словно текли полноводной рекой. Как хорошо было до войны, когда их решал император, но как плохо было бы сейчас, если бы этих дел не имелось!

Янычары приближались, и быстро. Ветер раздувал полы халатов, обнажая крепкие лоснящиеся тела. Свирепый рев давил уши, оскаленные лица напоминали Тихомирову святыне книги, в которых описывалось нечестивое воинство. Страшный враг! С такими он столкнулся лоб в лоб тогда еще, при Очакове. Славная была победа...

— Дядя Ваня! Устоим ли? Сколько же их много!

— Не бойсь, сынок! При Куненсдорфе страшнее пришлось, но устояли. — Старый солдат положил руку на плечо молодого рекрута.

Прекрасно понимал служака, что первый бой завсегда страшен, а тут такой супостат валит, что самого за малым дрожь не бьет, хотя повидал он в жизни всякого. Что же говорить про паренька, что в первый раз в поход вышел!

— И здесь устоим, штыки у нас заточены не хуже их ятаганов. — Тихомиров улыбнулся юноше, а сам с надеждой посмотрел на солдат переднего фаса, что лихорадочно орудовали шомполами, перезаряжая фузеи.

— Аллах акбар!

Дикий выкрик янычар оглушил, но не остановил апшеронцев — те уже забили пыжи в стволы и теперь вставляли шомпола в гнезда. Все правильно, ведь перезарядить ружья они теперь не успеют, а терять казенное имущество не положено.

— Аллах акбар!!!

— Примкнуть штыки! Первая, вторая шеренга — на колени становись! — Звонкий выкрик полковника прорвался через вопли янычар. Солдаты, услышав команду, тут же опустились, будто волна по строю прошла.

— Третья и четвертая шеренги — целься! Пли!!!

Солдатский строй взорвался огнем и моментально окутался клубами порохового дыма, а янычары словно подавились воплем и тут же разразились дикими утробными криками смертельно раненных зверей.

— Первая с колена, вторая стоя! Пли!!!

Команду «целься» старый полковник Пашков опустил — в дыму она бесполезна. Но не сам залп, сделанный в упор, — с десятка шагов не промахнешься по плотно сбитой толпе.

Тихомиров мог только слышать рев умирающих, но это еще больше раззадорило османов.

— Аллах акбар!!!

— В штыки, братцы!!!

— Алла!

— Бери на штык!

Удар янычарских орт был чудовищно страшен. Ощетинившееся штыками каре апшеронцев вздрогнуло, но все же устояло. Солдаты стояли плотно, плечом к плечу, в передние шеренги упирались задние, а потому натиск османов не опрокинул русских, не прорвал их строй.

И турецкая ярость разбилась о русскую храбрость — началась жестокая рукопашная схватка. Ятаганы против штыков и шпаг, дикие крики не могли перебить и заглушить матерную русскую разноголосицу.

— Гранаты к бою!

Услышав команду командира, сержант достал из сумки тяжелую, фунта на три, ручную бомбу на длинной ручке. Такие были розданы еще на Ларге самым надежным солдатам, в два десятка которых вошел и Тихомиров.

— На взвод ставь! Чеку рви! Бро-о-осай!!!

Сержант крутанул массивное кольцо и, цепко ухватив пальцами, потянул кольцо с чекой. Внутри железного цилиндра щелкнуло, повалил дымок. Тихомиров размахнулся и метнул страшный «гостинец» через головы отчаянно дерущихся солдат в колыхающееся впереди

турецкое скопище и еще заметил, как туда же, кувыркаясь в воздухе, летят и другие гранаты.

Старые бомбочки, что фитилем поджигались, ни в какое сравнение с этой гранатой не шли. Внутри ведь порох был, а здесь начинка намного крепче, это как слабенькая бражка супротив ядреного самогона...

— А-а!!! У! А!!!

Взрывы на мгновение заглушили рев янычар, и их натиск на десяток секунд ослаб. Однако османы по-своему оценили «гостинцы» и так навалились, что русские не устояли. Да и трудно устоять, коли на одного по трое набрасываются!

— Уходи взад, сынок! Мал ты еще! — Иван дал пенделя рекруту, тот отшатнулся, и стоящие сзади гренадеры тут же задвинули мальчика еще дальше, в самую глубь каре.

Тихомиров облегченно вздохнул и сдернул с плеча фузею с примкнутым кинжальным штыком. Вовремя успел — разом рухнули несколько солдат, и на сержанта попер здоровенный янычар в залитом кровью халате. Хищно ощерив кошачьи усы, турок заорал и взмахнул ятаганом.

Старик воспользовался моментом, и его руки стремительно выбросили фузею вперед, штыком преодолев мягкую преграду. Ладонь привычно надавила на цевье — клинок насквозь проткнул янычара.

Осман только выкатил глаза, как Иван уже вырвал штык и тут же выстрелил в упор во второго янычара, прямо в оскаленный криком рот. Пуля разворотила тому голову, красные брызги окропили лицо солдата, и тот в ярости закричал:

— Врешь! Не стар я еще!!!

Третьего янычара Иван взял в грудь, тот выгнулся с хрипом, и клинок зажалось между ребер. И тут же бок обожгло, тело враз ослабело, а колени подогнулись. А потом резануло грудь...

— Врешь, не пройдешь!

Старика, смертельно раненного тремя ударами ятаганов, но еще живого, затапывали чужие ноги, над ним развевались полы османских халатов, а он вытянул оставшуюся гранату, с трудом повернув кольцо.

Захлебываясь кровью, чувствуя, как она хлещет из него, одним рывком он вытянул чеку, истратив все силы без остатка. В гранате щелкнуло, повалил дымок. Старческие, смертельно бледные губы прошептали:

— Я русский солдат...

Юконский острог

— Григорыч, а ведь сюда идут, нехристи!

Самую малость возбужденный шепот казака вывел Алексея Орлова из дремоты. Ночь была еще та — спали вполглаза, поочередно, да и холодно было, зуб на зуб не попадал.

Хорошо, что одеяла с собой прихватили, налаживаясь ночевать у Игнат-креста, а то околели бы здесь от ночной стужи, что накатывала от гор и ледяного озера.

По совету бывалого казака, не единожды попадавшего в подобные переделки, Алехан решил заночевать на скалистом обрыве, что нависал над озером. Оно и было правильным — идти ночью к острогу по незнакомой местности худо, можно на колошей нарваться.

А здесь лепота — наверх к ним только узкий карниз идет, по которому они с трудом при свете вскарабкались. Пусть тлинкиты попробуют по нему к ним забраться!

А луки в ход не пустят — высокогато, а от соседних вершинок, если на них забраться, далековато будет. С такого расстояния только с винтовки стрелять нужно, и то попасть постарайся.

Воды Кузьма бурдюк набрал, харча на два дня хватит отсидеть в обороне легко. Завтра от

острога помощь подойдет, раз они сегодня туда не явятся. Что Гриша схватится быстро, Алехан был уверен — братья друг друга знали насквозь, одна кровь, одни помыслы...

Орлов встрепнулся, стряхнул дремоту и стал вглядываться. И скоро увидел не людей, но их тени, что, освещенные солнцем, чуть двигались по склону ближней горюшки, выходящей к озеру. Именно по ней они вчера и шли сюда.

— Григорыч, а ведь они чужаки здесь. Мест не знают. Оттого долго высматривают! Али проводник наш, перевертыш, к ним не добежал. Горы ведь, всяко-разно быть может.

Алехан молчал, и не потому, что боялся, что шепот услышат — слишком далеко. А что говорить — и так ясно! Оставалось только ждать, а это он умел, слишком часто приходилось сиживать в засаде...

— Рано, Григорыч, рано! Сиди тихо, а то спугнем! — тихо цыкнул казак на гвардейца. — Пусть побеснуются маненько, паря. Охолонут! А мы их всех разом и нахлопнем!

Орлов тяжело вздохнул, но послушался — Кузьма в который раз оказался прав. И когда тело Караваева предложил оставить, ведь на гору затащить его было бы делом затруднительным.

И не только — именно труп моряка привел колошей в неистовство. Ему показалось, что индейцы уверились, что они с казаком ушли с озера, недаром сразу трое индейцев, пригнувшись к земле, буквально вынюхивают оставшиеся от них следы.

Но сохранять спокойствие было трудно — два десятка тлинкитов, трое из которых имели явно свежие раны, горестно выли у Игнат-креста, разглядывая тела убитых соотечественников. Потом буднично отсекли голову несчастному моряку, и один из колошей ее тут же унес. Орлов заскрипел зубами, но сдержался — и не такое уже видывал в этих краях. Жестокое время с жестокими нравами!

Затем индейцы расселись кружком, закачались дружно, завывали во все голоса, выполняя какой-то обряд.

— А вот теперь пора, Григорыч!

Алехан злорадно ухмыльнулся — сидящие перед ним внизу туземцы были как на ладони, и он плавно потянул за спусковой крючок, поймав в прицел широкую спину самого рослого колоша.

Выстрелы грянули разом — они били почти без промаха. Индейцы вскочили на ноги тогда, когда четверо из них свалились кулями. Остальным тоже не повезло — опустошив барабаны винтовок, Алехан схватил штуцер моряка и продолжил стрелять. Кузьма же спокойно перезарядил свое оружие и через полминуты сменил Орлова.

— Десять побили, шестеро под скалой засели, а один сбег! Шустрый! Как чукча, что от меня на Анадырке ушел... За помощью побег, видно, их отряд где-то здесь. Отошли от острога, думаю, получили там знатно — одежда-то в крови у некоторых.

— Получили по сусалам, хорошо разозлились, руками как махали! — согласился Алехан и после паузы добавил: — Ты заметил, что знают нехристи про наши новые винтовки?

— Ага! Сразу стали прятаться. Раньше после выстрела только визжали да вперед рвались, а теперь присмирели. Значит, брат твой их хорошо в острожке встретил, с ласкою!

— И мы их приласкаем! Те под скалой долго не выстоят — либо в озеро упадут, либо мимо нас побегут. Так что, Кузьма, давай по очереди туда целиться, чтобы глаз не устал и беглеца первого не упустить...

Кагул

— Ваше величество, что с вами?! Вы меня слышите, государь?!

Знакомый голос ворвался в голову — Петр признал его сразу. Еще бы! Не узнать своего собственного эскулапа, что пользовал его, как лабораторную мышь? И, сделав усилие над собой,

попытался встать. Куда там, только скривился от острой боли — череп прямо раскалывался.

Смог только приоткрыть веки, приложив и силу воли, и желание посмотреть, как там битва идет.

«Вечер, судя по всему, все краснотой залито, багровым румянцем. Всю битву, что ли, проспал?»

Так и есть — конвойцы и адъютанты оттащили его в сторону, положив на зеленую траву. Скосив глаз, он увидел копошившегося рядом лекаря с красным лицом, будто немчин всю ночь пил беспробудно, а потом в парилку полез. Глаза снова стали слипаться. Смешно...

— У-й! Твою мать тевтонскую!

Лоб обожгло, защипало лицо — Петр непроизвольно взревел от боли и шипящим голосом выругался. С трудом открыл глаза и поразился — мир стал привычным, багрянец схлынул, а лица окружавших его генералов, офицеров и казаков были бледными.

— Лежите спокойно, государь, вас нужно перевязать. — Голос медикуса был ровен. В нем слышалось немалое облегчение. — Вы легко отделались, ваше императорское величество, зашивать ничего не нужно. Но легких ран множество, и они кровоточивы. Потерпите, государь, будет немного больно.

Крепкие руки усадили его на траву, и только сейчас Петр ощутил, насколько слабым, почти ватным, стало его тело. Не было ни сил, ни желания продолжать командовать или драться, зато хотелось лечь и уснуть, забыть об этой войне, как о кошмарном сне.

«Хочется — перехочется! Дело важнее!» Петр снова открыл глаза, и первое, что бросилось, — разваленная надвое каска с кокардой в виде двуглавого орла. Знакомая каска...

«Твою мать! Так это же моя! Ни хрена себе ятаганом приласкали!»

Причина головной боли стала понятной, тем более немец что-то выстригал ему на макушке ножницами, а затем стал что-то втирать, сильно обжигающее череп.

— Хм! У-й!

— Ничего страшного, ваше величество! Вас спасла каска, сабля лишь чуть поцарапала кожу! Сейчас я перебинтую, государь! А боль к утру пройдет... Должна пройти. Я надеюсь...

Петр хмыкнул — какой же силищи был удар, что не только его оглушил и контузил, но стальные пластины перерубил. И не сабля это...

— Ятаганом меня рубанули, артц, а не саблей, знать надо!

— Прошу простить, ваше величество! Я не слишком хорошо разбираюсь в оружии, но прекрасно вижу, какие раны оно наносит. Вот и все, государь, перевязку я закончил. Теперь вам нужно полежать.

— А вот и дудки! Баталия идет! Что происходит? Андрей Васильевич! — Петр посмотрел по сторонам, ища взглядом Гудовича, но не нашел, что его сразу озадачило. И тут же увидел, как собравшиеся вокруг него нахмурились, засопели и стали отводить взгляды.

Кольнуло сердце от страшной догадки, в которую Петр не мог поверить, а потому и громко спросил:

— Андрей Васильевич сильно ранен?! Денисов! Отвечай!

— Генерал Гудович убит, государь! Прости нас, не уберегли!

Казак сглотнул комок, дернув кадыком. Слова давались ему с трудом, но глаза не отвел, смотрел честно. Синий чекмень в бурых пятнах, на голове окровавленная тряпица, сверху нахлобучена искромсанная шапка.

— Что?! Как убит?!!

Петр в ярости вскинулся, вскочил на ноги — и откуда только силы взялись. Сознание лишь сейчас восприняло страшное известие, и он застонал от боли в душе. И тут же накатила волна гнева.

— Янычаров бутырцы опрокинули, тут генерала и убили. — Денисов отшатнулся. В сече он ничего не боялся, но сейчас, глядя на искаженное яростью лицо императора, испытал жгучее желание спрятаться за спины других. — Турки из пушек всего раз пальнули, никого не задело. А в генерала ядро попало...

— У-а!!! Суки червивые! — Петр схватил казака за грудки, потрянул так, что у того лязгнули зубы. Казак еще сильнее побледнел, но не вырывался, обреченно глядя в обезумевшие глаза царя.

Так смотрит кролик на удава, и эти всё понимающие глаза разом притушили вспышку гнева.

— Прости, друг, — только и сказал казаку Петр и присел на принесенный откуда-то стульчик. Верный Нарцисс тут же раскурил папиросу, горечь табака сразу перебила запах крови. Так и сидел, молча, долго, отрешенно, смоля одну папиросу за другой.

— Генерал Румянцев, государь!

Зычный голос Денисова вывел Петра из прострации, и он поднял голову. Генерал спрыгнул с буланого коня, быстро подошел к нему, сияя серым от грязи и пороховой копоти лицом.

— Государь! Янычары полностью истреблены! Олиц опрокинул турецкую конницу и татар и загнал ее в лагерь. Племянников вышел к Фильконешти с севера, начал обстрел лагеря!

— Что с Суворовым?

— Опрокинул татар и отсек туркам коммуникацию для отхода. Сейчас отправлю к нему гонца с приказом атаковать турецкий лагерь с тыла!

— Хорошо, генерал! Я доволен вами!

Сухой и бесстрастный голос императора озадачил Румянцева, и он поначалу не понял, почему на него осерчали, ведь баталия практически выиграна, но тут до него донесся шепот — «Гудовича убили».

Петр Александрович сразу все понял и тоже сделал лицо хмурым. Ему, с одной стороны, тоже было жалко погибшего генерала, но с другой — он теперь мог занять его место и стать ближе к императору. Ведь оттого он иной раз и ревновал, завидуя Гудовичу. Но не сейчас — не то место и время. И долг отдать нужно — ведь в бою пал русский генерал.

Петр Александрович отступил чуть назад и обомлел — по лицу императора текли слезы, оставляя две чистые дорожки на грязных щеках, и устыдился своих мыслей, устыдился до того, что сам стал горестно вздыхать, но тут же был огорошен яростным выкриком монарха:

— Слушайте мой приказ! Передать по армии немедленно! Турок и татар в плен не брать! Истребить всех до последнего человека!!!

Дарданеллы

— Ничего не понимаю! — Капитан первого ранга Круз только качал головой, глядя на старинные турецкие форты, подкрашенные заходящим солнцем. Их башни безмолвствовали — в раскаленном за долгий день воздухе были слышны напевы вечерней молитвы. Лишь несколько турок, стоявших на скалистом берегу, приветственно помахали руками, проявляя очень вялый интерес к шедшей в узости пролива эскадре.

— Да что ж такое?! Почему они ведут себя столь безмятежно?

— Оттого, что нас за своих принимают! Одержавших славную победу над нахальными гяурами. Ручками чуть помахали — вот и вся их благодарность союзным Порте французам!

Грейг тоже покачал феской, напыленной на голову, и чуть не рассмеялся. Возбужденно прошелся по шканцам, придерживая полы непривычного халата. То, что еще вчера казалось ему героическим безумием, сегодня шло чуть ли не обыденным делом. А ведь правду люди говорят, что нахальство — второе счастье!

Безумный маскарад шел вторые сутки, стоило растаять за кормой Хиосу. Командам было тут же приказано снять российскую флотскую форму, а на палубы боцманматы стали сваливать грудami халаты, шальвары, фески — выбирай, брат, что подойдет! Благо, трофейной одежды на пленных и на захваченных турецких кораблях было столько, что впору одеть было всю Архипелагскую эскадру русских.

На «Кенигсберге» и «Риге» команды приоделись в расфранченную европейскую одежду, уже порядком подзабытую на русских кораблях, — камзолы, панталоны, шляпы.

Офицеры расправляли белизну кружев, с ухмылкой глядя на полоскавшиеся за кормой белые флаги с тремя желтыми королевскими лилиями. Не думали они, не гадали, что придется на время французами стать, любителями квакушек, вина и каштанов, — и это добропорядочным немцам и лифляндцам, почитателям свиных окороков и пива!

Шли ходко, под всеми парусами, большой эскадрой, которую раньше Грейг и не мечтал водить по морям, — с десятков крупных кораблей и фрегатов да вдвое больше мелких суденышек и фелюк.

У рулей стояли греки-лоцманы, знающие здешние проливы и острова как свои пять пальцев. С ухмылкой взирали сыны Эллады на красные османские флаги, что трепыхались рядом с белыми французскими.

— Встречайте нас, союзники идут! А как же — осман и француз нынче братья!

У Лемноса эскадру поджидала фелюка, как и было уговорено с адмиралом Грейгом, с которой на флагман проворно забрались трое. Странность командор увидел сразу — один свой брат, офицер, сухопутный майор, второй грек, но тоже офицер русской армии, а третий самый настоящий турок, вальяжный и ленивый.

Самуил Карлович вопросов им лишних не задавал, понятлив был, а те неразговорчивы — но в пролив русские корабли вошли без задержки и, слава Богу, без боя.

Наоборот — стоило сомкнуться берегам, сдавить лазурную ленту Дарданелл, как с берега их встречали приветствиями турки. Команды отвечали не менее бурно, и только тогда Грейга впервые осенила мысль — а ведь прорыв через проливы планировался изначально, многое было подготовлено. Такое за год и даже за пару лет не сделать.

Тут надо жить да связями полезными обрасти! Чья-то мудрая голова сие спроворила!

И хоть настрого велено было адмиралом не задавать посланцам лишних вопросов, но не удержался Самуил Карлович от любопытства, спросил у старшего, у майора, как, мол, сие было возможно.

Тот в ответ только сверкнул очами да что-то пробормотал по-турецки. Затем произнес короткую фразу на греческом языке и тут же перевел ее на русский:

— Отец Александра Македонского, царь Филипп, любил часто приговаривать: «Осел, нагруженный золотом, войдет в осажденный город». А тут Восток — они бакшиш гораздо больше наших чернильных душ любят!

Кагул

— Вперед, чудо-богатыри! Пуля — дура, штык — молодец!

Глаза Александра Васильевича сверкали радостью — русские полки, построенные в каре, обрушились на турок всей силою. Глубокий обход правого фланга османской армии в сочетании с мощной фронтальной атакой главными силами завершился полным успехом.

— Ура!!!

Древний русский боевой клич грозно гремел в сумерках, нагоняя на турок ужас. Еще бы — бегущие на юг толпы османов и татар, к своему великому ужасу, столкнулись лоб в лоб со свежими русскими полками, встретившими их шквальным огнем из орудий и фузей. Какой тут

бой?!

— Аллах всемилостивейший и милосердный!

Охваченные паникой беглецы ринулись обратно к Фильконешти. Только вот удрать не удалось — от лагеря ломились уже скопища новых дезертиров, дороги и лощины в считанные минуты оказались забиты толпами уже не воинов, а насмерть перепуганных людей, взывающих о милости.

— Аман! Аман!!!

Вот только гяуры на эти отчаянные призывы не обратили никакого внимания — пушки осыпали картечью, солдаты стреляли и кололи штыками, гусары и казаки врезались на полном скаку и наотмашь рубили саблями во все стороны.

— На штык бери, братцы!

— Бей без пощады!

— Ура!!!

Ужас обуял османов: истребленные янычары и сипахи, безжалостно расстрелянные пушками, и опрокинутые татары — все это уже привело армию Халиль-паши в состояние полного разлада и паники. И в бегстве нет спасения — русские преградили все пути к заветному Дунаю.

— У-У-Х!

— Б-У-Х!!!

Неожиданно в темном небе заискрились длинные красно-черные молнии, которые стали падать огненным шквалом на Фильконешти, опоясывая яркими вспышками всю возвышенность, на которой турки целую неделю возводили свои укрепления и разбивали лагерь.

И настолько завораживающей была картина ракетного обстрела, что атакующие русские полки остановились, смешавшись. Солдаты с изумлением и восторгом взирали на огненный смерч, и офицерам потребовалась добрая минута, чтобы привести роты в порядок и снова двинуть их в наступление, на оцепеневших от кошмара турок.

— Вперед, чудо-богатыри, вперед! — закричал Суворов и дал коню шенкеля. — Бери их на штык, молодцы!

Ракетный обстрел произвел и на Александра Васильевича неизгладимое впечатление. Нет, он видел, как пускали пороховые ракеты со станков, но то было несколько штук. Но массивного залпа нескольких сотен ракет, падавших уже добрых пять минут бесконечным дождем, такого даже он не чаял узреть в самых сладостных мечтаниях.

Огромный турецкий лагерь уже пылал, а ракеты все падали и падали, взрываясь с чудовищным грохотом и пламенем. Огромные черные столбы потянулись в серое небо, почти полностью закрывая багровые отсветы заходящего солнца...

Юконский острог

— Эх, мичман, мичман...

— Не свезло охвицеру!

— За такое им самим башки отрывать нужно!

— Ничего, станичники, мы с ними завтрава побаем!

Собравшиеся у часовни, где владыко (а в остроге священника иначе и не называли, прекрасно зная его прошлое положение — сами были такие же ссыльные) отпевал убитых в ночной схватке, гвардейцы, казаки и алеуты с ожесточением смотрели на страшный «гостинец», переброшенный колошами через частокол. И как только тлинкитский воин смог незаметно подобраться? Видно, по ледяной воде речки проплыл, вот и не уследили караульные, прошляпили. Не повезло проплывшему через два океана мичману Антону Караваеву,

смешливому моряку с «Надежды», что увязался с Алеханом в дорогу к «золотому» озеру.

— Как бы с братом твоим чего худого не случилось, Григорий Григорьевич?! — с некоторым напряжением промолвил капитан Пассек, тот самый, арест которого восемь лет назад и привел подготовленный заговорщиками мятеж гвардии в действие.

— Если бы худо случилось, его голову первой через острожную стену перебросили! — резонно бросил Григорий капитану Пассеку совершенно спокойным голосом.

Конечно, он волновался за брата, а кто бы не переживал на его месте, но самую малость. Не тот человек Алешка, чтоб ему вот так запросто буйну голову оттяпать.

Худо было другое — промешкались, время упустили. Теперь идти к озеру на ночь глядя рискованно, можно на колошскую засаду нарваться, те на такие штуки знатные умельцы.

А терять больше людей нельзя — и так в ночной схватке двоих русских насмерть посекали да одного из прибывших казаков серьезно поранили. И еще двух алеутов убили, и бабу одну, что сдуру выскочила. Большие потери для одного боя, и то, что девять колошей побили, сердце не радовало. И двух переветников — мужика и бабу, она тоже с томагавком бросилась на казака, но тот ее саблей располосовал. Все равно худо!

Ведь, судя по запредельной наглости ночного налета, колошей намного больше рядом с острогом шастает. Вряд ли в поход их больше сотни ушло, столь крупными ватагами в дальние края тлинкиты не ходят. Но и девяти десятков для осады поселения хватит. Вернее, осаждают они не будут, против винтовок в открытом бою не попрешь, но напакостить и отравить жизнь могут изрядно.

И жить дальше, зная, что тлинкиты шастают рядом, станет намного тяжелее, и золото добывать никто не будет — ходить и то с опаской, где уж тут работать и породу промывать. Григорий вздохнул, обвел хмурым взглядом собравшихся перед часовней гвардейцев и казаков и, медленно, четко выговаривая каждое слово, произнес:

— Терпеть колошских разбойников мы не будем! Они пришли сюда с кровной местью за то, что мы их в прошлом году побили, и отсюда не уйдут без этого!

Григорий показал на отсеченную главу мичмана — собравшиеся заскрипели зубами и захрустели сжимаемыми до боли кулаками. Бородатые лица казаков злобно ощерились — станичники сами прекрасно знали, что такое кровная месть, и тех инородцев, что казаков убивали, ждала такая же участь. В этих краях обид не прощали.

— Потому завтра начнем местность прочесывать — наши индейцы ее хорошо знают, будут для казаков проводниками. Выступим всей силою — нужно их истребить всех до последнего, иначе они нам жизни не дадут. Надеюсь, все это понимают?!

ДЕНЬ ЧЕТВЕРТЫЙ

30 июня 1770 года

Кагул

Он поежился от холода. Оглушительная тишина была нестерпимой. Пепельно-серая мгла окутывала все вокруг. Сначала Петру показалось, что это не пелена, а не успевший развеяться пороховой дым. Он подул, затем помахал рукой, но воздух не шевелился, казалось, все вокруг замерло в каком-то нелепом, бессмысленном стоп-кадре. Не было ни звуков, ни запахов — время остановилось.

Петр огляделся: поле боя. Под ногами, вдали, вблизи — везде, где хватало рассмотреть, в плотном одеяле тумана лежали вповалку люди и кони, такие же серые, как и туман, словно Петр попал в черно-белый фильм.

Вокруг него, как высокий бруствер окопа, также были навалены вперемешку истерзанные тела в зеленых мундирах и длинных халатах, некоторые обнажены по пояс. Лица были закопченные, сведенные последней смертельной судорогой.

— Господи, — Петр поднялся на цыпочки и вытянул шею, чтобы взглянуть дальше, за стену из тел, — откуда же вас столько... — Слова застыли на его губах: впереди, шагах в пятидесяти он различил фигуру стоящего человека. — Эй! Кто там? Отзовись!

Его голос утонул в ватном облаке тумана. Ответа не последовало.

— Эй!

Он стал карабкаться через сплошной завал из окоченевших тел, за что-то или кого-то цепляясь, пару раз порезавшись и больно ударившись. Петр не видел ничего вокруг себя, кроме высокой фигуры, очертания которой ему все больше и больше казались знакомыми.

Вдруг нога запуталась в торчавшем оружейном ремне, и Петр, потеряв равновесие, свалился вниз, по пути схватившись за ближайшую чью-то торчавшую руку.

Однако рука, видимо, оторванная взрывом гранаты, не смогла его удержать, и Петр рухнул, увлекая за собой другие потревоженные тела.

...Через некоторое время, придя в себя, он обнаружил, что лежит на животе, придавленный чем-то холодным и тяжелым. Сверху с шумом скатилось еще одно тело, гулко стукнувшись и придавив еще сильнее. С трудом повернув голову, он увидел перед собой лицо Ивана Тихомирова, старого капрала, которого он запомнил еще по Петергофу, тогда, когда он подавлял злополучный гвардейский мятеж.

Седые короткие волосы и половина лица были залиты кровью, а открытые глаза, казалось, смотрели через него в самую душу. Петр так и лежал, не двигаясь, не в силах оторваться от этих глаз.

— Батюшка-государь... — губы Тихомирова шевельнулись, и взгляд устремился теперь уже на Петра, которого мгновенно прошиб холодный пот. — Ты чего это? Зачем сюда пришел?

Потрескавшиеся, с запекшейся кровью губы жили отдельно на мертвенно-бледном лице, отдельно от остекленевших глаз, отдельно от всего царства Смерти, которое царило вокруг.

— А... Я... — Петр с трудом продрал одеревеневший язык. — Куда пришел?

— Туда, где живым не место... — еле слышно прошептал солдат. — Ты давай, это... Иди отседава...

— А ты как же? — Петр шумно сглотнул. — Ты-то как?

— А я жду... Немного уже осталось... Сейчас соберутся все, и вставать будем поманенечку... И командир у нас ладный будет... Твой орел, да сам нас в атаку и повел, грудью

пулю встретил, не стал туркам кланяться... Во славу российскую мы свои головушки сложили и не стыдно будет отцам да дедам *там* в глаза их суровые глянуть... Да и не один я войду в царствие небесное... Вона сколько солдатиков...

— ...я загубил... — Горячий ком подкатился к горлу, заглушая все мысли и чувства. — И Гудович... Я никогда себе этого не прощу!

— Ты, это... — губы старого солдата дрогнули в улыбке, — не дури, царь-батюшка, дело-то какое мы сегодня справили... Мы же, да и генерал твой, на смерть шли не только за тебя, но и за Русь нашу, матушку, а это для нас всех теперь едино стало... За это и умереть не жаль... Не печалься за нас... На то мы и солдаты, чтобы умирать... Главное, чтобы смертушка наша послужила тебе в пользу...

— Спасибо! — Петр зажмурился и стиснул до хруста челюсти. — Я тебе клянусь, что никто и никогда не забудет то, что вы сделали! Клянусь!

— Ну вот и славно... Иди, государь, — солдат устало прикрыл веки, — нечего тебе здесь делать...

— Я не могу... — Петр задышался под тяжестью, давившей сверху.

— А ты через не могу... — прошелестели губы. — Мы же смогли...

...Сдирая пальцы в кровь, с невероятным усилием Петр выполз из-под навалившихся тел и, шумно дыша, отвалился на спину. Немного полежав, он повернулся к Тихомирову:

— Прощай, старый солдат!

Петр поцеловал старика в лоб, погладил слипшиеся от крови, колючие волосы и, не разбирая ничего перед собой, встал и пошел. Он уже видел знакомую темную ризу до земли и знал, кого встретил снова.

Человек повернулся. На этот раз старец смотрел на него печально, голубые мальчишеские глаза не искрились доброй теплотой. Коричневая ряса казалась подернутой мутной дымкой, только скорбно сложенные ладони, морщинистые и натруженные, перебирали бесшумные четки.

— Ну вот! В прошлый раз ты не знал, о чем меня спросить! А сейчас?

— Отче! — Петр тяжело опустился на колени. — Я и сейчас не знаю! Я не могу... Мне слишком тяжело...

— А ты через не могу... — Он положил свои ладони на голову Петру, но благодати, как тогда, раньше, Петр не почувствовал. — Так ведь тебе сказал раб божий Иван?

— Да! — По щекам Петра текли обжигающие слезы. — Я постараюсь! Только почему, отче, почему мне так тяжело? Скажите, что мне сделать, чтобы облегчить хоть как-то свою ношу? Непосильная она...

— Кому много дается, с того много и спрашивается, сын мой! — Петр почувствовал, как веки наливаются свинцом и нестерпимо хочется спать. — Твои люди отдадут тебе самое ценное, что у них есть, — свои жизни, а также свой талант, свою волю, свою веру в тебя. Из них, как из кирпичиков, ты строишь могущество своей державы. И ты, и те, кто родился, и те, кто еще родится, проживаете за них, погибших, их жизни... Поэтому не кори себя и прими с благодарностью их дар! — Голос гулко отдавался в голове, отдаваясь в пустоту, а Петр проваливался все глубже и глубже в спокойный тихий сон. — А теперь спи! Тебе нужно отдохнуть, ведь тебе еще столько предстоит сделать, сын мой...

Берлин

— Старый плут! Вокруг пальца обвел, как мальчишку!

Король Фридрих в сердцах помянул вице-канцлера Бестужева, который опять путал карты в политическом раскладе. Возвратил его русский кайзер из ссылки, а тот и рад стараться, снова за

старое взялся. И что тут будешь делать?! Ну, брат Петер, ты еще тот политик!

Только вчера, после разговора с русским послом с непроизносимой для немца фамилией, старый король понял, что его самым наглым образом обманывали: тянули время, давали обещания, только возвращать Восточную Пруссию с Кенигсбергом и Данцигом отнюдь не собирались.

Одно утешало — датский король тоже зря облизывался на Голштинию, теперь ее ему не видать, как собственных ушей. Хуже того, может и Шлезвиг потерять, благо у русского императора хорошая память на разные пакости.

— Ну, «братец» Петер! — Король хрипло рассмеялся, но тут же стал серьезен. Теперь слово за ним, и последствия лягут на его несчастное прусское королевство, урезанное русскими на добрую четверть.

Но самая главная неприятность в том, что на турок, могущих осилить русского медведя, надежды не осталось. Вот он, лежит на столике подарок от русского «брата», что напрочь перечеркнул все его чаяния и планы.

Король покосился на новейшую русскую барабанную винтовку, при тусклых свечах отливавшую вороненым блеском ствола и желтым сиянием наведенной мастерами позолоты. Хороший подарок, вчера сам испытал — все прусские ружья можно смело выбрасывать, пользы от них не будет.

Старик усмехнулся, припомнив растерянные лица своих генералов, увидевших результаты стрельбы. Он тогда не отказал себе в маленьком удовольствии, процитировав им строки из письма Петера, в которых тот, выставляя себя защитником христианской веры, уверял, что его войска, воюющие против турок, на треть вооружены именно такими винтовками. Но самое главное, заводы продолжают их выпускать в больших количествах, и через год семьдесят тысяч русских солдат получают новые фузеи.

Генералов чуть кондрашка нехватила прямо там, на месте, от таких известий. Защита христианских церквей дело хорошее, но угроза была явственной — интересно будет, брат Фридрих, посмотреть на твоё воинство, когда по нему из скорострельных винтовок стрелять будут!

Рассыпался Петер в уверениях и «братской любви», мол, верит в то, что никогда более пруссаки и русские не сойдутся на поле брани, ибо ничего хорошего в войне между ними нет: соседи только выигрыш подсчитывают.

С последним утверждением Фридрих был полностью согласен, еще бы, сам в прошлую войну с цезарцами сцепился. Воевал, побеждал, да толку не было, все победы ушли, как вода в песок, зато от королевства куски откусывали добрые, до сих пор раны кровоточат!

Фридрих медленно прошелся по кабинету, и тут ему на память пришло давнее письмо милой Фике, что стала императрицей Екатериной Алексеевной. Она разъясняла смысл русских поговорок, и одна, по поводу кнута и пряника, ему хорошо запомнилась. Да! «Брат» Петер с самым любезным видом показал ему «кнут», пусть из-под полы, намеком, но показал. Отведать его королю не хотелось, сильно не желалось, но и Восточной Пруссии было до боли жалко.

— Пора нам попробовать «пряника»! Надеюсь, что с ним братец меня не обманет, с него станется! Византиец, а не немец!

Король тяжело вздохнул и снова уселся за стол читать полученные от императорской четы письма из Петербурга и Кишинева.

Фильконешти

Великий визирь Халиль-паша, полноватый осман, в растерзанном, когда-то богатом халате, с закопченной бородой и припорошенным сажей лицом, с нескрываемым ужасом взирал на свой

лагерь, вернее, на то, что когда-то было лагерем для стотысячного турецкого войска.

Огромное дымящееся пепелище, забитое грудями убитых, затоптанных и сожженных заживо людей и лошадей, сейчас раскинулось перед его глазами, заполненными слезами невыносимой муки.

— Алла иль Алла, бисмалла Алла...

С сухих потрескавшихся губ визиря слетали еле слышимые молитвенные слова. Он обращался к Всевышнему с просьбой уберечь от адских стрел, что совсем недавно огненным ливнем низвергались с небес.

В ушах до сих пор стоял животный вой горящих людей и выворачивающее душу наизнанку ржание несчастных лошадей. И ничто не могло спасти от пламени, которое невозможно было залить водой — оно еще ярче разгоралось. Халиль-паша понял, что в руки русских попал секрет знаменитого «греческого огня», который вот уже три века считался утраченным.

Турки могли устоять против любых воинов из плоти и крови, против любого оружия из стали, с усмешкой шли на пушки, но не против пламени, что пожирало их подобно аду. Удержать большую часть армии он не смог — правоверные начали разбегаться во все стороны, не желая более сражаться с русскими, настолько велик был страх перед невиданным оружием гяуров, что истребляло их просто немилосердно.

Визирь тяжело вздохнул — только сейчас он правильно оценил коварство русских. Османская и татарская конница попала в западню на левом фланге, вырваться из которой под картечным огнем доброй сотни орудий удалось лишь немногим сипахам. Татары, эти трусливые шакалы, бросили благородных османов и удрали через реку!

Аллах велик, и им воздалось за это предательство — на том берегу Кагула оказалась русская кавалерия с пушками, и тысячи крымских татар были безжалостно истреблены или утонули в мутной воде. Но все же большая часть из пятидесятитысячной орды прорвалась, уцелел и хан Каплан-Гирей. И ему вскоре, а в этом Халиль-паша был полностью уверен, придется дать скорый ответ перед султаном за трусость своих нукеров.

А потом были истреблены десять тысяч янычар, немногим из которых удалось добежать до русских каре. Это немыслимо! Русские фузеи стреляли втрое дальше турецких, невероятно точно и в пять раз быстрее. Пули сыпались градом, смерть выкашивала безжалостно — погиб и сераскир, и все паши орт, и их доблестные янычары.

Они не побежали от гяуров, и никто не сдался им в плен, потому что русские безжалостно истребляли всех, добивая даже раненых.

Визирь с пронзительной ясностью осознал — против такого оружия не устоит ни одна армия, будь она османской или любой из европейских. Войны не будет, русские просто устроят бойню! Об этом должны знать в Стамбуле, кто-то же должен вырваться из устроенной армии западни!

— В-У-Х!!!

Предрассветные сумерки вновь расчертили огненные стрелы, и живой огонь обрушился с неба. Турки взвыли и забегали по выжженной земле, вот только удрать было некуда. Со всех сторон гремели русские пушки и ружья, буквально выкашивая метавшихся, заставляя уцелевших забиваться в окопы в поисках спасения от неминуемой смерти.

— С рассветом они пойдут на штурм... — еле слышно прошептал визирь, спокойно ожидая несущуюся через небо огненную смерть. — И живые позавидуют мертвым...

Петропавловск

— Пойми, Иван Григорьевич, бриг у нас всего один, я не могу вам его передать! Потому прошу корабль не задерживать в Петровской крепости, а уже в конце августа отправить сюда на

зимовку!

Наместник Дальнего Востока имперский советник Сойманов говорил тихо, но очень властно, несмотря на преклонные года, а может, и благодаря им. Шутка ли — семьдесят восемь лет прожил и какие времена видел!

Почти полвека тому назад отличился Федор Иванович в Персидском походе, был обласкан императором Петром Алексеевичем, в контр-адмиралы произведен. Карту моря Каспийского составил с лоциями, вдоль и поперек его прошел. Хорошее море, теплое, ласковое. На озеро похоже, только очень большое, с местными студеными морями, со штормами, что здесь свирепствуют, никакого сравнения нет. Там отдых, да и только, а здесь каждое плавание смертельно опасное, недаром моряки широт этих первым делом почитают помолиться и предать воле Господа свой живот, перед тем как выходить в море...

По злему навету царице грозной Анне Иоанновне схватили его, да и судили вместе с Артемием Волынским и другими, что супротив воли временщика Бирона пошли.

Уцелел Федор Иванович, хоть и пытали его, кнутом били да навечно в Сибирь сослали. Повезло — остальным ведь главы отсекли. Но недолго томился Сойманов — через два года на трон взошла дочь Петрова Елизавета, и пошла его карьера опять в гору — в Охотске начал заправлять.

Через полтора десятка лет он стал Сибирским генерал-губернатором. Вроде и все — конец карьеры, в Москву на заслуженный отдых стал проситься, за шестьдесят лет перевалило. Но не тут-то было!

Письмо императора Петра Федоровича потрясло генерал-губернатора. Каждая строчка дышала таким участием к нему, и он не смог отказать царю в просьбе послужить на благо России, ибо сама тень того великого императора стояла тогда перед его глазами.

Года не прошло, как он снова появился в Охотске и теперь остался здесь служить навечно. Там, за Алеутской грядой, есть гора Сойманова и острова, названные его именем. Он сам помогал составлять карту и будто заново вернулся в молодость, когда корпел над каспийскими лоциями. Перестроил Охотскую верфь, заложил еще одну на Камчатке, подводил под царскую длань вновь открытые земли.

Император Петр Федорович облагодетельствовал его сверх меры за скромные труды — орденом Святого Андрея Первозванного и первого из всех чином имперского советника, что взамен действительного тайного был императором введен.

Через год после злосчастного столичного мятежа в эти края были высланы три сотни без малого гвардейцев. Многие приехали с семьями и дворовыми людьми. Пришлось всех обустроить да дело каждому найти, чтоб на своем месте был и умения, как надо, приложил.

Жизнь в этих забытых Богом краях сразу же забурилась, забила ключом. Охотск с Петропавловском, что на Камчатке, стали потихоньку превращаться в настоящие города, в последнем даже каменный собор заложили да навигацкую школу учредили.

В прошлом году первый бриг с дышащим именем «Надежда» из Петербурга пришел, с настоящей командой, полмира проплыв. В трюме своем столько он всего привез, что обозами от Иркутска до Охотска и не доставить за годы, а главное, полную оснастку и якоря для всех восьми строящихся здесь кочей.

Полвека назад Петр Первый запретил поморам кочи строить — небольшие палубные суда с округлым днищем, с которым плавать в студеном морях не в пример лучше — льды не раздавят, если на зимовку встать неожиданно придется.

Покойный император тяготел к голландским да аглицким конструкциям, а кочи на таковые не походили. Вот и запретил он своей волею, чем поморам урон немалый нанес — только на кочах те ходили, не боялись, на других уже не стали плавать полярными морями, опасно сие

предприятие.

Зато внук снова разрешил кочи строить, пусть неказистые на вид и тихходные, зато надежные. И команда маленькая, два десятка всего, что при местном малолюдстве важное значение имеет...

— Ты пойми, Иван Григорьевич! — Сойманов убедительно постучал натруженной ладонью по подлокотнику кресла. — Два галиота в море выслать — это явная для них погибель. Здесь же строили, конструкция худая, даже слабого шторма не выдержит. Три коча у вас есть, у меня всего пять. А ведь в устье Амура отправлять надобно да на Курильских островах изыскания вести. Я к вам бриг отправляю только потому, чтоб пушнину с золотом на надежном корабле вывезти, царское добро не потерять. Вы уж как-нибудь кочами пока обходитесь!

— Хорошо, ваше превосходительство! — Иван Орлов понял, что выцыганить у старика единственное хорошее судно не удастся и кочей тоже — а ведь узнать, куда Юкон впадает, очень важно, только отправить туда некого, и бывший гвардеец тяжело вздохнул.

— Не печалься, сынок, сам ведь понимаю, что дело страдает! — Сойманов относился к братьям Орловым с отцовской заботой. Норовисты, но честны — сам такой же был. — Государь в прошлом году отряд из пяти бригов сюда отправил. Надеюсь, что хотя бы два дойдут, путь зело тяжелый. Тогда один корабль отправлю в Петровскую крепость, на Кадьяк, раз брата твоего государь-батюшка там губернатором поставил...

Кагул

— Ваше величество! Государь, очнитесь!

Голос генерала Румянцева проник сквозь густую пелену, разорвав в ней дырку, и душа потянулась к свету, к свету. Веки наконец стали повиноваться, и Петр, хоть с немалым трудом, приоткрыл их и искренне удивился — боль, терзавшая тело, раскалывающая ему голову, почти исчезла. Так, саднило немного, но то было даже несколько приятно: болит, значит, все на месте, ничего не лишился и, следовательно, заживет.

Только слабость осталась во всем теле, да зверски хотелось есть, будто весь великий пост одними сухариками питался. И пить...

— Крови много потерял! — поставил сам себе диагноз Петр и, сделав над собою отчаянное усилие, полностью открыл глаза. Полог шатра был подсвечен розовым светом восходящего солнца, и это почему-то сразу принесло облегчение. Новый день — он завсегда радует.

— Государь! — Генерал Румянцев наклонился над ним. На встревоженном, осунувшемся лице выделялись глаза, пронзительные и уставшие. — Халиль-паша прислал парламентаров, ваше величество. Я жду вашего решения, государь!

— Какого? — еле вымолвил Петр, ворочая сухим языком.

— Вы приказали уничтожать турок беспощадно, ваше императорское величество! Лагерь же не штурмовать, а только бомбардировать и жечь... — он замялся. — Но это парламентары — они неприкосновенны... Или прикажете убить?!

«Что же я творю, песий сын?! Дорвался до власти, и кровь потоками лить стало нравиться?! Они хоть и турки, но солдаты. Господи! Я же ведь приказал даже раненых добивать!»

Отчаяние от осознания того, что он натворил прошлым вечером, ожгло Петра, и он вспомнил свой ночной разговор во сне до малейшего слова. Будто сила налила его мышцы — он резко присел на походной койке, смахнув со стульчика лекарские банки-склянки.

— Остановить резню, генерал! Гудовича этим я не верну! — Петр скривился от боли. — Прекратить обстрел! Парламентарам скажи — пусть сложат оружие немедленно, тогда начнем переговоры! Под угрозой полного истребления! Так и скажи...

Голова чуть закружилась, то ли от слабости, то ли от рывка. Петр чуть посидел, закрыв

глаза. Вскоре отпустило, стало намного легче. Он слышал рядом дыхание Румянцева — генерал не уходил, ждал, когда императору станет чуть легче.

— Дайте папиросу, — тихо попросил Петр, не открывая глаз. Вскоре в его пальцы ткнулся картонный мундштук, и он сразу затянулся — первая затяжка оказалась сладостной. В голове прояснилось, и Петр жадно, в полную грудь, высмолил всю папиросу, бросив окурок в сторону, и только теперь снова открыл глаза.

Народу в шатре прибавилось — кроме генерала, рядом крутился Нарцисс, пристально смотрел лекарь, обеспокоенно — Рейстер в изодранном егерском мундире, белело чего-то ждущее лицо адъютанта Неелова да ободряюще взирал на него верный Денисов.

— Что смотрите? — недовольно буркнул Петр, обнаружив, что сидит на кровати почти голым. Почти, если не считать многочисленных повязок с кровавыми пятнышками, что облепили тело.

«Так-с! Бедро и нога, предплечье правой и локоть левой руки, плечо, живот и вроде бы еще и спина — под лопатками тянет болью. Плюс голову мою буйную сильно обработали, хорошо, что каска спасла. Вывод? На хрена царю в драку лезть, так и убить могут! Пророчество — пророчеством, но реформы надо до конца доделать. Все! Отныне от любой драки в стороне стоять буду! С меня хватит! Навоевался!»

Петру захотелось снова курить, и он щелкнул пальцами. Нарцисс за годы понимал все его жесты, и через несколько секунд Петр дымил очередной папиросой, хотя десятки раз давал себе зарок никогда не курить натошак, но недаром говорят, что привычка — вторая натура.

— Так, генерал! — Мысли прояснились, и он опять заговорил с Румянцевым. — Говорить я буду только с Халиль-пашой! Через час! Турок разоружить, но в лагерь не входить. Трофеи собрать, раненым оказать помощь. Наших похоронить с почестями, а турки пусть своих мертвяков сами обхаживают. Да, вот еще что, совсем из головы вылетело. Что туркам амба, это я понял, но каковы наши потери?

— Относительно небольшие. Турок и татар положили тысяч сорок, может и больше. Сейчас невозможно подсчитать! А у нас и тысячи убитых не наберется, до трех тысяч всего ранено. Половина всех убитых на Апшеронский полк приходится — вы сами знаете почему, государь.

— До каре добежали янычары, даже «барабанки» их не остановили! Худо, что много опытных солдат полегло. Почти тысяча солдат погибла, три ранено — две бригады потеряли. Две бригады! — Петр яростно буравил взглядом Румянцева. — А это недопустимые потери, генерал! Русская кровь не водица, чтоб впустую ею землю поливать!

Гневная вспышка императора всех потрясла, радость от невиданной победы моментально погасла, словно холодом всех обдало. Присутствующие с испугом смотрели на Петра, боясь сказать слово в оправдание.

— Отправьте нарочных — оповестите Миниха о победе. И Долгорукова. Пусть князь идет к фельдмаршалу со всеми войсками. Нужно штурмовать Перекоп и брать Крым. Немедленно, еще до августа! И с Очаковым пусть поторапливается, он как заноза в заднице!

Петр утомленно упал на подушки — вспышка его обессилила.

— Я немедленно отправлю гонцов... — произнес Румянцев и выжидающе посмотрел на Петра, может, император еще отдаст какой-либо приказ.

— Идите, генерал! И чтоб Халиль-паша был у меня в шатре через час, Петр Александрович!

— Есть, ваше императорское величество! — Румянцев четко козырнул, приложив ладонь к каске, повернулся и стремительно вышел. За пологом шатра тут же загремел его зычный и гневный голос — генерал принялся раздавать распоряжения.

— Что уставились? Накого царя не видели? — грубовато спросил Петр у собравшихся. — Или дел у вас нет, господа?! Так найду! Идите!

Офицеров словно вымело на улицу, остались только лейб-медик и арап. Первый кинулся поправлять повязки, а второй раскурил папиросу, стараясь хоть так немного успокоить своего раненого господина.

— Спасибо, Нарцисс, — такие слова Петр редко говорил ему, считая, что нечего верного слугу баловать. Но сейчас сказал — арап весь засиял от радости, оскалился белозубой улыбкой. — Принесите поесть чего-нибудь... И попить...

— Есть чудное красное вино, государь. — Медик извлек откуда-то вместительную кружку и поднес ее к губам.

— Да не пои ты меня, сам справлюсь!

Петр забрал посудину, посмотрел на рубиновую влагу. Понюхал — пахло приятно, и приложился, глотая терпкую жидкость. Пошло хорошо, он все пил и пил, не мог оторваться, вино текло по подбородку, окрашивая в красный цвет наложенные повязки.

— Чудо, а не вино! — кое-как проговорил и, прикинув емкость, понял, что за раз выпил привычный, по тому, студенческому времени «огнетушитель», 0,8 литра в просторечии.

— Ни хрена себе, я таких подвигов в винопитии никогда не совершал! — только и пробормотал себе под нос Петр.

— Так это не вино для вас, а лекарство, государь! — лекарь склонился в почтительном поклоне.

— Понятно! Так, отставить жрать! Нарцисс. — Арап уже накрывал столик дымящимися кушаньями, но Петру захотелось немедленно выйти на солнышко, погреться. — Помогите встать, воздухом подышать хочу!

Он попытался встать, но силенок было маловато. Однако эскулап с арапом тут же его подхватили и бережно поставили на ноги. От одежды Петр отмахнулся и, как был, в бинтах и обрезанных подштанниках, гордо, отказавшись от помощи, качаясь на слабых ногах, пошел к положу, который тут же отдернул Нарцисс.

— Ох, как хорошо здесь, мать моя женщина! — только и сказал, с облегчением усаживаясь на вынесенный Нарциссом стульчик. Огляделся — в наскоро разбитом русском лагере солдаты отдыхали и завтракали. Щедро лилось вино с водкой — таков обычай, ведь после боя служивым надо хорошо расслабиться. Отменять его Петр не стал, сам таким же был, только отцы-командиры о мелких солдатских радостях не думали. Оттого в Афгане чилимы в ходу были, ну, иной раз и «откатуха», изредка спирт. Хорошо, что с табаком нормально было, хотя и с перебоями.

Петр задумался, вспоминая прошлое, и не заметил, как кругом воцарилась полная тишина. Голоса смолкли, солдаты и казаки перестали есть, повскакивали и окружили плотным полукругом, очумело смотря на него, а потом дружно бухнулись на колени. Этот стук и вернул к действительности Петра.

— Вы чего, ребята? — только и пробормотал он, глядя на коленопреклоненных служивых, уловив их благоговейные взгляды, и понял, хрипло рассмеявшись, — слишком щедро окропил он «красненьким» свои повязки...

Коринф

— Михаил Илларионович! Турки идут!

Молоденький подпоручик лихо осадил лошадь и спрыгнул с седла перед чуть более старшим по возрасту майором Голенищевым-Кутузовым. Тот как раз завтракал привычными для здешних мест солеными оливками с куском ячменной лепешки.

— И сколько их? — Майор вытер губы платком не первой свежести и потянулся так, что захрустели косточки.

— Пехоты регулярной сотни три, ополченцев с тысячу, да сотня конных сипахов. Пушек в отряде нет.

— Всего-то?!

Удивления в голосе Кутузова не было, одно лишь мимолетное сожаление о прерванном завтраке. Что-что, а поесть он любил в отличие от своего бывшего полкового командира Александра Васильевича Суворова, который только обедал, но никогда не завтракал и не ужинал. Но обед обедом, а дело воинское знал замечательно, командовать ротой в его Астраханском полку стало для Михаила самой лучшей школой в жизни, вот только длилась она недолго, его выдернули из полка приказом императора.

Свою встречу с государем Петром Федоровичем Кутузов помнил до мельчайших деталей, ибо она послужила толчком для стремительно начавшейся карьеры. Год службы в лейб-егерях с тяжким обучением молодой офицер выдержал буквально на зубах. Если бы не привычка к длительным и трудным маршам в Астраханском полку, то, ей-ей, опозорился бы перед царем-батюшкой. Все сложилось просто замечательно — его, как и многих других офицеров, прошедших обучение, распределили по формируемым егерским батальонам, получившим на вооружение невиданные по своей скорострельности фузеи.

Потом была еще одна встреча с императором и новое возвышение — Кутузов был поставлен командиром второго батальона греческих стрелков, получив чин майора. Назначение его удивило, и он почел два года назад это чудачеством императора, надумавшего формировать части из эллинов. Не прошло года, как Михаил уже так не думал, пораженный невероятной прозорливостью Петра Федоровича.

И перед уходом эскадры в Архипелаг состоялась третья встреча с императором, который без обиняков прямо сказал, что надеется на него, как на знающего офицера, который приложит все силы для создания греческого войска. Но самым удивительным было окончание их беседы: император со странной ухмылкой добавил совсем непонятное: «Вас, майор, от Крыма подальше держать нужно, глаз целее будет».

При чем здесь глаз, Михаил до сих пор понять не мог, хотя думал над этим все долгое плавание. Однако в январе стало уже не до того — русский флот подошел к берегам Морей и высадил десант — три греческих батальона и восемь рот русской морской пехоты и егерей с полевой и осадной артиллерией.

Греки словно ожидали прибытия русских — со всего Пелопоннеса стали стекаться тысячи волонтеров, дабы наконец вцепиться в глотку ненавистным туркам. Особенно много было майонитов — местных повстанцев и разбойников, что десятилетиями вели партизанскую войну против османов, скрываясь в труднодоступных горах.

Ярость греков против своих поработителей была настолько велика, что на первых порах русские пришли в изумление. Когда же османский гарнизон в Миситре, древней Спарте, сложил перед русским десантом оружие, то Кутузову впервые пришлось применить силу для защиты сдавшихся, ибо греки накинулись на пленных и горожан с невероятной яростью, стали резать и кромсать всех подряд, включая детей.

Командующий войсками князь Репнин приказал молодому майору покончить с этим безобразием, и Кутузов прекрасно понял изнанку приказа — если не остановить резню, то турки в других городах и крепостях сдаваться не станут, а будут обороняться до последней крайности.

С невероятным трудом русские солдаты и матросы остановили разъярившихся греков, кое-где пришлось и стрелять для устрашения. Другого выхода просто не было — из эллинов, что скорее представляли собой скопище разбойников, предстояло создать регулярное войско, а дисциплина вбивается в таких случаях только с кровью. Утихомирили кое-как...

Тысячу самых кровожадных майонитов расписали по экипажам линейных кораблей, приставив к каждому греку по морскому пехотинцу для обучения — тут не побалуешь, а взамен на берег списали с эскадры русских, что составили крепкое ядро.

Три греческих батальона развернули в полки — охотников было за глаза, в очередь выстраивались, и многих отсеивали. Пока русские воевали с турками, за три месяца они превратили вчерашних разбойников и крестьян в нормальных солдат, вооружив их старыми ружьями.

И сегодня ему предстоит провести проверку новоявленным спартанцам — с наскоро подготовленным греческим батальоном и с ротой русских стрелков, с тремя пушками он неделю назад подошел к Коринфу и закрыл дорогу, ведущую через узкий перешеек. Успел вовремя — османы начали переброску своего наспех сформированного из местных мусульман воинства на помощь осажденным в Морее гарнизонам...

Петербург

— Помилосердствуйте, нет моченьки терпеть! У-й! Больно!

Висящий на дыбе человек вихлялся всем телом, от него шел такой запашок, что даже издававший виды глава Тайной экспедиции Сената Степан Иванович Шешковский брезгливо поморщился.

Подл человек, это он давно знал, а потому и слаб. Но каков этот упырь — кнутом его чуть пригладили, кат вполсилы бил, ему на то указано было, ан нет, сразу же и обгадился. И как теперь допрос вести, если смрад ноздри забивает и дышать невозможно?

— Больно?! — участливо осведомился главный инквизитор Российской империи. — А когда ты из пистолей свинцовыми пулями по голым девкам палил, тебе не больно было?

Голос Шешковского прозвучал с такой жгучей ненавистью, что висящий на дыбе человек завыл во весь голос, обливаясь потоками слез и мочи. Его буквально колотило от дикого страха.

— Пьян и глуп был, батюшка! Помилосердствуйте!!!

— Жги! — крикнул Шешковский кату. — Пять ударов!

Кнут свистнул в воздухе и опоясал голую спину — из рассеченной кожи брызнули во все стороны капли крови. Пытаемый заорал во весь голос, ощерив рот и выпучив глаза.

Но через пару секунд новый удар ожег его спину. Палач был опытен и по голосу своего господина определил, что тот требует бить без жалости. Вот он и постарался от души, если она, конечно, есть у заплочных дел мастеров.

— Смилуйтесь!!!

— Заткнись!!! — с яростью крикнул Шешковский в ответ на животный, идущий из самого нутра вопль.

Свист кнута прервал вой, последовал еще один удар, и человек захрипел, а с пятого дернулся и безвольно повис, потеряв сознание.

— Отнеси, вправь руки! — тихо бросил Шешковский палачу и повернулся к писцу, скромному, неприметному чиновнику, что скрипел гусиным пером в закутке за столиком. — И лекаря к нему отправьте! На суде он должен быть как огурчик!

— Слушаюсь! — Чиновник тут же услужливо вскочил и шмыгнул за дверь вслед за катом, что волочил снятого с дыбы человека.

— Чуть под монастырь не подвел, сучий сын! — Шешковский перестал сдерживаться и заметался по пыточной, зная, что за ним сейчас никто не подглядывает, а потому донести, кому надо, не сможет.

Он бы этого гаденыша разорвал собственными руками, горло бы перегрыз, но им двигала не ненависть, а животный страх. Сам же виноват, что не углядел, меры заранее не принял.

Не то страшно, что помещик забаву себе устроил — крепостных девок нагишом в парк отправлял и с пистолетом на них охотился. Подумаешь, дюжину душ так умертвил! Раньше бы Степан Иванович даже и не пошевелился, чтоб такому злыдню даже пальчиком погрозить, — твои крепостные, что хочешь, то над ними и делай!

Но не сейчас, когда семь лет тому назад государь-батюшка указ строгий издал — токмо он над животом своих подданных властен! А ежели кто из помещиков крепостных своих жизни лишать будет, то того он за своего врага почитать будет. Кто же прознает о мучительствах, что к смерти привели, заново «слово и дело» кричать обязан, а ежели утаит душегубство, то соучастником его отныне становится.

Шешковский тяжело вздохнул, припоминая, что первые три года провел в пыточных безвылазно. Дворяне, что в смертоубийствах своих крепостных обличались, косяком пошли, как рыбы на нерест, и мужчины, и женщины. Особенно среди последних ему Дарья Салтыкова запомнилась, родственница фельдмаршала. Молодая, пригожая — а чуть ли не сотню своих крепостных извела. Неимоверной лютости баба!

А на дыбе, с иголками под ногтями, готова была дерьмо есть. В ногах у государя валялась, но пощаду не вымолила — на дюжину кусков тело разрубили и по городам куски мяса отправили, на всеобщее обозрение. И еще один запомнился, выдумщик и забавник. У себя в имении пыточную обустроил, инструменты за границей заказал. Истязал своих крепостных с выдумкой, а потом резолюцию накладывал — «запытать до смерти».

Вот Степан Иванович исполнил указание императора безропотно и в точности — семь дней татя сего мучил, пока тот дух не испустил. Однако, к его превеликому удивлению, всего трех лет хватило, чтоб помещики унялись. И ходатайствовать за них перестали — император таких просителей в имение на пожизненное заключение отправлял или предлагал с пытаемым в подвале местами поменяться — желающих почему-то не находилось.

«Укрывателей» тоже не так и много было — судьи там, предводители дворянства, даже парочка губернаторов. Те за родственников или за мзду немалую старались. Не свезло всем — на вечное поселение таких отправляли в Сибирь, имущество конфисковав, а крестьянам вольную дав. С государем такие штуки не проходили, он ложь моментально определял.

Тут Степан Иванович вздрогнул, припомнив яростный взгляд императора и с тихой угрозой сказанные слова: «Мзду хоть раз возьмешь или кого от наказания убережешь, в такую дыру законопачу, что хуже смерти твоя жизнь станет!»

А теперь этот «стрелок» выискался! А почему?! Да потому что брат его в губернии Тайную экспедицию возглавлял, а вице-губернатором дядя. И вся эта троица так пять лет забавлялась, пока одна девка случайно жива не осталась. И не дура оказалась — до столицы добралась и в Собственную Его Величества канцелярию обратилась.

Степан Иванович вытер холодный пот со лба, его прямо колотило от страха. Волков и Девиер люди могущественные, а потому напакостить Шешковскому смогли сразу, руки у них длинные.

Спасла только правда — Шешковский сном-духом не ведал о злодеяниях, что его собственный чиновник покрывал, а посему царь-батюшка простил, но приказал всех виновных под суд отдать. И хотя при встрече Петр Федорович на ложь проверит, но этого инквизитор не боялся. Хуже другое — если его люди кого-либо упустят или, что еще хуже, невиновного притянут к «делу» сему, вот тогда с него спрос и будет. А это неизбежно — Девиер с Волковым свою выгоду не упустят, они на людишек из Тайной экспедиции пригляд свой крепкий держат...

— Кузьма, а ведь не утихомируются никак колоши! Что они под нами крутятся все время? Ведь поняли давно, что стрелами нас не возьмешь, а мы их запросто в верхотуры свинцом наделим!

Алехан чуть высунулся из-за камня и посмотрел вниз, держа винтовку правой рукой. Тлинкиты уже не высовывались, кровавый урок был ими хорошо усвоен, но Орлова заметили, глазастые, и тут же подняли свирепый вой. Вскоре парочка индейцев высунулась на секунду из-за деревьев и вскинула луки — стрелы уже были наложены на тетиву.

Выстрелы грянули почти одновременно — стрела ударилась о камень, за который Алехан успел спрятаться. Зато казак пульнул намного метче, и колош, не успев оттянуть тетиву, рухнул на камни — на груди расплывалось кровавое пятно.

— Ты уж не суйся, ради Бога, Григорыч, — рассудительно вымолвил Кузьма. — Ведь в пятнашки со смертушкой играешь. А ну как попадут?! Раз смазали, два смазали, а в третий точно стрелу бросят!

— Так скучно лежать, дружище. Все бока на камнях отмял. Воевать охота, я им за моряка еще крови не выпустил.

— А ты без злобы на них смотри. Жизнь — она такая, то в нас бьют, то мы в них. Кто лучше стреляет, тот и живет.

— А ты, брат, никак философ?

— Казак я иркутский, а не энто твой хвилосов, паря. Оттого и жив по сию пору, что злости не испытываю. Туманит она глаза, промазать можно.

Казак поправил дерюжку, заблаговременно постеленную им на камень, чтоб тепло с тела человеческого не тянул, и, вытянув сухарик, захрустел, дробя его крепкими и белыми зубами. Хороши зубы у станичника, такими можно смело гвозди выдергивать.

— Мы, Григорыч, их вождей завалили насмерть, оттого они крутятся вокруг да около, мщения желают. И пока крови нашей не прольют, никуда отсюда не уйдут!

— А хрена им! — безмятежно отозвался гвардеец. — Брат мой вскоре припожалует да три шкуры с них сдерет. За ним долги такие не задерживаются.

— Так они засаду на пути, мыслю, поставили. Задержат осторожных людишек немного и отойдут. А пока не суетятся, значит, за острогом пригляд держат. Здоровые они, как сохатые, и так же бегают. Ты уж похрусти сухариком, нам тут до вечера лежать придется!

— И то ладно, — согласился Алехан и засунул ладонь в мешок. Пошарился и извлек половинку морской галеты. Тверда была, как точильный камень, но крепким зубам вскоре поддалась, и вкусна — моряки ее специально с солью высушивают.

— Ты, Григорыч, на страже пока стой, а я чуток покемарю. Ночкой вполглаза спал...

— Почивай, Кузьма Андреич!

Алехану стало чуть стыдно. Еще бы, он сам спал как сурок, стащив на себя все теплое и полностью доверяя казаку, безмятежно. Зато сейчас молодая сила в нем бурлила, стрелять хотелось, а не спать. Какой тут сон, когда кровожадная стая обложила со всех сторон!

Мысли Алехана прервало тихое всхрапывание. Он покосился в сторону и завистливо вздохнул — ну и нервы у казака, даже в такой обстановке каждую минуту бережет. А сон есть самый лучший отдых...

Кагул

Петр с трудом дожевывал зажаренную на углях курицу. Где уж солдатский котел?! Потчевали его от души, что только та могла пожелать. Он посмотрел с тоской на щедро накрытый столик и сыто срыгнул: съел больше, чем мог, но меньше, чем хотел.

Зато силушка забурилась в теле, кровушка заходила — в который раз он убедился, что раны

на нем заживают, как на собаке. Тело саднило, так и хотелось запустить пальцы под повязки и чесать, чесать, ногтями хорошо пройтись. Но нельзя — это он прекрасно понимал, а потому сдерживался, лениво двигая челюстями.

— Государь! — Полог шатра отдернулся, и зашел генерал Румянцев. Не Зимний дворец, чтоб с докладом входить! — Визирь Халиль-паша прибыл для переговоров. Турки сдаются, сложили оружие. Воевать уже не желают, разбежались по окрестностям. Казаки сгоняют их, как овец.

— Ага, — только и сказал Петр и подумал, что Румянцев сможет полностью заменить погибшего Гудовича. Как ни крути, но у него два полководца крупного калибра, и Суворову нужно освободить дорогу, не связывая на будущее руки. А потому стоит...

— Присаживайтесь, Петр Александрович. Разделите со мной трапезу. А турки подождут пару часиков на солнышке. Им такое стояние только на пользу пойдет. Восток — дело тонкое, а потому османы прекрасно знают, что такое — горе побежденным!

— Благодарствую, ваше величество...

— Садись за стол, не отнекивайся. Генералы наши дело знают добре, нечего нянкой при них быть. Садись и ешь! Со вчерашнего вечера ведь не ел?

— Не до того было, государь...

Румянцев, умытый, сменивший запыленный и порванный мундир новым, посмотрел на императора, тяжело вздохнул и уселся за столик. Положил цыпленка на блюдо и принялся есть с видимой неохотой, так, как бы оказывая милость.

«Обиделся! — Петр украдкой посмотрел на генерала. — Не похвалил его прилюдно за баталию, гневлив я был, вот и демонстрирует свое недовольство. Ну, ничего, сейчас он от меня получит!»

Он самолично оторвал от гуся здоровенную лапу и положил ее в тарелку, пододвинул к Румянцеву:

— Немедленно съешьте! Или моим столом брезгуете?!

— Что вы, что вы, государь? — Румянцев даже приподнялся со стула, услышав такие слова, чуть руками не замахал в протесте и резво принялся за лапу, набив рот здоровым куском.

— Чтоб все съели, без остатка, — Петр добавил в голос раздражения и приготовился нанести удар. — Я вами сильно недоволен! А потому лично вас сейчас кормить буду, фельдмаршал!

— К-ха! Кхм!!!

Румянцев непроизвольно дернулся на стуле и подавился. Лицо побагровело, глаза чуть ли не вылезли из орбит, челюсть отвисла. Он попытался что-то сказать, но изо рта вырвался шипящий кашель.

«Твою мать! Сталинские шуточки! Ведь так от удушья помереть может. И грех на мне будет!»

Петр подскочил на месте и с силой хлопнул Румянцева по спине. Потом еще раз. Новоиспеченный фельдмаршал дернулся, судорожно сглотнул и обмяк. С лица потихоньку стал сходить румянец, а Петр облегченно вздохнул — застрявший в горле кусок благополучно провалился в желудок.

— Вы уж поосторожней, Петр Александрович! С чего это вы поперхнулись? Я даже испугался, хотел лекаря звать!

— Благодарю... Государь... Отслужу!

В три приема с трудом отозвался генерал и, схватив походную оловянную кружку с вином, чуть ли не залпом ее выхлебал, отер рот салфеткой и с видимым облегчением вздохнул.

— Вы ешьте, господин фельдмаршал, а я покурю — насытился!

Петр закурил папиросу, и тут тело словно пронзила истома. Перед глазами молочной белизной полыхнуло тело жены, ему захотелось его мять ладонями, впиться в пухлые губы поцелуем, насытиться...

— Като, Като — чем ты меня приворожила? — прошептал он еле слышно, зубы даже свело от внезапно нахлынувшей похоти. Ему остро захотелось женщину — ведь почти год провел в добровольном celibate.

За восемь лет их совместной жизни Петр ни разу не изменил жене, хотя возможности для того были воистину безграничными. Но он просто не мог смотреть на доступных красоток, тело их не желало категорически. И сейчас первый раз прорвало — сдерживать нахлынувшее желание было трудно.

И он, стремясь увести мысли в иную плоскость, посмотрел на Румянцева. Тот еле двигал челюстями, глаза осоловели от принятого в желудок груза, на блюде выросла горка костей и огрызков.

«Пора прекращать издевательство. Прямо очередная „Демьянова уха“ получается!»

— У вас, как я вижу, хороший аппетит, Петр Александрович! Только вы сейчас пару часов поспите обязательно, это приказ! Потом поговорим с визирем. Идите поспите, фельдмаршал!

— Спасибо, ваше величество, — тот с облегчением вздохнул и, выпятив тугой животик, встал из-за стола. Качаясь, как гусь, фельдмаршал бодренько добрался до отдернутого полога.

«Нужно как-то решать половой вопрос, иначе я от избытка гормонов кусаться буду!» — решил про себя Петр, и тут его осенило:

— Неелов, Денисов — ко мне! И лейб-медика сюда, пусть голову посмотрит — зудит!

Офицеры тут же ввалились в шатер, сделать это было не трудно, ведь они всегда находились рядом. Следом зашел и эскулап, начавший быстро щупать голову присевшего на стульчик Петра.

— Сделайте милость — поешьте! Добра сколько осталось!

Адъютант с казаком тут же принялись уничтожать остатки пиршества — привычное дело и почетное, ведь с императорского стола едят.

— Заживает ссадина, государь. — Пальцы медика быстро, но осторожно прошлись по голове.

— Вот и хорошо. Я посплю немного, а ты собери свои банки и склянки, а то воняют.

Петр прилег на кровать, закрыл глаза. Через ресницы посмотрел на офицеров — те с увлечением добивали завтрак, щедро наливая себе царского вина.

— Отдохнуть бы немного, — как бы про себя, но громко пробормотал Петр. — Эх, по жениной ласке соскучился, но где ж ее взять-то?

А сам подглядывал извечным хитрым способом и с удовлетворением заметил, как переглянулись Неелов с Денисовым, причем казак еле заметно кивнул в ответ. Потом офицеры вперили взоры в медика — тот только молча покачал вверх-вниз подбородком на их немой вопрос. После чего вся спевшаяся троица дружно расцвела улыбками.

«А ведь дело сегодня выгорит. Вернее, тело. И давно пора мужиком себя снова ощутить, а то все годы, кроме Като, ни одной юбки не задрал!»

Берлин

Король Фридрих устало откинулся на высокую спинку кресла — ничего не поделаешь, года свое берут. Тело давно просило отдыха, зато разум находился в лихорадочном возбуждении. «Брат Петер» его, давно поднаторевшего в политике и «съевшего» на ней зубы, крепко удивил. Еще как крепко — даже сразу и не подберешь слово.

Раздел Речи Посполитой между Пруссией, Австрией и Россией напрашивался давно,

слишком одряхлело ляшское государство, погрязло во внутренних междоусобицах и шляхетских вольностях. Видимое ли дело, когда любой пан, у которого штаны в заплатках, имеет право отправлять посольство ко двору любого европейского монарха?!

— Ха, ха, — король закашлялся смехом, как ворон. — Отправлять-то они могут сколько душе угодно, вот только кто их принимать будет?!

Два года назад мятежные паны собрались в Баре и устроили конфедерацию, подняв рокош против короля и власти. Столь удобный момент для вмешательства в польские дела Пруссия и Австрия упускать не хотели — ослабленного соседа всегда рвут в клочья. Вот только кайзер Петер повел себя странно. Нет, русские в польской Подолии и на Волыни вели себя сейчас чуть ли не как хозяева, но за счет чего?!

Сами устроили восстание православных гайдамаков и поселян, вооружили их до зубов и натравили на католическую шляхту. Теперь там повсюду такое веселье идет, хоть святых выноси. Зато Петер полностью обеспечил себе фланг и тыл для войны с турками, да еще де-факто изрядные земли прибрал, а теперь откровенно предлагает и ему округлить владения за счет раздела Польши.

Нет, мысль здравая, он сам давно о таком решении помышлял. Русские собирают под себя всех православных и Галицию, что когда-то Червонной Русью именовалась. Пруссия и Австрия делят собственно польские земли между собой. И пусть они меньше по размеру, зато обжитые, культурные и богатые. Есть что заграбастать — великопольские и малопольские земли, Силезию, Поморье и многое другое.

Сделка выгодная, а через сто лет германского орднунга польский гонор будет задавлен, а шляхта онемечена. Ведь и славянское Поморье долго упиралось, но сейчас-то оно полностью прусским стало, а померанские гренадеры лучшие солдаты в его армии.

Тем паче Петер предлагает дать Австрии кусок поменьше, дабы только аппетит у цезарцев раззадорить. Хватит с них и Тешина, а в Силезию лучше не пускать — незачем так усиливать вечного врага Пруссии и России. И вообще брат Петер не будет возражать, если брат Фридрих приберет себе все польские земли, включая две столицы — Варшаву и Краков.

Более того, у него есть предложение, которое вызовет у Пруссии несомненный интерес и позволит ей отказаться без ущерба от восточной части, население которой давно присягнуло на верность Российской империи.

— Ну что ж, посмотрим на твои предложения, любезный кайзер! — пробормотал Фридрих с издевкой. Императорский титул бывших диких московских царей постоянно смешил европейских монархов: те еще цезари выискались из татарской грязи. — Если твои предложения меня устроят, то я подумаю об обмене, но только справедливым и с большими процентами!

Коринф

— Это не солдаты, а сброд! — Кутузов в сердцах выругался.

Реплика относилась не столько к туркам, что шли в наступление нестройными толпами, сколько к грекам, для которых трехмесячного обучения явно было маловато. Даже присутствие обученных в Петербурге эллинов и русских офицеров не делало шеренги батальона ровными, как полагается при батальной линии, а про стрельбу и говорить не приходится.

Первый залп сделали греки, благо с новыми пулями фузеи палили на полторы сотни шагов дальше, вот только попаданий было до прискорбности мало — упали едва с десятков османов.

Второй залп был еще хуже, зато турки окончательно разъярились и нестройной толпой кинулись в атаку. Дикий рев и призывы к Аллаху привели гордых сынов Эллады в некоторое смущение, и их строй попятился, окончательно ломая линию.

— Аллах акбар!

— Пора бы и нам вмешаться! — подал голос за спиной Кутузова поручик Псаро, молодой грек, вот уже три года служивший в русской армии. Его хриплое и возбужденное дыхание было для майора понятным — турок чуть ли не вдвое больше, чем греков, а они и при равном числе всегда лупили потомков легендарных спартанцев в хвост и гриву. И ничего здесь не поделаешь, ведь за столетия османского владычества греки сделали пренеприятный для себя вывод, впитывающийся в кровь с молоком матери, — воевать с турками бесполезно, они всегда побеждают.

Вот и сейчас греки уже дрогнули и побежали бы без оглядки, если бы не знали, что за пыльной грядой скрываются две сотни русских стрелков с пушками. И еще одно мешало повальному бегству с поля боя — трусов офицеры могли застрелить прямо на месте. Кроме того, за спиной, укрывшись за холмом, давно ерзали в седлах с полсотни гусар.

— Пора! — коротко согласился Кутузов и приказал застывшему рядом горнисту в темно-зеленой егерской форме: — Давай сигнал!

Труба хрипло взвыла, и тут же раздался залп, убийственный и страшный для турок. Они просто не ожидали засады и повалились десятками, скашиваемые картечью русских пушек.

Кусты по гребню окутались многочисленными дымками — винтовки выплевывали пулю за пулей, свинцовый град прямо на глазах выбивал прорехи в густой толпе турецких ополченцев. Последним, совершенно необученным, этого хватило с избытком.

Горожане побросали свое немудреное оружие и, как ошпаренные кипятком родимые тараканы, стали разбегаться во все стороны с дикими криками, в которых Кутузову сразу послышались знакомые нотки: «Ратуйте, правоверные, наших бьют!»

— Труби атаку! — закричал Кутузов и выхватил из кобуры тяжелый револьвер с длинным стволом, царский подарок. И не успел отзвучать в раскаленном воздухе призыв горниста, как добрая сотня егерей стала скатываться по склону, оцетинившись штыками.

Другая половина русских стрелков продолжала убийственный огонь, спешно перезарядив винтовки, да и пушкар лихорадочно возились около своих орудий, отбросив в стороны скрывающие позицию, заранее срезанные кусты. Такая нехитрая маскировка в сочетании с грязно-серыми полотнищами и обеспечила для засады полный успех.

— Ура!!!

— Аллах акбар!

На звонкий русский клич не менее громко прокричали ответ три сотни уцелевших османских пехотинцев и сипахов. Матерые воины не побежали, а с фанатичной решимостью бросились в атаку, большей частью на греков, резонно, на инстинкте, сообразив, что тех хоть и много, но с русскими связываться дороже выйдет.

И правильно сделали — Кутузов отдавал им должное. Из-за холма выскочили гусары, рассыпались и принялись с радостью рубить убежавших горожан, ибо нет занятия более сладостного для кавалерии, как преследовать охваченных паникой и побросавших оружие пехотинцев. На своих двоих от верхового не убежишь, хотя чудеса, конечно, случаются, а дикий страх придает резвости даже хромым.

Греческая «фаланга», видя избиение турок, радостно взвыла и, сломав окончательно строй, кинулась на подбегающих турок. Теперь эллинов стало вдвое больше, и они, воспрянув духом, решили тоже поучаствовать в рукопашном бою.

— И дали же мне под команду безмозглых идиотов!

Кутузов зло сплюнул тягучую слюну с пылью, глядя, как две толпы сошлись в ожесточенной схватке. Причем сразу бросилось в глаза, что османы явно пересиливают.

— Теперь потери неизбежны... Псаро! Бей в спину, иначе они твоих соплеменников

запросто вырежут!

Петропавловск

Высокая гора высилась над просторной бухтой, на берегах которой притулился маленький городок — сотня бревенчатых домов, церквушка с золотистой луковкой, пара часовенок, трактир да несколько присутственных зданий. Среди последних особенно возвышался двухэтажный «дворец» наместника, сложенный из аршинных в толщину бревен.

И сопка, и бухта носили название Авачинских, а городок — Петропавловска-на-Камчатке, названного так в честь святых апостолов Петра и Павла. Правда, злые языки шутили, что название прижилось благодаря одноименным кораблям отряда командора Беринга, что несколько десятилетий тому назад вдоль и поперек бороздил здешние воды.

К краю бухты, у самого городка высились мачты большого брига под Андреевским флагом, более скромного в размерах галиота, парочки кургузых кочей, с пяток совсем мелких суденышек да россыпь рыбацких стругов. Их можно было не приметить, совершенно потерявшихся на просторной глади, способной вместить в себя весь флот не маленькой европейской державы.

У бревенчатой крепостицы, на валах которой совсем беспомощно топорщили тонкие стволы с десятков пушек, царило невиданное в прежние времена оживление. Ну, может, когда отряд легендарного командора уходил в первый раз открывать неведомые земли.

Собравшиеся на берегу десятки горожан напряженно всматривались в море, вот только разглядеть что-либо было совершенно невозможно на бескрайней глади. В башне крепостицы этим же делом, но используя подзорную трубу, занимались и два самых влиятельных в этих краях человека — старый наместник и моложавый комендант крепости, порта, да и всего города, а также губернатор Камчатки. Такое совмещение постов при местной неприхотливости и малолюдстве никого не удивляло...

— Федор Иванович! А парусов-то много!

Иван Орлов чуть ли не подпрыгивал на месте, глядя в свинцовую гладь моря через подзорную трубу, и впервые в жизни жалел, что он не моряк, не обучен узнавать корабли по их рангоуту. Да как узнать, если даже в мощную трубу видны только белые пятнышки!

— Чьи корабли-то, Федор Иванович?

— Ты трубу отдай! Как я их разгляжу?

Крепкая рука вырвала у Орлова подзорную трубу, и тот понял, что наместник возбужден не меньше его, только скрывает это хорошо, с годами привычку выработав. Старый морской волк, изъеденный солью, смотрел долго, молча, напряженно.

— Три корабля, — наконец сказал Сойманов изнывающему от нетерпения Ивану. — А ведь это могут быть и наши. С Петербурга пять вышло, дорога дальняя и трудная. Это очень хорошо, что трое до нас добрались.

— Сегодня в гавань войдут?

— Что ты! Им еще миль пятнадцать плыть, а ветерок встречный. Куда ж на ночь-то! Лавировать будут вдоль берега, ночушку переждать, а с рассветом в бухту двинутся, так и узнаем, кто сюда пришел.

— Хоть бы наши! — с надеждой воскликнул Орлов, нетерпеливо вырвав у наместника трубу. Тот на это не обратил внимания — молод еще, горяч. Хотя молод с высоты его лет — в сорок лет любой мужик в самом соку, зрелый. А эти братья все такие, как огонь, порывистые.

— Могут и других земель корабли эти быть или даже враждебные. Мало ли кто в нашу войну с Турцией вмешался! Про наши-то края в Европе известно, могут и послать фрегаты...

— Так что делать будем, Федор Иванович?!

— Ты комендант, тебе и командовать! — рассудительно ответил старик и посмотрел на разгоряченного Орлова.

— Сей же час отправлю казаков вдоль берега, пусть смотрят. — Иван совсем не замечал хитринки в глазах Сойманова. — И батарею к бою приведу! И мужикам ружья прикажу раздать!

— Моим галиотом, что в бухте стоит, тоже можешь командовать! И кочем! Только зря людей не гоняй — до утра времени на подготовку хватит!

— Тогда я пошел, Федор Иванович! — И, не дожидаясь разрешения, Иван мячиком скатился по ступенькам деревянной вышки, на которую они забрались, получив сообщение. А старый адмирал хитро улыбнулся — пусть побегают гвардеец, зато знать будет, как свой город от супостата оборонять. Вот только боя не будет, в этом старик был полностью уверен — сердце в груди радостно билось, а то к добру...

Кагул

— Знаете, что я сделаю, визирь?

Вопрос Петра был задан в пустоту, хотя толмач его тут же громко перевел, копируя даже ехидную интонацию.

Халиль-паша сидел безучастно, положив руки на полы истрепанного, прожженного во многих местах халата. Он давно умер, Петр понял это по его помертвевшим глазам, а потому не стал разводить восточные политесы.

— Я отпущу вас в Константинополь! Отпущу на гибель — там вас посадят на кол, найдут козла отпущения за этот разгром. Новый визирь соберет войска, янычар у твоего султана еще много. И чем больше соберут воинство, тем лучше и для вас, и для меня.

Пока толмач переводил, Петр закурил папиросу, с надменным видом глядя на безучастного турка. Смерть того не пугала, а это было хорошо. С такими договариваться можно. Турок с тем же видом полного равнодушия сказал несколько фраз.

— Государь, Халиль-паша спрашивает — почему?

— Разом всех и истреблю! Наши новые ружья вы видели? И для Турции хорошо будет — оставшись без войска, султан подумает три раза, прежде чем войну продолжать. Да, кстати, визирь, — что у вас делают с разбойниками, что запустили свои лапы в султанскую казну, а благородных османов, тех, кого поймали, продают в рабство? А то я не знаю ваших законов...

— Умертвляють без жалости, на страх другим, а всех родичей, до третьего колена, ждет рабская участь! — Толмач громко перевел тихую речь визиря, что впервые глянул на Петра с некоторым интересом. Уж больно необычен был вопрос.

— Что ж, я поступлю в точности по вашим законам, раз вы так сказали, — Петр еле сдержал злорадство, продолжая говорить тем же ледяным тоном, и указал рукою на «крымский фолиант»: — Народец, что в Тавриде обитается и под вашим покровительством находится, двести лет с нас кровь пьет. Русскими рабами на территории Османской Порты везде торгуют. Здесь описаны все разбои крымских татар, возьмите, почитайте на досуге. Ибо к зиме этой о народе сем вы услышите, что покаран он нами за свои преступления. А Таврида и другие земли, где стоят русские солдаты и народы которых мне присягнули, навечно останутся под нашей защитой. И своим детям со внуками и правнуками я это накажу. Потому и лелею надежду, что на мир вы не пойдете, ибо тогда многого лишитесь за свое упрямство!

Петр усмехнулся, глядя, как оживились глаза визиря, как он вскинулся, и потому не дал тому время для отповеди, заговорил первым:

— Ларга, Рябая Могила, Морейя и Кагул вас ничему пока не научили. Нужны более серьезные потрясения? — Он остановился и решил рискнуть. — Вам нужно зарево Чесмы и Константинополя, вам нужно узреть Крым без разбойников, чтоб убедиться в моих словах?!

Хорошо, вы это увидите, но помните — сейчас я остановлю войну, которой я не желаю, на этих условиях. «Дикое поле» и Крым станут моими, как Очаков, Молдавия, Кабарда и Кубань. Народ Мореи пока мне не присягнул и может остаться за вами, но я требую одного — за то, что вы оскорбили меня и опозорили моего посла, подвергая его унижениям и издевательствам, Порта должна дать достойное возмещение моей чести. От этого я не оступлюсь!

— Какое возмещение, спрашивает визирь, ваше императорское величество? — осторожно сказал толмач. Петр возликовал — турок допустил вопиющую небрежность, а ведь он дипломат.

— Две крепости — одну на Босфоре, другую на Дарданеллах! И свободный проход наших кораблей через проливы! А крепости нужны для того, чтоб вы от своих слов не отказались. Более от вас мне ничего не надо, я готов подписать с вами на этом вечный мир за себя и своих потомков. Понимаю, что вам нужно время, чтоб убедиться в серьезности моих намерений. Ну что ж — до зимы у нас еще есть время для баталий. Собирайте войска, визирь!

Петр остановился, глядя на злобно горящие глаза турка, и решительно закончил разговор:

— Но помните — мой дед воевал со шведами двадцать лет, но своего добился. Если до будущей весны вы не заключите мир на этих условиях, то я буду даже рад, ведь тогда русские будут воевать с вами в полную силу, и у нас найдется чем еще вас поразить. Вот только тогда условия мира станут для вас намного тяжелее, намного, визирь. Ну, а пока у вас еще есть время, чтобы убедиться в серьезности моих намерений!

Петербург

— Я думаю, вы правы, любезный Алексей Петрович!

Императрица помахала чуть веером, охлаждая разгоряченную кожу лица. Столица последние дни июня прямо изнывала от жгучего солнцепека, непривычного для северного лета, даже нельская вода не могла остудить своей прохладой накаленный за день воздух.

— Вашим императорским величествам следует и венскому императорскому двору дать искушение! Чем больше цезарцы вознегодуют на Пруссию, а еще лучше — сцепятся с пруссаками за Тешин, тем лучше для нас!

Вице-канцлер Бестужев, сгорбленный старичок, даже чуть хихикнул от распираемой внутри обычной для него зловредности, но так, украдкой, чтобы императрица не заметила.

«Старикашка верен моему мужу как пес! Зело зловреден и мстителен. Он и Миних — два сапога в пару. Или пара? Как правильно говорят? Хотя и не любят зело старики друг друга, но на моего супруга в две силы работают усердно, в этом им не откажешь. А ведь меня он уже двадцать лет стойко ненавидит, как я сюда приехала. Моего мужа, наоборот, боготворить стал, хотя раньше к нему относился весьма худо. Да и пословица на то есть — от любви до ненависти один шаг. А раз это есть, то и ненависть в любовь переродиться может. Может?!»

Екатерина замерла — мысль поразила ее, но свое лицо она держала непроницаемым, ибо Бестужев матерый волк, любую гримасу правильно прочитать может. И из ума он не вышел, хоть и ровесник Миниху, наоборот, еще зловреднее стал, будто и не сидел в ссылке.

Петр Федорович вернул его на прежнее место вице-канцлера, вершителя внешней политики Российской империи, и не прогадал — Екатерина Алексеевна, несмотря на стойкую застарелую неприязнь, отдавала должное этому старому хитрому лису. Тот даже приоритеты резко сменил — теперь цесарцы для него лютыми врагами стали заодно с французами. Они с англичанами и пруссаками местами поменялись, и на то были свои политические расчеты. Недаром говорят, что вчерашний враг может стать нынешним союзником и другом в будущем.

Что и произошло на самом деле. Англия помогает проводить корабли с Балтики в Архипелаг, предоставляет свои порты для ремонта. На верфях строятся для России корабли, а Портсмут чуть ли не родным домом стал для русских моряков. Но и дерут за услуги и помощь

тоже неплохо — недаром на Туманном Альбионе торговцам рыцарские звания жалуют. В полцены турецкое добро покупают и с накруткой перепродают соседям, тем же французам, что турок чуть ли не на содержание взяли.

И с пруссаками дела почти уладились — кениг Фридрих, «добрый дядюшка Фриц», оружием перестал бренчать, затаился и выгадывает, кто же верх возьмет — османы или русские. Если турки, то кинется возвращать Восточную Пруссию, а если русские, то задумается надолго.

— Я думаю, ваше величество, король Фридрих примет наши условия. — Старик словно прочитал ее мысли. — В противном случае, начни войну против нас, он будет ждать удара в спину от Австрии. Цезарцам не нужна слишком сильная Пруссия. К тому же польские дела не урегулированы, и пока не произойдет раздела, воевать они не будут.

— А мы выиграем время, любезный Алексей Петрович! — Като улыбнулась своей знаменитой чарующей улыбкой. — Я прошу вас сегодня быть во дворце на малом приеме.

Она лукаво посмотрела на изумленного вице-канцлера и с самым ласковым видом добила того, добавив:

— «Домашнем» приеме, Алексей Петрович. Я о том отпишу своему царственному супругу, он будет очень рад, что мы нашли с вами согласие.

— Премного благодарен, ваше императорское величество! — Бестужев поклонился чуть ли не до пола, а потому Като не заметила, как зло сверкнули его отнюдь не старческие глаза.

Давняя неприязнь имела более глубокие корни, ибо в *те* времена Бестужев служил больше России, чем себе, а ее высочество только себе, а потом России. И то, если не затрагивались интересы ее «доброго дядюшки Фрица», про которого имелись надежные сведения, что именно он является настоящим отцом этой «милой» Фике, чей голос похож на шипение гадюки...

Ауза

— Истреблен и в пепел обращен!

Вице-адмирал Спиридов отложил перо в сторону и посмотрел в открытые окна флагманского салона. Жара одолевала, и даже легкий морской бриз, что врывался вовнутрь, не нес ощущаемой прохлады. Спиридов тяжело вздохнул: в его возрасте было тяжело поменять сырую, но родимую Балтику на лазурные воды теплого Эгейского моря. Трудненько...

Сейчас Григорий Андреевич писал донесение императору об одержанных русским флотом победах при Хиосе и Чесме. Реляцию писал восторженным тоном, но свою роль не выпячивал, больше живописуя мужество и храбрость, причем заслуженные, своих подчиненных. И так ясно, кто флотом командовал, а излишнее напоминание о том могло несколько разозлить Петра Федоровича — государь не любил как хвастовство, так и стягивание «одеяла славы».

Имел уже опыт убедиться в такой реакции монарха Григорий Андреевич, были примеры. Сие чревато, а потому опускаемо в тексте реляции. Что награда будет, причем щедрая, то сомнений не было. «Голубая кавалерия» и чин адмирала самое меньшее, а то и еще будет вознаграждение, если командор Грейг прорвется в Черное море и хотя бы чуток постреляет по Константинополю, наведя побольше ужаса на турок.

— Тогда османы намного сговорчивее станут! — хмыкнул зло старый моряк и тяжело встал из-за стола. Взял холстину, вытер пот и почувствовал облегчение. Жара, даже в одной рубашке тяжело сидеть. Хорошо, что государь форму старую отменил, а то была бы маета в камзолах да париках, вот бы тогда упарился.

— Нужно султану бороду хорошо подпалить! — припомнил адмирал слова императора и зловеще улыбнулся. Русский флот уже овладел Эгейским морем, изгнав отсюда турецкие корабли. Более того, полностью освобождена Морея, а в Наваринской бухте после взятия в мае крепостей эскадра получила надежную стоянку.

И здесь, в Аузе, на островке посередине Архипелага, можно корабли базировать, даже строить мелкие суда, верфь уже заработала. Десятки греческих капитанов предложили свои услуги, и Спиридов охотно принял их на русскую службу, раздав офицерские патенты, русские Андреевские флаги и каперские свидетельства.

Теперь флот пополнился крейсерскими кораблями, для вооружения которых на его линкоры в Петербурге были погружены в трюмы десятки легких корабельных пушек. Да и канониров взяли с избытком в экипажи по настоянию императора — теперь есть кому из тех пушек стрелять, ибо из греков артиллеристов делать занятие долгое и утомительное. Неучи они, зато моряки лихие — захватили десятки турецких судов, наполнив казну законной третью проданной в разных странах восточных богатств — от шелков до кофе и благовоний.

Теперь русская эскадра уже не просила денег из Петербурга, наоборот, свыше полумиллиона рублей золотом и серебром имелось в ее казне. Да и богатые «призы» стали постоянно отправляться на Балтику, адмирал и не представлял раньше, насколько большую добычу можно взять с османских владений на Средиземноморье. Хорошие воды для пиратства, то есть каперства, набеги можно еще долго совершать, а турецкие порты, верфи и корабли сжечь дотла.

— А теперь, государь... — адмирал сел за стол, взял в руки письмо и продолжил писать донесение, громко выговаривая слова. — Флот твой властвует в здешних водах!

Юконский острог

Алехан мечтал, лежа на горячих камнях, прогретых жарким северным солнцем. Это он сразу приметил в этих холодных северных краях. Лето короткое, июнь и июль от силы, да и то по трети от каждого месяца отрезано. Но очень жаркое, будто за эти несколько недель земля старается согреться про запас на всю долгую и суровую зиму.

Мечты у бывшего офицера конной лейб-гвардии были насквозь прозаические, вернее, им завладели практические желания, вполне выполнимые, а потому мечтами не считаемые. Дождаться брата с подмогой, добраться до острога и завалиться на полку в горячо натопленной баньке. И пусть нет пива, зато имеется квас! Шипучий напиток вылить на раскаленные камни да хорошо посидеть, прогреться в хлебном пару, чтоб запах голову кружил, о подзабытом отцовском доме напомнил.

После баньки, с устатка великого, водочки, на перчике настоящей, пару стаканчиков пропустить и дыхание задержать, чтоб горячая влага огненной струйкой опустилась в желудок. Дело божеское, предками завещанное — после баньки ядреной, хоть порты последние продай, но водки выпей пару чарок, чтоб душеньку попотчевать.

И пусть соленого огурчика здесь днем с огнем не найдешь, да и грибочков нет с квашеной капусточкой... А как хорошо наколоть на ножик вытащенный из бочонка хрустящий рыжик! Ощутить запах чесночка и листов смородины и укропа, которыми грибочки перекладываются, да смачно закусить... Но ничего — и малосольный кус лосося тоже подойдет, еще бы ему не пойти под водку-то. Под нее, родимую, даже черствый сухарь соколом пролетает, а ежели жрать нечего, то и запеченные лягушки со змеями закусь неплохая. Вон французы под свою кислятину их живьем поедают, и ничего, жизни только радуются!

Алехан скривился, на секунду представив, что сует в рот живую квакушку, а та пищит, растопырив лапки. Нет, не по нему такая закуска! Сожрать он ее живьем, конечно, сможет, но только на спор или когда подопрет. А так, запросто гадость жрать, когда еды навалом?! Это они от безделья маются! Тот повар, француз, что им суп варил в Петербурге?! Убить мало за такую стряпню! Разварил очищенные луковицы до лохмотьев, гренков накидал в кастрюлю немного, как шлюпок после кораблекрушения, — и пожалуйста, господа, кушать. Они вчетвером его

самого заставили всю кастрюлю съесть — бедолагу потом неделю пучило. Зато урок впрок пошел — дурью повар больше не маялся, перешел на мясо и осетрину...

В душе внезапно проснулся рассерженный кот, взвыл гнусным и противным мяуканьем. Еще не понимая, что произошло, но доверяясь инстинкту, Алехан отвалился в сторону и перевернулся на спину:

— Твою мать!!!

В камень, на котором он только что лежал, со скрежетом ударились две стрелы, с сухим треском сломались древки. Рядом захрипел казак, выворачивающий душу стон заставил Алехана обернуться.

Кузьма дергался на полсти, из-под бороды торчала длинная стрела с черным оперением. Казак выпучил глаза, изо рта хлынула кровь, он силился что-то сказать. Но снова взвыла душа, и Алехан отпрыгнул от станичника и вскинул винтовку, пока не понимая, куда нужно стрелять:

— Ох, твари поганные!!!

Казака пронзили две стрелы, прямо в грудь попали — станичник распластался на камнях, тело несколько раз дернулось и застыло. Еще одна стрела чиркнула Алехана по волосам, и только сейчас он понял, откуда стреляют по нему колоши. Холодея в душе, он обернулся и посмотрел вверх.

— Все, писец! Пропал! — Только и промолвил гвардеец, машинально вскидывая винтовку и с отчаянной безнадежностью понимая, что жить ему осталось считанные секунды. Только бы успеть хотя бы одного врага с собой прихватить...

Кагул

Русский лагерь гулял, хорошо гудел, как могут оторваться лишь наши мужики, пусть и одетые в военную форму. И как не погулять — супостатов изничтожили, вражеских войск и за три перехода нет. Отчего ж не отметить победу?! Тем паче бочонки с водкой по приказу самого царя служивым выкатили и щедро каждому из ковшей наливают.

И закуска знатная прилагается — на десятках горящих костров крутили на вертелах пригнанных молдаванами молодых бычков. Подходи смело, отмахни любой приглянувшийся кусок да порадуй душеньку...

Вот только у Петра радости на душе не осталось. Он объехал поле сражения. И сейчас Петр верил тому, о чем говорил старый священник, — он живет за других. И чтобы этот мир стал лучше того, в котором жил раньше, с его изломанной судьбой, вечным рабством, неважно, крепостное оно или сталинско-колхозное. С революциями, с террором, с льющейся реками кровью...

Только сейчас он осознал, какую чудовищную ношу попытался на себя взвалить. Все они, погибшие — и бедняга Гудович, и старик Тихомиров, и драгун, что тогда в Гостилицы новости об отраве привез, и многие другие, — все они эту ношу на свои плечи взвалить пытались. Погибли, его спасая. И другие найдут свою смерть, на кого он ношу эту взвалит опять, и иного просто не дано. И выбор за ним — кого избрать на этот раз...

Петр сейчас хотел только одного — забыться. Нажраться, натрахаться, а утром все выблевать. И забыть хоть частично, чтоб меньше душу саднило... Он подошел к накрытому столику, налил себе вина и выпил залпом. Посмотрел на легкую закуску и взял с блюда черешню. Сочная, крупная, манящая — как жена. Жена...

— Государь, вам надо отдохнуть. — Лейб-медик осторожно приблизился к нему, тихо зайдя в шатер. Петр хмыкнул, он понял, что его ожидает, и бухнулся на кровать — и не походную, а широкую, мягкую, станичники из конвоя явно в какой-то усадьбе позаимствовали.

И другие приметы были весьма характерны — солдат от императорского шатра неприметно

отодвинули, все подходы перекрыты на удивление трезвыми станичниками. И генералы как-то понимающе смотрели, с проблемами не лезли, даже на глаза старались не попадаться. Интересно стало — какой же сюрприз ему на эту ночь подготовили, чем решили своего поильца и кормильца утешить?

Проворный Нарцисс зажег три свечи, расставив их в разных углах шатра, потом при помощи медика снял с него обмундирование. Петр, нагой, как Адам до грехопадения, улегся на кровать и сразу ощутил подзабытый запах чистого постельного белья. Арап тут же накрыл его легким одеяльцем и, поклонившись, вышел из шатра вслед за эскулапом.

С минуту Петр лежал, гадая, что сейчас начнется. И тут за полотнищем раздалась довольно приятная музыка, явно играли на чем-то струнном.

«Решили меня восточным колоритом побаловать? Тогда танцовщицы сейчас должны появиться!»

И не успела мысль пробежать, как вовнутрь скользнули три девичьи фигурки, одетые в разноцветные шелка и блестящие ожерелья, и начали танец, медленный, грациозно изгибаясь тугими телами.

Хотя назвать их одетыми было сложно — шелк совершенно не скрывал прелести и был настолько прозрачным, что он видел даже мельчайшие складочки и родинки. Мелодия вскоре начала убыстряться, забил в такт барабан, и раздалось знакомое жужжание пчелы.

Петр вначале опешил — неужели пчела проникла в шатер, и вспомнил — в повести о Ходже Насреддине Соловьева писалось о танце «Укус пчелы», восточный стриптиз, право слово. Сейчас он все увидит собственными глазами, выбор большой — три танцовщицы! Сдобные, прелестные, видно, верный Денисов по-казацки рассудил здраво и обстоятельно — кашу маслом не испортишь.

Мелодия все убыстрялась, «пчела» носилась словно обезумевшая, а девушки метались и изгибались, стремясь отклониться от ее укуса. Шелка слетали с них разноцветными лентами, открывая притягательные изголодавшемуся взору прелести. И внутри закипело — он, возбуждись до чрезвычайности, стал ерзать по кровати.

Девичьи тела, покрытые капельками пота, притягивали внимание своей доступностью, ему захотелось вкусить солоноватость их кожи, сжать в тисках своих объятий. Нетерпение обуяло его со страшной силой, и он не стал сдерживаться — вскочил, кинулся на смуглянку, что танцевала в центре. В ладони попала грудь, два тугих резиновых мячика, которые он стиснул с невиданной силой.

Танцовщица застонала, то ли от боли, то ли от страсти, Петр просто не придал этому значения. Какие ласки и поцелуи — в нем проснулся похотливый зверь. Не обращая внимания на двух извивающихся девушек, он швырнул смуглянку животом на кровать и снова сжал в ладонях округлости, на этот раз другие. Девчонка страстно застонала и приподняла попку, и он захотел туда ворваться, проткнуть насквозь, утолить пожар. Пальцы сдавили бедра еще сильнее, он рывком рванул ее на себя.

Похотливый стон затронул мозг, а память тут же показала искаженное любовной страстью лицо Като в ту, первую, их ночь, вернее, вечер. Прокушенную губу, раскинувшиеся на подушке черные волосы. И будто на разгоряченное тело разом выплеснули два ушата ледяной воды, которые напрочь смыли похотливый порыв, а восставшая плоть разом обмякла.

Петр стоял, хрипя от ярости. Девчушки со страхом, даже с ужасом смотрели на него. А он не мог...

— Денисов!!!

— Я здесь, государь! — за полотнищем раздался голос казака: а где ему быть прикажете — он же не порнушку слушать остался, а его охранять, работа у станичника такая.

— Девки откуда?

— Из гаремов пашей набрали. Все здоровы. Медикус их проверил!

— Отдай казакам, но только женами. Они того стоят. И не обижать! А теперь уходите все, мне одному побыть нужно!

Забыв про шелка, нагие девчонки улетучились из шатра, изгнанные свирепым рыком императора, а Петр подошел к столику и одним ударом смел с него все.

— Като! Что же ты со мной творишь?!

Берлин

— Русские говорят, что худой мир стоит доброй драки... — Король задумчиво разглядывал через окно ровные дорожки парка, который недаром считался самым красивым по всем германским землям. — А Фике мне пишет, стоит ли худой драки добрый мир между соседями...

Фридрих, которого позже назовут Великим, отошел от окна и уселся в кресло. День заканчивался, нужно было принимать ответные решения, огласить которые завтра русскому послу, потом написать письма императорской чете да озадачить вице-канцлера на предмет заключения всестороннего соглашения и особенно предлагаемых Петером секретных статей.

Он щедр, неслыханно щедр, этот русский император, но хорошо быть таким добрым, отдавая чужое добро. Искушение слишком велико. Россия предлагает Пруссии стать гегемоном во всей германской земле и, в случае необходимости, силой разрешить прусско-австрийские разногласия в Саксонии и Силезии, и за Эльбой, и на Рейне, везде, где только слышится германская речь.

Все было бы превосходно, только из этих земель исключались Восточная Пруссия, Курляндское герцогство и земли Шлезвиг-Гольштейна, что отойдут России, ну и собственно австрийских владений. Следует подумать и над тем, что Священная Римская империя германской нации должна сиять под дланью прусских королей, а не венских цесарей.

И аргументы соответствующие можно приложить — Россия даст взрывающегося «гремучего камня», что найден в Сибири, для снаряжения огромного количества патронов, поможет с выпуском барабанных винтовок и предоставит вооруженную силу сразу по окончании войны с Турцией.

Плюс в качестве дополнительного бонуса Пруссии отойдет вся католическая Польша, но без православных земель и Курляндии. Кроме того, между ним и русским кайзером будет заключен вечный союз, подкрепленный взаимной военной помощью, которая будет оговорена в специальных секретных статьях и огласке не должна подлежать, так же как и территориальное «деление».

Заманчивое предложение, неслыханно щедрое. Если оно честное и будет осуществлено, то объединение германских земель под его властью стоит Восточной Пруссии, и не только. Он даже отнимет у датчан Шлезвиг и отдаст брату Петеру, а если потребуется, то еще с чем-нибудь расстанется без малейшего сожаления.

Что еще хочет от него Петер — переселить в Россию несколько десятков тысяч немецких семей? Без проблем, пусть только платит за переезд. Деньги у русских немалые, недаром по всей Европе слухи идут о сказочных золотых россыпях в заснеженной Сибири.

— Это стоит Восточной Пруссии! — произнес король, но уже без привычного тягостного вздоха. Мысленно он впервые сегодня подумал о ней без сожаления. Русские тоже должны получить свой кусок за такое усиление Пруссии. Фике права — союз его королевства с Российской империей позволит им на века установить свою гегемонию не только в Европе, но и в мире. Нужно только все тщательно обдумать и предложить русскому царю некоторые

уточнения и дополнения.

Вот потом и можно будет закрепить союз, для того и существуют разные способы, включая династические браки — русская чета на старости лет стала чрезвычайно плодovитой, Фике уже сорок лет, но рождает детей, как молодлица.

Король усмехнулся, и тут ему на память пришел Генрих Бурбон, что несколько раз переходил из католичества в протестантство и в конце концов водрузил на себя французскую корону.

— А ведь король Генрих прав — Париж стоит мессы! А корона императора германской нации — Восточной Пруссии! Ее можно будет и вернуть... Со временем...

Мраморное море

Попутный ветер надувал паруса, и корабли ходко шли вперед, рассекая волны запретного для русских Мраморного моря. Расхаживая на шканцах, Грейг неожиданно вспомнил, что чуть ли не три четверти века тому назад лишь одинокий русский линейный корабль «Крепость» под командованием капитана Памбурга посетил здешние воды.

Тогда, по приказу царя Петра Алексеевича, на нем доставили в Константинополь русского посла, что провел с турками переговоры. Время было еще то — до начала войны со Швецией оставались считанные месяцы, и нужно было заключить мир с османами на юге, чтобы начать войну за Балтику.

Прибытие «Крепости» наделало много шума, как и строительство русскими большого флота на Дону, и закладка порта Таганрога на Азовском море. Демонстрация русского флага на Босфоре принесла успех — турки согласились оставить в руках Петра взятый на шпагу Азов и подписали мир.

Однако через 12 лет, после злосчастного Прутского похода, Петр Первый потерял все свои южные завоевания. Азов был отдан обратно, Таганрог срыт, а флот разломан или продан тем же туркам.

Через четверть века началась новая война — Миних взял Очаков и даже ворвался в Крым, но предательство австрийков, заключивших мир с османами за русской спиной, свело на нет все завоевания. Воевать один на один с одряхлевшей, но еще грозной Оттоманской Портой царица Анна Иоанновна не посмела, да и разорена была страна бироновщиной основательно.

Сейчас Грейг испытывал чувство невероятной гордости — в первый раз русские корабли прошли Дарданеллы, и если Господь дарует удачу, то завтра поутру все матросы и офицеры увидят легендарную святую Софию, посмотрят на Константинополь — христианский град, захваченный магометанами. И разнесут все в клочья, держа Андреевский флаг честно и грозно!

— Завтра, все будет завтра... — прошептал капитан-командор и, прижав к глазу подозрную трубу, стал оглядывать идущую за ним кильватерной колонной эскадру линкоров.

Семь кораблей и три фрегата шли быстро, не отставая, не разрывая длинную линию. Греческие каперы тянулись далеко сзади, справа и слева от эскадры, перегородив большое пространство тонкой цепочкой. Фрегаты и каперы уже начали боевые действия — словно сеть была накинута на множество сновавших по морю турецких шебек, фелюк и прочих суденышек.

Никто из османов почти не оказывал сопротивления — торговцы, что с них возьмешь! Вернее, взять можно многое, вот только возиться было некогда. «Турок» не жгли — подходили вплотную и брали на abordаж. Затем греки быстро выгребали все самое ценное, походя резали экипажи и быстро проламывали днища.

Лишь с двумя встречными военными шебеками пришлось чуток повозиться. Первую, опрометчиво подошедшую к флагману, отправили на дно одним залпом. Вторую — там турки заподозрили неладное и попытались удрать — догнали фрегаты и, взяв с бортов, расстреляли.

Потому Самуил Карлович и не находил себе места, расхаживая по шканцам и глядя на багровый закат солнца. Если турки всполошились, то у столицы их будет ждать «горячая встреча» — в порту Скутари, напротив Константинополя, как ему сообщили, турки имели три линейных корабля, по 60–70 пушек да с десятков многопушечных фрегатов и шебек.

А это означает бой с неизбежными потерями! Да и через Босфор пройти будет невероятно трудно — в узостях пролива турецкие береговые пушки могут причинить серьезный вред и уполовинить русскую эскадру. Этого Грейгу не хотелось категорически — он обязан довести флот до Очакова, где его будет ждать император.

Одна надежда, что турки не обратили внимания на стрельбу или новости о прорыве эскадры не достигли еще Константинополя. Тогда можно попробовать захватить османов врасплох, и такую возможность Грейг упускать был не намерен. А потому капитан-командор решил идти и ночью, благо луна хоть и пошла на ущерб, но светила ярко, да и лоцманам море было знакомо как свои пять пальцев.

— Лишь бы турки не всполошились раньше срока... — прошептал Грейг сквозь зубы и тихо стал читать молитву, чуть ли не впервые так искренне обращаясь к Всевышнему за помощью.

Юконский острог

На вершине соседней скалы, что возвышалась в сотне шагов, Алехан увидел трех индейцев, которые накладывали на тетивы новые смертоносные стрелы. Счет шел не на секунды, а на мгновения.

Он вскинул ружье, тлинкиты начали поднимать луки. Палец плавно потянул спусковой крючок, и фузея тут же оглушительно бабахнула, толкнув прикладом плечо. Клубок белого дыма на секунду скрыл от Алехана колошей, и он тут же сделал шаг в сторону.

Ногу обожгло чуть выше колена, но Орлов не обратил на это никакого внимания — все чувства, все мысли улетучились, когда он поймал в рамку прицела индейца, что уже отпустил тетиву. Он успел выстрелить и тут же откатнулся в сторону — внимание обострилось до того, что он ясно осознал, куда направлена выпущенная стрела.

И успел — та ударила в барабан, но, чиркнув с лязганьем по металлу, отлетела куда-то в сторону. На скале он увидел только двух индейцев, третьего рядом с ними не было, да и один из колошей выронил лук и, качнувшись, полетел вниз головой.

Краешком сознания Алехан отметил, что его пули не промазали мимо цели, и, неважно, убил он их или зацепил. В любом случае враги нашли здесь свою смерть: падение с двух десятков саженей, и не в воду озера, а на крупные валуны у подножия, чревато только одним — кровавыми брызгами во все стороны. Но любопытства он не ощутил — и так ясно, что колоши не орлы, с которыми туземцы себя отождествляют, и летать не умеют. Могут, только недолго, и крыльями не машут.

— Не успеешь, братец! Зато яко птица в воздушях будешь!

Мозг отстраненно шутил, зато глаза уже поймали третьего тлинкита в прицел. Палец отпустил крючок за мгновение до того, когда индеец, ощерившись, рывком потянул тетиву.

Не дотянул — стрела пошла вкось, а стрелок согнулся, покачавшись, на его груди расплывалось кровавое пятно, и рухнул вниз, вслед за своими незадачливыми соплеменниками.

Орлов облегченно вздохнул — жив остался!

— Ну, тлинкиты! Как они без шума на отвесную скалу вскарабкались?! Ведь невозможно такое представить, а они сумели. Эх, Кузьма, Кузьма, понадеялся зря на меня, а я сам все прошляпил... Тебя убили, а в меня...

Орлов посмотрел на ногу — чуть выше колена торчала стрела, но вот обжигающей боли он

почему-то не чувствовал. И только он об этом подумал, как в голове с ослепительной вспышкой взорвалось солнце. Алехан на несколько секунд полностью потерял ориентацию, а когда в глазах стала исчезать муть, вместо нее появилась оскаленная рожа индейца, и в уши ударил дикий вопль, исторгнутый аборигеном.

— А, сучьи дети! — взвыл Орлов, с матами кинувшись на врага. До него дошло, что колоши, пока лучники стреляли, а он не видел, что творится за спиной, вскарабкались по крутой насыпи. И вот этот пес ловко метнул в него каменюку и попал в лоб — хорошо, что не убил.

Индеец не успел встать, только закинул ногу на камень, как тут же получил прикладом по голове. В любой другой ситуации тлинкит бы увернулся, но не сейчас, когда он еще поднимался, а потому полетел вниз по склону, переворачиваясь всем телом на острых камнях.

На осыпи ползли еще двое отчаянных ловкачей, а внизу бесновались с десятков индейцев. В Орлова тут же снова стали стрелять из луков, но гвардеец упал плашмя, скрывшись за привычной защитой. Теперь нападения со спины он не ожидал, а потому все его три пули нашли своих жертв. Он взял винтовку казака — боль раздирала ногу — и, тщательно целясь, перестрелял полдесятка индейцев.

Остальные сразу сообразили, что их ждет, и порскнули в стороны, ища спасение за скалами. Но Алехану уже было не до стрельбы — перед глазами все поплыло, боль неожиданно пропала, и он почувствовал, как его разум начинает проваливаться куда-то в темноту. Последняя мысль лишь на секунду задержала это безостановочное падение, а губы успели прошептать:

— Все! Теперь они сюда залезут! И меня убьют...

ДЕНЬ ПЯТЫЙ

1 июля 1770 года

Гречиничи

Яркий, ослепительный свет ударил по глазам. Зажмурившись, Петр ощутил, как кожу ласкает тепло пригревающего солнышка: его не спутаешь с горячей печкой или с жаром в бане. И, решившись, он открыл глаза.

Тепло, зеленую травушку под ногами он увидел сразу, и кусты, покрытые листвой. Ноги, обутые в черные шнурованные остроносые туфли, стояли на знакомой серой тверди — асфальте.

«Никак в свое время вернулся?!» — мысль сверкнула молнией, и Петр поднял глаза. Перед ним чуть сбоку высился знакомый фасад собора Богоявления, по правую руку белая оштукатуренная стена. Знакомый до боли собор с колокольней. И он машинально сообразил.

— Никак снова в Иркутске?!

Но, чуть повернувшись, осекся, вытаращив глаза от удивления. Нет, это был, несомненно, Иркутск — собор Богоявления, рядом плывущий корабль Спасской церкви, возведенной еще при Петре Первом, голубая гладь Ангары, а напротив устье Иркуты со знакомыми очертаниями островов.

Но это был не Иркутск, вернее, не тот город, который он оставил когда-то. Увиденное потрясло Петра.

Где серая громада обкома партии, чем-то смахивающая на недоделанный крест? Исчез и хлебозавод. На берегу не было корпусов чаеразвесочной фабрики, не торчала труба ТЭЦ.

Перед ним раскинулась площадь Кирова, занимавшая и весь сквер, — огромная, оттого казавшаяся бескрайней. Вот только на противоположном краю не стояло желтое здание «Востокибугля», а высился Казанский собор, точно такой же, каким он видел его по фотографиям.

— Но он же должен стоять вместо обкома! — Петр недоуменно продолжал оглядывать площадь.

Напрочь отсутствовали гостиница «Ангара», здание института иностранных языков, госбанк и недостроенное чудовище, именуемое в народе «домом на ногах». Зато факультетские здания «универа» и «педа» выпячивали знакомые массивные фасады, построенные более века тому назад. И горсовет был, точнее, бывшая городская дума до революции, ибо надстроенный в советское время этаж отсутствовал.

Но главным было то, что стояло в седой древности, — Спасскую церковь опоясывали бревенчатые стены острога с воротной башней, что возвышалась на месте привычного «Вечного огня».

У распахнутых воротин замерли четыре ряженные фигурки — две в алых стрелецких кафтанах с бердышами, а еще двое были одеты казаками времен Ермаковских походов, с окладистыми бородками, в чекменях да с кривыми саблями.

Именно ряженные — вокруг сновали нарядно одетые горожане — женщины в туфлях и разноцветных платьях, дети в майках и шортиках, мужчины в легких рубашках и брюках различного фасона, но знакомых джинсов он не увидел ни у кого.

По площади проносились явно иностранные машины и автобусы, трезвоня сигналами. Огромные туристические автобусы с тонированными стеклами высаживали на площади группы туристов, явно иностранцев, судя по вавилонскому разноголосью, стоявшему над пестрым

скопищем, бликующим во все стороны фотоаппаратными вспышками.

— Однако! — только и выдавил из себя Петр любимое слово Кисы Воробьянинова и быстрым шагом, натываясь по пути на встречных прохожих, ринулся по набережной, которой не должно было быть — но она имелась. На него оглянулись с недоумением, но останавливать не стали...

— Этого не может быть! — прошептал Петр. Час беглого шага по набережной, облицованной камнем, оставил неизгладимое впечатление. Здания советской эпохи, включая «Интурист», отсутствовали, зато высились привычные деревянные и каменные дома в два-три этажа, старые, дореволюционные и оттого незнакомые.

Но некоторые сооружения он опознал — курбатовские бани, здание планетария, которое снова стало церковью, мост через Ангару. На той стороне реки вытянулось здание вокзала с куполом, да по Глазковской горе стояли старинные дома. Зато дальше высились небоскребы и широкие эстакады — примерно от политеха и покуда глаза могли уловить. Но плотины ГЭС не имелось — Петр был готов в этом поклясться.

Зато здесь, на берегу у острова Юность, стоял «Белый дом». Напротив здание музея, да на берегу памятник покорителям Сибири — там вместо шпиля, прозванного в народе «мечтой импотента», стояла фигура императора, как на старых фотографиях. По Карла Маркса можно было разглядеть драмтеатр Охлопкова — и все, на этом старое знакомство заканчивалось, и начинались полные непонятки.

Вместо стадиона «Труд» высились старинные корпуса и везде транспаранты — «Дашковскому университету 200 лет. 1776–1976». Именно надписи произвели на Петра неизгладимое впечатление.

— Так это Иркутск будущего? Причем не моего!

Петр помотал головой, как лошадь, отгоняющая слепней. На месте монумента «Борцам революции» стоял памятник — в кресле сидела женщина, державшая на коленях книгу, а за ней стоял мужчина, положив руку ей на плечо.

Рядом с памятником замерла группа туристов, которым что-то объяснял молодой экскурсовод. И Петр пошел к ним, надеясь хоть как-то разобраться в том, что произошло с Иркутском.

— Видите, господа, княгиня смотрит на памятник императору Петру, которого она боготворила. В ее кабинете есть портрет Петра Федоровича, вы его увидите. Он был написан в Иркутске, когда его величество посетил наш город. Именно император рисовал эскизы зданий, сделал нынешнюю планировку города, а чета Дашковых претворила в жизнь его начертания... — экскурсовод остановился и провел рукою. — И вот, ровно сто лет назад, в вековой юбилей университета, профессура и студенты собрали деньги на этот памятник. На нем, как вы видите, взгляд княгини направлен на монумент императору, который был поставлен десятилетием раньше. Хоть так исполнилась заветная мечта княгини — быть рядом вместе с Петром Федоровичем и любимым мужем!

Петр чуть не присел от услышанного и в полном смятении отошел. В растерянности он посмотрел на лоток, на котором были расставлены книги, и застыл, услышав за спиной легкие шаги.

«Я знаю, кто сейчас подойдет!»

Константинополь

Три собеседника в турецких халатах и фесках сидели, скрестив ноги, на ковре, что был расстелен на шканцах линейного корабля. Утренний кофе для османов дело святое, медный кувшинчик исходил паром, дастархан украшали блюда с восточными сладостями — шербетом,

халвой и прочими, неизвестными европейцам, но только не собравшимся этим ранним утром собеседникам, что вели разговор между собой на чистом английском языке, украсившем бы любое парламентское заседание. Иногда между ними явственно проскальзывали нотки и лондонского кокни.

Интересная была троица — один из них явно принадлежал к высшему свету Туманного Альбиона, с породистым лицом, холеными руками и льдинками высокомерия в прозрачно-голубых глазах. Приставка «сэр» ему более всего соответствовала.

Второй был просмоленным морским волком с изрезанными морщинами лицом. Даже сидя он держал себя прямо, расправив плечи, что вбивается долгими годами нелегкой офицерской службы.

Третий типаж, рыжеволосый, как многие островитяне, вел себя вальяжно, но это и выдавало его с головой — за аристократом стояли поколения благородных предков, а за тем лишь деньги, правда, очень большие.

— Сэр Чарльз обеспокоен развитием русской экспансии в Архипелаге! — «аристократ» вдохнул ароматный запах, шедший из кофейной чашечки, и добавил совсем иное. — Первый год мне не хватало нашего чая, но теперь я не мыслю жизни без арабского кофе.

Сэра Чарльза, близкого к премьер-министру, все трое знали великолепно, а потому не было нужды приводить его титул. Моветон...

— Совершенно с вами согласен, сэр. Кофе есть неизменный атрибут Востока. И не он один. Как водка свойственна этим москвитам, все еще остающимся варварами...

— На палубе, джентльмены, я предпочитаю виски. Но шайтан бы побрал этих магометан, мне приходится пить его тайком в каюте! — моряк не стал смаковать кофе, он его просто выхлебнул чуть ли не залпом.

— На Ямайке вы предпочитали ром, кэптэн! А здесь, джентльмены, нам придется пить только кофе! — аристократ чуть раздвинул тонкие губы в усмешке на слове «джентльмены».

— Надеюсь, что русские каперы не нарушат поставки, иначе бизнес может понести ущерб! — купец несколько оживленно пошевелил пальцами и потер ладони. Пристойным манерам его в детстве явно не учили.

— В Чесменской бухте собран мощный флот, что навсегда изгонит русских из Архипелага! — пророкотал моряк. — Два десятка кораблей для того достаточно, так что мои три остались здесь, в столице. Прах раздери этих москвитов!

Английские офицеры издавна служили на флоте султана, так что фески на рыжеволосых головах никого не удивляли, как и лающая ругань.

— Вы не правы, кэптэн. Их царь, — аристократ еле выговорил трудное слово, ибо титул императора за русскими властителями он не признавал, — пошел нам на значительные уступки.

— А потому правительство Его Величества помогает москвитам перевести корабли сюда из Балтики, — со смешком высказался моряк, — где они вскоре пойдут на морское дно. А сэр Чарльз снова поможет варварам собрать флот, построив его даже на наших верфях, а мы постараемся, чтобы новая эскадра разделила судьбу предшественников...

У аристократа не дрогнул ни один мускул, хотя собеседник попал в точку. Зато купец рассмеялся, потирая руки. Он и уточнил со смехом:

— Русские платят золотом, как можно отказать таким щедрым покупателям?! У них деньги есть — татарам дань прекратили платить!

Аристократ чуть поморщился — политика, конечно, дело грязное, но иной раз нельзя называть кошку кошкой. Да и крымские татары вызывали у него не меньшую брезгливость, чем их северные враги.

И османы — варвары, если взглянуть на них пристально. Раскинувшийся перед их глазами

огромный город до сих пор именовали Константинополем, не признавая турецкого Стамбула. Даже главная мечеть Айя-София перестроена из греческого храма, только минареты по углам поставили.

В обратную сторону англичане не смотрели, не очень приятно, когда слепит глаза восходящее на востоке солнце. Лучше уж любоваться городом и гаванью, забитой сотнями судов — торговля всегда приносила прибыль, это на Острове все усвоили с незапамятных времен.

Иркутск

— Я пришел попрощаться с вами, княгиня! — высокий офицер склонился над узкой ладошкой и чуть коснулся ее губами. Сильное тело, мышцы, распирающие темно-зеленый мундир сибирских стрелков, широкие плечи, на которых серебрились густые майорские эполеты, высокий лоб мыслителя.

Екатерина Дашкова улыбнулась — ей нравилась уверенность Григория Потемкина, он был красив истинно мужской красотой. И даже черная повязка, что прикрывала потерянный в злосчастном мятеже глаз, совсем не портила впечатление, наоборот, придавала молодому офицеру самый загадочный вид. Этим он и пользовался весьма беззастенчиво у местных дам — успех имел просто невероятный. Только от венца Гименея шарахался, как грешник от раскаленной сковородки.

— Я надеюсь на успех вашего предприятия, Григорий Александрович, — Дашкова улыбнулась краешками губ. Она прекрасно понимала, что бывший гвардеец сует голову в рискованное дело, но отнюдь не безнадежное — братья Орловы уже показали, как с малыми силами, но с бешеной энергией и кипучей страстью можно присоединить к России огромный и пустынный, но богатейший край.

— Я к осени обязательно достигну середины Амура, благо Албазинский острог мы уже восстановили, заложу город Благовещенск. В следующем году дойду до устья, как повелел нам государь!

Потемкин склонился в поклоне — уверенности и храбрости ему было не занимать. Выслужиться любой ценой, оправдать доверие монарха и возвыситься. Он хорошо знал прививаемый нынче принцип — «За Богом молитва, а за царем служба никогда не пропадут!», а потому перед любой преградой стоять не будет, все сокрушит на своем пути.

Княгиня уловила еще одно — «велел нам государь». Потемкин не дистанцировался от их семьи, он подчеркнул, что не мыслит обходиться без их помощи. А потому, если предприятие будет иметь успех, она с мужем получит от императора и свою долю похвалы.

— Вы отъедете сегодня, Григорий Александрович?

— Немедленно, Екатерина Романовна. Я зашел проститься и поскачу в Лиственничное. Там на струге переправлюсь через Байкал, а дальше до самого Сретенска без остановок. Не больше десяти дней пути. Не позднее пятнадцатого дня наша экспедиция начнет идти вниз по Шилке, а там по Амуру. Я и так потерял много времени, пока ждал винтовки, — теперь придется поспешать изрядно!

— Вы правы, Григорий Александрович! Но не наша вина, что оружие пришло так поздно — его везли из Перми, там завод...

— С Ижевска, ваше сиятельство. Но это почти рядом, — Григорий поправился — он понял, что совершил бестактность.

— Мой муж сказал, что солдат с такой винтовкой стоит пяти с обычными фузеями...

— Десяти, а то двадцати, ваше сиятельство, никак не меньше. Ваш муж прав, но он имел в виду пруссаков, а мне будут противостоять только китайцы, и то я не думаю, что у них по

Амуру есть такое воинство. А у меня целый батальон — полтысячи стрелков да еще казаки, дюжина новых пушек. И в этом только заслуга вашего мужа, глубоко мною уважаемого!

— Желаю вам совершить это предприятие! — княгиня милостиво протянула ладонь, прощаясь, но тут же вспомнила наказ мужа и произнесла весьма строгим голосом: — Только постарайтесь обойтись без большой войны с китайцами. Она нам пока не нужна. Нам нужен мирный Амур.

— Я выполню все, княгиня. Войны с китайцами не будет, по крайней мере я сделаю все, чтоб ее избежать. Прощайте, Екатерина Романовна!

— До свидания, Григорий Александрович. Пишите нам чаще. Да хранит вас Господь!

Петропавловск

— Не может быть?! Да откуда он взялся?!

Иван Орлов испытывал жгучее желание протереть глаза. Еще бы — кто-кто, но чтоб старый «приятель» Шванвич в эту даль приплыл?

— Опять морды бить друг дружке будем! — наконец поверил собственным глазам Орлов, машинально потер скулу, оскалившись радостной улыбкой. Девять лет назад тот ему славно «салазку» своротил, до сих пор приятно вспомнить.

Ох, как и гоняли они друг друга по всем вертепам и кабакам Петербурга, любо-дорого вспомнить...

Верзила Шванвич, единственный в столице, кто осмеливался противостоять братьям. Схватка с ним была чревата — тогда, застав Ивана в трактире на Петергофской дороге, тот его избил нещадно, вытряхнув всю наличность. Устоять не мог в одиночку даже самый крепкий из братьев, Алехан, — и его Шванвич лупил, как Сидорову козу.

Зато если здоровяка застигали врасплох сразу двое братьев — причем любых, они все отличались завидной силушкой — то уже супротивнику приходилось худо, редко когда на карачках выползал, чаще пластом лежал.

Мордобитие шло с переменным успехом три года, пока враждующим сторонам это порядком не надоело. Службу-то в гвардии нести надо, а как, если в лежку от побоев лежишь и глаза открыть не можешь, потому что очи багровыми синяками заплыли и губы варениками стали!

Аккурат за два года до переворота Орловы со Шванвичем заключили договор, суть которого была проста, как мычание. Если кого из братьев в одиночестве в кабаке поймают, то тот, не вступая в драку, вытряхивает карманы и убирается подобру-поздорову. Ну а если Шванвич попадется сразу двум братьям — то процесс сей уже относится к нему.

Соглашение строго соблюдалось, и лишь один раз было нарушено неугомонным «приятелем», но пьян он был зело и с грациями, в смысле девками кабацкими, любился, когда Алехан с Федей потребовали контрибуцию. Шванвич возмутился и был тут же свирепо избит, лишен девок и денег и вышвырнут на улицу. И нет бы ему уйти! Водка с обидой забурлила, и рубанул он палашом Алехана, подождав, пока тот выйдет во двор облегчиться от выпитого.

Хорошо, что пьян был — щеку только распорол да кончик носа стесал. Француз-хирург три операции сделал — спас нос брату, но чудовищный шрам на скуле остался. Оттого Алешку и стали называть «балафре», что с французского значит «меченый».

Шванвич, дожидаясь вендетты, расплатился с долгами, написал завещание, но Орловы не стали мстить. Верзила перед ними повинился, и с тех пор таких перекосов больше между ними не происходило, хотя морды иной раз друг дружке чистили, но уже под настроение...

— Ваньша, друг сердечный! — Шванвич выпрыгнул из шлюпки, прошлепал сапогами по воде и вскоре сдавил Орлова в медвежьих объятиях. Тот ответил тем же — только кости

захрустели. Сильно наобнимались, всласть.

— Не ожидал тебя увидеть, честно скажу! Полмира ты проплыл!

— Надоело хуже горькой редьки! — Шванвич довольно оскалился. — Хорошо на родной тверди стоять! Да и редьки бы не мешало поесть с маслицем, а то галеты сухие уже в рот не лезут.

— Будет тебе редька, с прошлого года осталась! И квашеная капуста, и пироги с картошкой и печенью. И мясо, и рыба, и прочее — земля здесь богатая, всего хватает, если не лениться.

— Ты здесь один иль из братьев кто есть? — Шванвич прищурил глаз. И тут же раскатисто рассмеялся.

— Один, один! — весело подхватил Орлов. — Морды бить не будем, ныне нам не по чину! Да и не столица здесь, а Камчатка! Лады?

— Лады! — охотно согласился Шванвич. — Но раз я гость, то кормить меня будешь, пока брюхо не вспучит. Но вначале баньку стопи! А потом и поговорим по душам. А сейчас постой, я мальчика из шлюпки заберу!

— Какого мальчика? Сын, что ли, твой? И как он дорогу осилил?!

— Узнаешь! — загадочно бросил верзила, повернулся и потопал по прибою, дополнительно вспенивая воду своими сапожищами...

На берегу царило веселье — от трех прибывших бригав, украшенных разноцветными флажками, отваливали шлюпка за шлюпкой, набитые уставшими моряками. Их встречало почти все население города, более тысячи человек. С крепости палили не переставая из пушек, словно празднество великое пришло. А ведь и не словно — действительно праздник, из далекой России корабли пришли, а в трюмах ой как много всего доставили!

Моряки «Надежды» обнимали матросов, то ли знакомцы были, то ли из извечной морской солидарности. Хлопали друг друга по плечам, веселились, громко смеялись. Будет сегодня весело в единственном трактире, знатен будет пир, не вместит он всех желающих погулять! А потому по домам матросы за накрытыми столами сидеть будут, за чарками полными...

Наместник Сойманов с адмиралом Эльфинстоном на берегу не стали обниматься, долго и чопорно раскланивались, вежливыми словами перебрасывались. Не имел англичанин широты русской души, не обтесался. Но дело свое знает добре — как обещал императору, что доведет корабли, вот и довел. Три из пяти только, но и это хвалы великой требует. Один бриг на камнях Огненной Земли потеряли, а второй в шторме пропал неизвестно куда, когда мимо Алеутских островов шли...

Гречиничи

— Ты такими города сделал! А этот в особенности. Любуешься? Есть на что посмотреть!

Знакомый голос ворвался вихрем в разум Петра, и он стремительно повернулся. Ведьма! Прошлый раз гибель Маши напророчила! Только куда делся ее возраст — моложе стала лет на десять, да и язык не поворачивается ведьмой назвать: улыбается, распущенные волосы развеивает легкий ветерок, одета в нарядное легкое платьице, на лебединой шее нитка настоящего жемчуга — на украшениях жены глаз набил, чуток разбираться стал.

— Люди приходят и уходят...

Она словно прочитала его мысли и печально улыбнулась. Горестная складочка собралась на краешках губ.

— Ты решаешь судьбу — мог пролить кровь, но оставил жить... — Она показала рукой на памятник у входа в университет. — Захотел прикоснуться к будущему — и они сотворили твой город. И не только Дашковы — многие выполнили предначертанное. Не обольщайся — ты лишь дал толчок, а события... Дела вершатся помимо тебя, но не без тебя. Хотя этого может не быть,

ничего не быть, творить или рушить — тебе решать! Один неверный шаг — и такого будущего не станет. Хотя если ты этого хочешь...

— Нет, не хочу, — хрипло отозвался Петр. — Мне нравится этот Иркутск, мне симпатичны его дома и улицы... И я даже не мечтал, что такими могут быть и люди...

— Тогда приготовься платить! — Она печально улыбнулась, лицо в один миг постарело на десятилетие, а голос стал тяжелым. — Или за тебя расплатятся другие! Там лежит книга. — Женщина махнула в сторону, платьице закружилось в воздухе перед его глазами, а голос, уже ласковый, обволок его душу. — Посмотри ее, она того стоит...

Петр машинально шагнул вперед, к книжному лотку. И повернулся...

Женщины не было, она растаяла в воздухе без остатка, исчезла, как тогда, в занесенной снегом подворотне. Исчезла, словно растворившись, как тают воздушные замки из облаков, проносящихся в голубой синеве, как Фата-Моргана...

На лотке лежало множество книжек в ярких переплетах, но внимание Петра привлекла одна, стоявшая с краю, — толстая, в черной обложке с золотым тиснением. Фамилия автора «двуствольная», она встречалась ему в *той*, студенческой, жизни. И тоже про фельдмаршалов Российской империи, вот только в название добавлены совсем иные слова.

— Во времена царствования Великой Четы — Петра III Освободителя и Екатерины II Благоверной... — медленно прочел он продолжение названия, и руки сами протянулись к книге.

— Можно посмотреть? — Петр опомнился и спросил разрешения у сухонького старичка с бородкой клинышком, что разморился на ярком солнышке. Тот моментально оживился:

— Конечно, молодой человек! Даже если вы ее не возьмете, дороговата для студента, то в библиотеке прочитаете. Приятно видеть, что молодежь продолжает интересоваться нашим славным прошлым...

Но Петр его уже не слышал, он впал в неопишуемое состояние. Перечень фамилий фельдмаршалов, помещенный в самом начале, сразу на целых пяти страницах, оглушил разум.

— Однако... — найдя в себе силы, пробормотал он еле слышно. — Офигеть!!!

В глаза бросились такие громкие имена, которым блистать на французском престоле или громко звучать на немецком языке. Нет, твою мать, они числились в русских фельдмаршалах. Он машинально перелистал страницы и стал читать, бубня себе под нос:

— Михаил Илларионович Голенищев-Кутузов, полный кавалер ордена Святого Георгия Победоносца, Светлейший князь Российского и Византийского императорского и Прусского королевского достоинства!

Последнее восклицание вырвалось произвольно — глаза сами убежали вперед и на другой странице уперлись в знакомую дату:

— 1 июля 1770 года в победном для русских войск сражении под Коринфом был тяжело ранен ружейной пулей в глаз, лишившись одного. Однако! Я его туда отправил, а он там глаз намного раньше потерял. От судьбы не уйдешь! Кха! Как говорят — кому суждено быть повешенным, тот не утонет! Твою мать?!!

Легкий ветерок подхватил бумажные листы и перевернул страницы немного вперед. Та же дата, вот только фамилия другая, до боли знакомая.

— Смертельно ранен при взятии Очакова ядром в правый бок... Скончался на руках генералов... Его последними словами были: «Достойная смерть для солдата!»

Что?!! Петр произвольно взвыл. Яркий день мгновенно потух, на город опустилась темнота. И холод, страшный холод, пронизывающий насквозь, обрушился ледяным тяжелым покрывалом...

— А-а!!!

Петр закричал что было сил и проснулся. Знакомый шатер, расшитый полог, стенки

просвечиваются румянцем восходящего солнца. И нет тлетворного запаха распоротых внутренностей, выжженной земли, тысяч убиенных. Он в Гречиничах, сюда его перевезли, как он и приказал после первого в супружеской жизни неудачного, а может, и счастливого, адюльтера.

— Ф-у-х! — с облегчением вздохнул Петр, и тут его пробил озноб. Он вспомнил сон. — Денисов!!!

— Я здесь, государь! — в шатер ворвался казак. — Я слышал, как ты проснулся, и побежал!

— Скачи в Очаков! Быстро, как только можно! Загони лошадей, бери моих рысаков. С заводными скачи! По пути забирай! Твори что хочешь!!!

— Зачем, государь?! — казак от удивления сделал шаг вперед.

— Сграбастай Миниха! Отволоки его от стен подальше. Старик не должен погибнуть при штурме! Спаси его — и требуй от меня что хочешь!

— Ты видел сон, государь?! — лицо Денисова перекосила страшная гримаса, и он заорал во весь голос, обращаясь к казакам, стоящим снаружи. — Взять лучших коней! Не мешкая!!! Первый десяток в седла!

Денисов повернулся к выходу, но остановился и громко попросил:

— Государь, пиши приказ фельдмаршалу, а то он не послушает!

— Сейчас! — только и ответил Петр и мигом уселся за стол, схватил перо и вкось стал писать по первому листу.

А Денисов облегченно вздохнул:

— Как хорошо, что мы вас сюда отвезли! Словно чувствовал — зато теперь на семь верст скакать будет меньше...

Керчь

— Огня не открывать всем кораблям, пока не подойдем к туркам на пистолетный выстрел!

Капитан-командор Кингсберген рявкнул настолько громким голосом, что стоявший рядом с ним лейтенант Ушаков невольно повернулся, обратив на командира взор с немим вопросом.

— У нас «морские» единороги, нужно бить в упор. Тогда тяжелые ядра разобьют борта этим шебекам, — уже тихо пояснил швед и ухмыльнулся. — Османов ждет неприятный сюрприз!

Молодой офицер чуть улыбнулся, это ведь был первый поход и сразу же бой. Ушаков немного волновался, как и любой другой моряк на его месте, но страха не испытывал, одно лишь жгучее нетерпение — ведь трем русским «апостолам» предстояло сразиться с пятью турецкими шебеками, на каждой из которых пушечных стволов было раза в полтора больше, чем на «новоизобретенных» корветах...

Осенью позапрошлого года молодой лейтенант получил назначение младшим офицером на строящийся на Новохоперской верфи корвет «Святой Петр». На Дону вот уже год шло лихорадочное строительство небольших по размерам кораблей с маленькой осадкой. В устье реки шли сплошные отмели, фарватер неглубок, можно чуть ли не вброд перейти, а потому вывести суда, даже малые, в Азовское море, весьма мелководное, можно было только в весенний паводок.

Дыхание приближающейся войны с Турцией ощущали все моряки и строители, а потому и торопились — работы на нескольких верфях шли днем и ночью, и Федор невольно вспомнил, как три четверти века тому назад здесь же, на Дону, царь Петр Первый лихорадочно строил свой знаменитый Азовский флот.

Но сравнивать, по сути, нечего. Тогда строили из сырого дерева, а оттого корабли получались тяжелые, ход плохой, мореходность еще хуже, да гнили быстро, а орудий хоть и по

полсотни на линкорах имелось, но самые большие в 24 фунта, и то в незначительном числе, а обычно на палубах стояли пушки в 12 или 18 фунтов.

А сейчас все двенадцать «апостолов» построили из заготовленного заранее и хорошо просушенного леса. Не валкие, хорошие ходоки. И вооружены прилично — по две дюжины новеньких 36-фунтовых «единорогов», столько же на верхней палубе любого нового «города» стоит.

Одна беда — мало таких орудий отливают, вооружить смогли только «донские» корветы. На «днепровских» трех «святителях» и на спешно достраиваемых балтийских «архангелах» старые пушки устанавливают, многие из которых во времена Северной войны отлиты и калибром мельче — от 8 до 18 фунтов. Трудненько им в схватках придется...

— Сваливаемся на турок! — громко сказал командор, и Ушаков напрягся. Шебеки приближались, но османы еще не стреляли, шла проверка, у кого нервы крепче.

А может, турки до сих пор пребывали в удивлении, увидев русский отряд в Керченском проливе? За долгие десятилетия отвыкли магометане видеть в здешних водах Андреевский флаг. Но ничего, пусть привыкают! В Таганроге под флагом вице-адмирала Сенявина уже полсотни вымпелов, пора показать османам и татарам, кто у крымских берегов хозяин!

Коринф

— С героев эллинских и нужно брать пример! Но как же измельчали их потомки!

Вопрос был риторическим, и потому на него не требовалось ответа. Кутузов скривил губы — у него уже давно возникло стойкое убеждение, что греки не способны воевать. Нет, набрасываться на турок с яростью они могут. Ненависть за столетия османского ярма в них накопилась лютая. Но, получив отпор, разбегаются как зайцы. И если бы не имелось нескольких тысяч русских десантников, то восстание в Морее турки бы давно подавили.

— Ничего, нам бы здесь надолго укрепиться, и даже с потомков Гомера выйдет толк. Обмундировать бы их всех, обучить, дисциплиной прижать — и янычар с таким воинством дубасить можно!

— Вы правы, господин майор! — отозвался Псаро, выполнявший при Кутузове раньше обязанности переводчика. Теперь Михаил Илларионович обходился без толмача — два года командования греками и особенно эти полгода в Морее довольно быстро научили его бегло разговаривать, хотя с письмом проблемы еще оставались изрядные.

— Турки с опаской к нам всегда относились, оружия ни у кого не имелось, кроме майонитов.

— С татей приличных солдат трудно сделать. Они уже вкусили безначалие и привыкли к грабежу. С таких роту не сколотишь — лучше охотников и рекрутов брать. Хотя по отдельности они храбрецы.

Кутузов прищурил глаза — ветер поднял пыль, и было трудно разглядеть за выжженными солнцем холмами нарытые турками укрепления. Их и предстояло ему брать со своим отрядом, чтобы обойти османов с тыла. А сам город должны были штурмовать главные силы — греческий полк с русским батальоном, гусарским эскадроном и десятком пушек, которыми командовал генерал-поручик князь Репнин.

Левее за холмами и зелеными оливковыми рощицами загремели пушки, порывом ветра донесло русское «ура». Русские и греки решительно пошли на штурм, судя по тому, что турки оживились и забегали. По всей видимости, османы собирались на помощь своим, и такой удачный момент было грех упускать.

— Вперед, братцы! — скомандовал майор, и две русские стрелковые роты дружно поднялись и, рассыпавшись цепью, кинулись в наступление. Еще два года назад Кутузов счел бы

такую атаку безумством, но теперь считал ее основным тактическим приемом. Вооруженные «барабанками» стрелки не мешали друг другу, а огонь был настолько убийственен, что любое плотное построение пехоты было бы за считанные минуты истреблено с запредельного расстояния. Даже орудия в 3 и 6 фунтов выпускали ядра на меньшее расстояние и с гораздо худшей точностью.

За русскими двинулись три плотно сбитые колонны греков, усиленные десантниками. Еще один тактический прием — после того, как стрелки заставят противника рассеяться, колонны нанесут решительный удар.

Майор обливался потом, горячие струйки раздражали кожу, он постоянно вытирал платком мокрое лицо. Но остановиться и передохнуть нельзя, тогда турки получат столь нужное им время, чтобы собраться, опомниться от смятения, вызванного неожиданным нападением.

Впереди возвышалась насыпь, весьма невысокая — известные своей ленью османы едва подняли ее на два аршина. Напрасная надежда удержать русских — стрелки опрокинули турок штыками и пулями и с ходу ворвались в укрепленный лагерь.

— Аллах акбар!

— Ура!!!

Кутузов взобрался на насыпь и встал, широко расставив ноги. Увиденная картина боя ему понравилась — вялая контратака османов была отбита, стрелки собрали кровавую жатву. Теперь турки бежали почти все, лишь несколько десятков продолжали безнадежное сопротивление, даже несколько раз выстрелили из своих допотопных ружей.

Нет, новыми винтовками нужно вооружать всю армию, а не только егерей и стрелков. Тогда можно будет уверенно громить и вдесятеро многочисленного противника.

— Поручик Псаро! — крикнул Кутузов, зная, что грек находится где-то рядом. — Возьмите вторую колонну, не дайте им уйти!

Он улыбнулся — теперь участь Коринфа предрешена, город будет взят, а турецкое войско истреблено. Или сдадутся османы, бежать-то им уже некуда, ведь путь для отхода уже перекрыт...

— Ай! — страшная боль пронзила правый глаз. Кутузов машинально прикрыл его рукою, по пальцам потекла горячая жижa.

«Надо же, попали прямо в глаз... Так вот на что намекал император?!»

Мысль молнией пронеслась в голове, и мозг тут же скрутило болью. Светлый день превратился в ночь — безвольной куклой он упал на выжженную солнцем землю...

Юконский острог

— Ну и спать ты горазд, братка. Медведь позавидует!

Алехан дернулся — оскаленная индейская рожа, что пыталась отрезать ему голову, намотав волосы на кулак, неожиданно заговорила голосом Григория. Он от изумления дернулся еще раз и очнулся.

Брат оказался не мороком, а самым настоящим, доподлинным. Только на щеке покрылась струпьями кровавая ссадина да десница была перемотана тряпочкой, сквозь которую проступала сукровица.

— Гриша, брат! — радостно взвыл Алехан и рванулся. И тут же рухнул обратно на подушку. Голова нещадно болела, колено ломило — но даже такое пробуждение его обрадовало. Лучше лежать в знакомой комнатухе острога, чем на камнях с откромсанной головешкой.

Он вспомнил, как отчаянно сражался на вершине, как попали ему в голову. Вот только чем? Орлов машинально хлопнул себя по лбу. И попал не на прочную гладкую кость, а на огромную

бугристую шишку, что моментально ответила таким приступом боли, что глаза из орбит вылезли.

— У, твою душу мать в три загиба!

Алехан захрипел от боли, но обильная матерщина, вырвавшаяся из самого нутра, сразу приглушила страдания.

— Ты, Лешка, что носорог африканский, зверь чудный. Братку напоминаешь, что от царя-батюшки подсвечником в лоб получил. Кто хоть огрел тебя?

— Каменюкой колош один, — буркнул Алехан.

Шишка тут же запульсировала болью, и бывший конногвардеец облегчил душу языческим наследием славянских предков.

— Я его, тварюгу, со скалы сбросил — пущай полетает!

— Ну и хорошо! — одобрительно крякнул Григорий. И вздохнул. — Мы четверых похоронили вчера, да пятеро раненых. Да ты еще. Хорошо, что стрелой тебя в мякоть угостили, заживет до свадьбы. Ха-ха!

— А тебя как угораздило, братка?

— Тлинкиты у озера засаду нам сделали, но казаки их обошли. Твои выстрелы слышали, вот и не торопились. Знал, что они тебя не возьмут, с «барабанкой» ты. Но руку стрелой поцарапали — уже поджигать начала. Нашего изменщика, что колошей ночью в острог пустить хотел, взяли. Выпотрошили сучонка, все поведал. Тридцать семь их было, еще два предателя с бабой. Последних я лично прибил.

— А тлинкиты где?

— Четырнадцать вы с Кузьмой покойным положили, с вождем ихним...

— Вот они почему вокруг скалы крутились... — задумчиво протянул Алехан. — Казак прав был, что мы ихнего атамана прижучили.

— Верно, братец! Еще двадцать мы перебили. Двое незнамо куда и ушли. Боюсь, что в свои земли. А это сам понимаешь, чем пахнет!

Гречиничи

— И что вы скажете по поводу нарезных фузей, переделанных в винтовки, полковник?

— Они великолепны, государь! — Рейстер говорил с придыханием, чуть ли не цокая языком. — Не боятся грязи, пыль, если забивается, не мешает стрелять. Пламя не вырывается, как у «барабанок», затвор ходит свободно. Ни одного случая отказа, хотя у трех кулибинских винтовок каморы вкось встали. Двух егерей покалечило — а стрелки хорошие...

— Ну а недостатки у бер... у новых винтовок какие? — Петр чуть не назвал их берданками, уж очень похожие системы вышли.

— Пружина листовая слабая на выбрасывателе гильз. И магазин мал — нужно до шести патронов увеличить, как раз с полпачки будет. Заедание одно вышло, перекося патрона. Штык на одной болтался, паз неплотный.

— А говоришь, недостатков нет!

— Так они исправимы, государь!

— Лучше кулибинских, скажи честно?

— Намного, ваше величество! — немец посмотрел с вызовом, как бы говоря: «Я за свои слова отвечаю!»

— И дешевле на четверть с переделкой выходит, — со вздохом произнес Петр. Это была его ошибка, поторопился он с кулибинским изделием.

— А новые по цене еще дешевле выйдут. Вместо трех «барабанок» четыре таких. Больно много охтинские часовщики за механизм самовзвода требуют. Одна беда — в Ижевске

производство кое-как наладили.

— Так пусть и выпускают дальше! — Рейстер непонятно почему загорячился. — Кавалерию ими вооружать надо, с коня затвором много не надергаешь. И револьверы для офицеров нужны как воздух. Они же редкость несусветная, на всю армию пара сотен.

— Государственник ты у меня, — пробормотал Петр. На некоторую фамильярность он не обращал внимания, «ближний круг» все-таки, и покосился в сторону — фельдмаршал Румянцев ожесточенно писал за его столом. После гибели Гудовича именно ему было доверено разобрать бумаги, уж слишком важная была там информация.

— А ты что думаешь, Петр Александрович?

— Винтовка добрая, государь! — Тот оторвался от бумаги с видимым облегчением. — Их много нужно, а в Туле два десятка в день производить обещают. Но хорошо бы три десятка, а лучше четыре. Мы за десять лет ими армию перевооружим. А с барабанными механизмами пусть в Ижевске свои пять штук выпускают, но только револьверы, они нужнее. Возни меньше будет — ствол намного короче, потому легче делать, и гильзы меньше, их из латуни точить, заряд пороха в них слабее. Дальность-то не нужна для выстрела!

— Верно подмечено, — Петр восхитился прагматичностью фельдмаршала — вот что значит военная косточка. И когда он успел наперед решение выработать? Все замечает, глаз острый.

— Я тут, ваше величество, потребности армии в новом оружии прикинул, пока бумаги разбирал. Андрей Васильевич в корень смотрел — с такими винтовками плотные построения пехоты гибельны. Выкосят мгновенно, как мы янычар. А винтовок-то пара тысяч всего была, а османов в атаку кинулось двенадцать тысяч. Я трупы многие осмотрел — пули двоих или троих пронизывали за раз единый.

— Ни хрена себе! — только и пробормотал Петр.

— «Гремучий камень» продавать нельзя, государь. Иначе они такими же винтовками наших солдат убивать станут. Да и ваши «саморасширяющиеся» пули для нарезных фузей зело опасны. В Пруссии их уже выпускать стали. А там по всей Европе это добро разойдется, нам мало приятного будет. Одно хорошо — скорострельности нет, с дула заряжать ведь надо. «Гремучего камня» своего у них нет!

«Это что же я наделал?! — Только сейчас до Петра дошло, какие последствия вызовет „его изобретение“, на век опередившее время. — Предположим, что еще лет двадцать тайну гремучей ртути мы сохраним. Да нет, наверное, химики в Европе есть, сообразят, падлы, где собака зарыта. Лет десять выиграем, не больше, а там они начнут наверстывать упущенное. А потому сейчас нужно все реформы провести, как раз ко второй войне с турками успеем. Стой! А с чего ты взял, что история повторяться будет?!»

— Я тут предварительные наброски сделал, государь. Как нам лучше армию обустроить. Фузилеры не нужны — старые ружья дрянь, их продать побыстрее нужно. Всех новыми винтовками вооружить и в стрелки переводить. Пусть с неприятелем, у кого ружья старые, колоннами воюют, а против штуцеров цепями густыми, как егеря нынче супротив турок действовали. Гренадеров оставить, нарочно отбирать самых рослых, и гранат новых вдвое против прежнего им носить — при штурмах вещь незаменимая. В полки не сводить, дивизии батальон придавать.

Петр вытаращил глаза — генерал намного яснее излагал его собственные соображения. Еще бы — думал, что с новыми ружьями русские начнут соседей строить и равнять, а ведь те не лыком шиты, в обратку засветят.

— И егерей также батальон на дивизию, — фельдмаршал со скрытой усмешкой посмотрел на несколько растерявшегося Петра. — Те только россыпью воевать будут, а главное — разведку

неприятеля денно и ночью на них возложить. Тут они в самый раз будут. Я новый полевой артикул набросал, сиречь устав — как по-новому воевать нужно нам, только винтовок в достатке иметь. Посмотрите, государь. Тут мешкать нельзя — чем раньше войска начнем учить, тем лучше.

— Ага, — только и ответил Петр, мучительно соображая. И тут его осенило, он аж подскочил на кресле: «Зачем самому пыжиться, если настоящие профессионалы есть. Одна голова хорошо, а три лучше. Прямо Змей Горыныч получается. Тогда не так — Румянцев и Суворов военные гении, особенно последний, а потому пусть воз этот они и тянут в две силы. А я их направлять и контролировать стану — как товарищ Сталин».

От таких мыслей Петр воспрянул духом и воспарил. Закурил папиросу и стал думать, как бы половчее все это дело спихнуть.

— Ты, Петр Александрович, военную коллегия на себя примешь и все реформы осуществишь. Но после войны — фельдмаршал Миних меня просил уже несколько раз освободить его от этой ноши. Оно и понятно, далеко за восемьдесят ему, а вы молоды и энергичны. А посему — начинай немедленно трудиться, а для начала все свои соображения в письменном виде изложи. Неделю тебе, надеюсь, хватит?

Румянцев кивнул, но вот радостный порыв не сдержал, губы чуть дрогнули. Петр это заметил и усмехнулся:

— А сейчас давай начистоту поговорим, как нам дальше войну вести после вчерашней победы?

Константинополь

— Не может быть?! Да откуда они взялись на нашу голову?!

Кэптэн испытал жгучее желание протереть глаза. Еще час назад он обернулся и рассмотрел вдали надвигающиеся белые пятнышки парусов. Но солнце слепило, и он решил, что видит корабли из Скутари. Посмотрел и забыл... На свою голову.

Такие приземистые хищные силуэты он не видел ни разу на своей долгой морской службе. Откуда они взялись?

— Наверное, османы от Чесмы пришли с известием о славной победе? — задумчиво проговорил купец, и кэптэн взорвался на эти слова:

— Разуй глаза! У турок нет таких кораблей, я их флот знаю так же хорошо, как свою бутылку с виски. О! Проклятие!

Головной линейный корабль, а кто имеет три дека открытых пушечных портов, стал сваливаться в их сторону. За ним потянулись и другие шесть линкоров, за которыми порскнула дюжина мелких суденышек.

Солнце слепило глаза, но, сильно прищуриваясь, старый морской волк разглядел за кормой флаг, и его лицо побледнело.

— Белый флаг с косым синим Андреевским крестом?! — Волосы у кэптэна встали дыбом. — Русские!!! Они как-то прорвались через Дарданеллы!

— Не может этого быть! — Купец вскочил на ноги, покачнулся — от долгого сидения они с непривычки затекли.

— Вы же сами говорили нам, что они никогда не пройдут через турецкие укрепления?!

— Проклятие! — Кэптэн отмахнулся от собеседника и заорал во все горло, мешая английские и турецкие слова: — Алярм!!! Живее, сыновья шелудивой собаки! Иначе гяуры подпалят вам сейчас задницы! Быстрее, шлюхины дети!

На разленившийся под жарким солнышком экипаж брань капитана подействовала ударом хлыста, да по оголенным ягодицам. Турки завопили хором и шустро забежали по палубе,

откатывая орудия на колодообразных лафетах для заряжания.

— Поздно... — тихо прошептал аристократ, с презрительной миной взирая на захлестнувшую всех панику. Он сам даже не привстал — негоже показывать простолюдинам, тем более иноверцам, страх.

Однако поднявшаяся суматоха тут же прекратилась — русский корабль обволокли густые клубы дыма, и уши заложило от чудовищного грохота десятков орудий. И начался ад...

— Помогите! — англичанин выплюнул морскую воду, что обжигала рот, и крикнул что было сил. Барахтаться с раненой рукой весьма неприятное занятие, особенно когда понимаешь, что силы уже оставили и придется уходить на дно, а этого ему очень не хотелось. Выжить в горящем аду, найдя спасение в море, — и утонуть?! Это уж чересчур!

— Никак наш барахтается? — крик матроса с проходящего русского фрегата он хорошо расслышал и взмолился. И Всевышний услышал — не прошло и десяти минут, как его под грохот орудий затащили на палубу.

Лишившись халата и фески, с закопченным в дыму телом, он уже не походил на аристократа. Но это и не нужно. Наоборот, опасно. А потому англичанин вульгарно выблевал из себя заглоченную воду.

— Ба, кого я вижу! Это сам сэр Ричард! — знакомый голос привел его в чувство. Это же Ставраки, его давний агент, полезно работающий долгие годы на правительство Его величества. Однако, проморгавшись, аристократ побелел, хотя под копотью это было не разглядеть.

На греке ладно сидел темно-зеленый русский мундир с погонами майора, а глаза отливали беспощадной веселостью.

— А я вас ждал, сэр! И искренне рад нашей новой встрече! Правда, взаимности вам не обещаю — слишком хорошо вы нам пакостили!

Очаков

— Виктория! Господин фельдмаршал, чудесная виктория!

Миних облегченно выдохнул воздух, ведь до того затаив дыхание он напряженно смотрел на запыленного посланца, прибывшего от императора. И тот, словно поняв бушевавшие старика мысли, крикнул прямо с седла.

— Слава Господу! — Миних с облегчением перекрестился и тут же спросил: — Где и когда?!

Гонец тяжело сполз с коня, покачиваясь на ногах, расстегнул китель и достал футляр с письмом. Миних его взял, но вскрывать не стал — только прикоснулся блеклыми старческими губами к императорской печати.

— Позавчера перед рассветом атаковали турок с фронта главными силами и гвардией у села Фильконешти, что на Кагуле, а дивизии генерала Суворова пошли в обход. Конницу, сипахов и татар рассеяли пушками, а янычар расстреляли из винтовок. Они только до апшеронцев смогли добежать, а там их всех и положили. Его величество сам повел своих гренадер в атаку и выручил полк из беды!

— Надеюсь, государь не ранен?!

— Янычары разрубили на нем каску и кирасу, но проникающих ран нет, хотя внешних очень много. Государь крови достаточно потерял, ослабел немного, — гонец помедлил, сглотнул. Пыль забила глотку — за сутки двести пятьдесят верст проехал. Добавил осторожно: — И скорбит — генерал Гудович погиб смертью храбрых, поведя Преображенский и Семеновский полки в атаку!

— Жаль Андрея Васильевича! — Миних сказал с видимым огорчением. Он знал, как Петр Федорович относился к своему начальнику штаба. И старик истово перекрестился, отдавая долг

погибшему.

— Турецкий лагерь окружили и сожгли ракетами, он еще горел, когда меня к вам отправили с пакетом, господин фельдмаршал!

Миних открыл футляр, вытащил письмо, крепкими пальцами разорвал конверт. Писал Румянцев — почерк и подпись он узнал сразу. Прочитал — брови гневно сошлись на переносице. Перечитал еще раз и заскрипел зубами от сдерживаемой ярости.

— Виктория небывалая, господа! — старый фельдмаршал повернулся к стоящим на некотором отдалении генералам и офицерам осадного корпуса. — Сорок тысяч осман перебито, много турок и татар утонули в Кагуле — река забита трупами и чуть не вышла из берегов. Тысячи трупов лежат в сожженном ракетами лагере, но пересчитать их пока невозможно — турки только начали сдаваться в плен. Их было полтораста тысяч — они рассеялись как дым. Армии великого визиря больше нет — только немногие смогли спастись бегством. Наших потерь и одной тысячи не наберется. Вот так воевать нужно, господа!

Восторженный гул волной прошелся среди собравшихся, но тут же прервался. Увидев ожесточившееся лицо фельдмаршала, все разом замолкли. Старик повернулся назад и увидел, как от стен дымящегося от трехдневной бомбардировки Очакова быстро пошли два офицера, сворачивая белый флаг. И все для него сразу же стало ясным.

— Мы послали к сераскиру парламентаров с требованием о сдаче. Вы видите — он отказался. Государь мне пишет, что живот даровать тем, кто о пощаде просит. Сераскир отказался — участью Бендер пренебрег. А потому приказываю войскам, мне врученным...

Старик остановился, цепким и строгим взглядом обвел генералов и офицеров. Те сразу подтянулись, лица стали решительными и суровыми — штурм много крови отнимет, это все понимали ясно.

— Возобновить обстрел немедленно! Через три часа, по красной ракете, колоннам идти на приступ. Гренадеры и охотники впереди. И еще одно — император Петр Федорович приказывает... Тех, кто о сдаче не помышляет, — бить без жалости. Город отдаю на три дня!

Лица солдат и казаков, что на отдалении прислушивались к громким словам фельдмаршала, моментально вспыхнули ликующей радостью. И тут же по солдатским рядам пошел гул:

— Три дня на город дал!

— Братцы, Живодер расщедрился!

— Ужо оторвемся, станичники!

— Погуляем всласть!

— Наконец-то подобрел!

Фельдмаршал усмехнулся — он знал солдатское нутро. Разграбление взятого штурмом города — дело обычное. Распаленные яростью и озверелые от своей и чужой крови солдаты всегда бесчинствуют. Так зачем их сдерживать — ведь правильно государь ему отписал — если враг не сдается, то его уничтожают. Такой кровавый штурм туркам уроком станет, и более коменданты других крепостей упрямыться не будут. Османы жестокость сами понимают и одобряют, иного не приемлют.

— Очень надеюсь, господа генералы, что солдаты будут достойны вашей храбрости, какую показывает его императорское величество, не жалеющий сил и крови для победы русского оружия!

Генералитет от слов фельдмаршала посуровел лицами и угрюмо засопел. Кому хочется прослыть трусом, а потому пожелание фельдмаршала было, по сути, приказом возглавить штурмующие колонны. Могут, конечно, и убить при штурме, но на миру и смерть красна, зато слава будет принадлежать только храбрецам, что османскую ярость переломят.

— Флоту атаковать совместно с войсками, — Миних повернулся к стоящему в одиночестве моряку в черном мундире с серебряными погонами. Он его запомнил по дерзкой ночной вылазке, когда удалось взорвать турецкие корабли, и приказал командору оставить дерзкого капитана у него для связи с флотилией.

А на самом деле выполнил тайное указание императора — если ночной подрыв будет удачным, то под любыми предлогами, но не четким прямым приказом, сих моряков к бою не подпускать, пока он сам к Очакову не прибудет после баталии.

— Я видел, как вы шестовые мины на учениях ловко под днища кораблей подводите и с грохотом взрываете. Сейчас в настоящем деле их и опробуйте, не баржи вам подрывать все время, а потому атакуйте всеми силами турок в лимане!

— Есть атаковать всеми силами!

Лицо моряка и просветлело, и ожесточилось. Семен Хорошкин прекрасно понимал, что даже под прикрытием дымовой завесы только одна из трех полугалер сможет ткнуть шестовую мину под борт. Остальных турки потопят. Но и слава будет яркой!

Одно плохо — ему самому в атаке участие никак не принять. Фельдмаршал повелел все время быть рядом, дабы вовремя разъяснять, что происходит в лимане. Оно и верно — морское дело сложное, и согласовывать действия осадных войск и флотилии нужно умело.

Семен Хорошкин отошел от Миниха на несколько шагов, и тут одновременный залп осадных орудий оглушил его и заставил ускорить шаг. Кораблям ведь тоже было нужно время, чтобы лучше подготовиться к атаке.

Петропавловск

Иван глянул на красную распаренную морду Шванвича и улыбнулся. Баню ему умельцы местные строили, да и сам он им помогал собственными руками. А как иначе — без хозяйского догляда баловство будет сплошное, да и с кого потом спрашивать. Без бани в этих краях нет жизни, тоска сплошная. Первым делом здешние казаки, как на место приходят, часовню ставят, а потом завсегда баню. И только после этого жизнь начинается — дома строят, государевы амбары, частокол от лихих людей да многое другое, без чего острог жить не может.

— С легким паром тебя, пенитель морей, — ехидно поприветствовал Иван Шванвича. Тот уже напарился досыта, вымыл потом мальчонку, и они втроем сидели за столом в чистом белье и подштаниках. Чего чины соблюдать, раз у старинного если не друга, то приятеля находишься!

Тем паче решили в обширном предбаннике «обмывание» совершить, плавание отметить. Таков обычай. А завтра наденут они форму новую, шпаги на себя навесят, новомодные эполеты на плечи лягут — и вперед, на бал к наместнику. Хотя данное мероприятие с петербургскими не сравнить — танцевать могли лишь два десятка проживавших в городе бывших гвардионцев да несколько их жен, что с супругами в ссылку отправились. Даже величайшую ценность с собой привезли для музицирования — клавесин.

А местный «свет» — купцы, штурманы, казачьи пятидесятники, пообтесавшиеся в их кругу промышленники из Иркутска и Томска, понятий никаких не имели о шляхетской культуре — плясали до упаду под рожок да балалайки с бубнами. А про политес только несколько лет назад узнали, благо гвардейцы учителями стали первыми...

— Ну, ты, брат, и живешь. Богато! — Шванвич выдохнул, сглотнул, дернув кадыком, жадными глазами взирая на накрытый служанкой из местных камчадалов стол.

— Это тебе не в Петербурге у сенаторов кормиться, — чуть сыпанул «соли» на душевные раны «заклятому другу» Иван. — Это Камчатка, за тридевять земель!

Но похвалой Шванвича остался доволен. Стол действительно выглядел богатым — хотя

кладовые обшаривать пришлось. Рыба была всевозможная — море здесь кормилец добрый — жареная, вареная, соленая, копченая, запеченная в сухарях. И мясо — но дичина, коров и свиней у горожан было мало, и приготовлена не хуже рыбы, у самого от аппетитного вида слюнки потекли. И хлеб, еще горячий, пышный, ароматный. И попить было что — шипучий квас, морсы из прошлогодних ягод, медовуха из привозного от Иркутска меда, хлебное вино доброй перегонки — водочка получилась отличная, на травах настоящая, медком приправленная.

Но это так — легкий перекус.

А дома их ожидало настоящее застолье, с ущицей и кашами, даже салат один сообразил повар, да неизменная рыба с мясом. И напитки те же — обильно, но скудно, выбора не имелось. Как говорят — чем богаты, тем и рады. Не Петербург с его разносолами и французским вином. Последнее до Камчатки два года везти надо, в пути все перемерзнет, разболтается — уксус сплошной, а не вино...

Ели долго, болтали о петербургской жизни, всякую всячину Шванвич рассказывал о своих морских путешествиях. Пили водку, но не пьянели — так было хорошо за разговором. Только малец, паренек лет восьми, как наелся, почти сразу задремал за столом, и матрос Шванвича с великим бережением отнес его в дом, уложил в мягкую постель.

Орлов раз пять пытался выбить у собеседника, чей это ребенок, но тот продолжал играть в молчанку, только улыбался загадочно. Обиделся Иван, но Шванвич первым заговорил с усмешечкой.

— Да уж, удивил ты меня, Ваньша. Про мальчика все выпытываешь, а что так на него странно смотришь?

— Да мне он братца Федюню напоминает шибко, тот в детстве босоногом такой же был!

— Новость для тебя и братьев твоих есть! Очень важная! Мне ее сам государь поведал.

— Какая?! — Иван чуть привстал.

— А такая, что отдашь ты мне свой дом и хозяйство, граций своих туземных, а то по женской ласке я шибко соскучился!

— А шиша не хочешь? — Иван опешил от слов Шванвича. — Ни хрена себе — своих бабенок отдай дяде, а сам иди к б...

— И должность свою комендантскую отдашь! — Собутыльник словно не заметил искреннего возмущения Орлова. — Я государем-императором на должность сию назначен. Указ тебе наместник завтра прочтет, так что не обессудь. А сам отправишься комендантом в Петровскую крепость на Кадьяк. Твой брат Гришка губернатором тех земель назначен!

— Это не новость, про Гришу я знаю...

— Тем паче, — бесцеремонно перебил его Шванвич. — А взамен получите свой бриг, на который вы уже глаз положили, и добра всякого, что мы привезли. Но не это главное.

— А что? — Иван чуток успокоился — с него имущество вытребовали, как в Петербурге наличность, но и в ответ не поскупились, щедро одарив. Право слово, за последние годы старый «друг» сильно изменился в лучшую сторону. Подобрел, что ли?!

— Сейчас узнаешь, — неожиданно тихо промолвил Шванвич и настороженно оглянулся. Затем встал, подошел к двери и раскрыл ее. Хмыкнул — там никого не было.

— Подслушивать я своих людишек отучил, — только и сказал Иван, поняв, в чем суть таких действий.

— Тогда ладно. А то сам знаешь, что в старину про такое говорили — «государево слово и дело»!

Гречиничи

— Я намерен анекдот один вспомнил, Петр Александрович. — Петр вытащил из пачки

папиросу. — В английской газете был напечатан, когда война за испанское наследство шла. Мои деды тогда меж собой в Северной войне сцепились. Так вот, в газете эти войны описаны были в виде карточной игры — сидят монархи за столом и в карты свои смотрят, думу думают:

«Имею недурные карты при хорошей игре!» — размышляет английский король. А французский Людовик мается, все гадает, выиграет он или проиграет, уж больно карта неважная.

«Странное дело — выигрываю постоянно, а прибыли никакой!» — так размышляет над игрой шведский Карл. А Петр Алексеевич хитро улыбается, думу думает: «Играй, брат Август, я за тебя еще поставлю!»

Румянцев так заразительно рассмеялся, что Петра самого проняло — хихикал, как ребенок. — Тогда, ваше величество, ваш царственный дед правильно делал, ссужая курфюрста саксонского и короля польского Августа деньгами и давая ему русских солдат. Карл увяз в Польше, гоняясь семь лет за поляками, а Петр Алексеевич это время с пользой великой использовал — на Балтике твердой стопой встал, Петербург основал да армию подготовил. И спустя два года одолел шведов под Полтавой. Да, это так — великая польза за эти семь лет была достигнута!

— Это так! — после короткой паузы, что ушла на раскуривание папиросы, согласился с молодым фельдмаршалом Петр и спросил с лукавством: — А какой вывод из того мы должны с тобой сделать?

— Лучше воевать в коалиции, и чтоб союзник, что во врага превратиться может, основные потери нес!

«Твою мать! Ну и мозги у него! Суворов тактик великий, но этот стратег. Ведь в трех словах объяснил стратегию действий США и Великобритании в двух мировых войнах. Русские кровью захлебывались, страну разорили, а они все сливки сняли и жир нагуляли».

— Ну и как там соседи наши поведут себя?

— А вы, ваше величество, сами их подбиваете. Цезарцам выгодно, чтоб мы с османами себя обессилили в долгой войне. Но так, чтобы значимых приобретений от брани ваше величество не получил бы. Как случилось тридцать лет тому назад. А сами они по Дунаю захваты делать будут да в Трансильвании, пока главные силы Порты на нас брошены будут!

— Ты полностью прав, Петр Александрович, — с маской полнейшего хладнокровия произнес Петр, пребывая в обалдении.

«Но какой дар предвидения! Нет, это стратег, и он будет моей головой. Покойный Гудович, царствие ему небесное, жидковат супротив. А Суворов моей рукой станет — ему армию предстоит водить, которую Румянцев России создаст. Новую армию!»

— Пруссии сейчас война с нами не нужна, государь. Они еще от прошлой не отошли. И по большому счету, если вопрос с Восточной Пруссией урегулировать, то король Фридрих и его наследники воевать с нами не станут, потому что нет ни малейших выгод, одни сплошные траты. И пустые — ибо между нами и ими Польша...

— Которую я ему и предложил разделить в обмен на восточнопруссские земли. А заодно и Вене кусок от того пирога кинуть, — перебил фельдмаршала Петр и потянулся за новой папиросой. Разговор в таком ключе ему нравился все больше и больше.

— Даже так, — хмыкнул фельдмаршал, и глаза его загорелись. — Тогда вы совершили великий ход, государь. Отдать гонористых шляхтичей и взамен получить работающих немцев — эта задумка огромную пользу принесет державе вашей. Но, искренне надеюсь, земли, населенные тамошними православными, вы под свою царственную длань подведете?!

— А как же?! — Петр хитро улыбнулся. — Надо весь православный мир единым обручем стянуть, чтоб желающих куски от него отрывать не осталось. На исторических землях, где

когда-то сиял восьмиконечный крест наш!

— Так, — только и крикнул фельдмаршал и с уважением неприкрытым, как показалось Петру посмотрел на него.

— Они будут находиться под покровительством нашим и со своими властителями. Включать их в империю силой не буду, пусть народы сами решают. А что стянет воедино? Единоверие — это раз. Общая для всех беспошлинная торговля — два. Защита от османов, схизматиков и прочих иноверцев — три. Ну и четыре — свободное перемещение православных по всем землям. Вот тогда будет общая держава от Адриатики до берегов далекой отсюда на восток Америки.

— Молдаван вы, государь, присоединили. Греки и валахи впереди?

— Нет, не все сразу. Слишком велик кус — мы поперхнемся ненароком. Нам нужно татарскую угрозу навечно изничтожить, Крым в августе взять, не позже, и твердой ногою там встать. А затем его и «Дикое поле» освоить, православными заселить. Кубанью с Кавказом заняться. На то лет двадцать еще уйдет. Вот тогда мы православными народами, что под османским игом томятся, и займемся. А потому эту войну в следующем году прекращать нужно и взятое накрепко удержать.

— Ага, — только и крикнул в удивлении Румянцев, а Петр решил выложить карты на стол:

— А потому за Дунай вы не пойдете, но Валахию можно поцапать, но так, вяловато. И тамошних обывателей в наше подданство не принимать. Мы ее туркам обратно отдадим, чтоб им потерю Крыма переварить можно было. И греков я им отдам, но острова Архипелага за собой оставляю. Форты на Проливах они не дадут, а потому я их и потребовал.

— Раз мы уступку в том туркам сделаем, то обмен тоже потребовать можем! — воскликнул Румянцев. — А если Архипелаг за нами останется и наш флот там будет, то в любой момент мы можем дернуть султана за бороду! Вы гений, ваше величество!

— Не льсти, фельдмаршал, ибо тебе переговоры с ними вести придется. Но вначале еще одно поражение туркам нанеси, как только они новую армию соберут. И чтоб побоище было страшнее Кагульского. Винтовки новые получишь скоро — с заводов полтысячи привезут, и патронов в достатке, и дюжину новых пушек с особыми выстрелами. Хватит?

— За глаза, ваше величество!

— А я, корпуса Долгорукова и Миниха объединив, на Крым немедля пойду. Завтра уже выведу, гвардию на тебя оставив. Но ты сейчас не торопись, в порядок войска приведи. А за Дунай корпус Суворова отправь, пусть османов погоняет, да казаков придай побольше — те зорить неприятеля любят, а на турок давно зубы точат.

— Все сделаю, государь!

— Делай, фельдмаршал. Заодно и реформами займись, чтоб время впустую не пропадало. Нам его, ой, как не хватать будет!

Керчь

— Огонь! — крикнул Ушаков, и полуголые, в копоти, канониры ткнули горящими запальниками в пороховые трубки, торчащие из казенников «единорогов». Орудия оглушительно рывкнули, «Святой Петр» содрогнулся всем корпусом, словно подпрыгнув от морской глади.

Клубы порохового дыма скрыли проплывавшую мимо него шебеку, настолько близкую, что молодой офицер видел оскаленные яростью лица турок. Корветы все же подошли на пушечный выстрел, более того, они прошлись вдоль всей турецкой линии, лихорадочно перезаряжая орудия и всаживая по залпу в каждого остающегося за кормой «османа».

По палубе катались пустые свинцовые картузы, канониры отбрасывали их в стороны

пинками, чтоб не мешались. Ушаков тут же хотел на них прикрикнуть — мол, что вы творите, за каждый картуз серебром плачено, за потерю взыщут. Но не стал — в бою не до сохранности казенного имущества. А сии картузы и малая длина ствола «единорогов» позволили не просто увеличить скорострельность, а сделали ее впечатляющей.

Проплывая мимо шебек, корвет «угостил» каждую залпом. Турки ответили тем же и остались беззащитными, когда их в упор принялись расстреливать «Святой Павел» и «Святой Андрей Первозванный». Перезарядка турецких орудий в пять раз больше времени занимала, а потому бой они проиграли вчистую. Ушаков слышал только многоголосое рывканье мощных русских орудий, но османского ответа на них не было.

Лейтенант огляделся, и сердце сразу защемило. Его корвет принял на себя всю тяжесть боя и, проходя мимо шебек, от каждой получил по залпу. Фок-мачту снесло, на баке весело разгорался огонь, на окровавленной палубе лежали убитые и копошились израненные матросы.

«Святой Петр» потерял ход, паруса, изорванные в клочья, уже не ловили ветер, корабль ощутимо кренило. О продолжении боя не могло быть и речи — поползти бы до Таганрога, а там недели три ремонта потребуется.

— Право руля! — донесся зычный голос командора, и Федор понял, что его опасения верны — корвет выходил из боя. И тут за спиной рвануло, да так, что офицер чуть не присел.

— Хана турку!

— Взорвался супостат!

Ликующие крики матросов пронеслись по кораблю, и было от чего радоваться. Стоило рассеяться пороховому дыму, как перед глазами предстала удивительная картина — одной шебеки как не бывало, только обломки на воде плавают. Две другие напоминали языческие погребальные костры — «греческий огонь» страшная штука, намного опаснее, чем книппеля, и потушить его на деревянном корабле невозможно, ибо он сам пищей для огня уже служит, а водой не зальешь.

Четвертый «турок» сильно накренился, потеряв ход, — тяжелые русские бомбы разворотили ему корпус, проделав множество проломов, куда весело устремилась морская вода.

Пятая шебека удирала, бросив погибающих соплеменников. Вот только резвости у нее не имелось, вихляла из стороны в сторону — русские ядра разбили ей руль.

— Сигнальщик! — разнесся над палубой зычный голос Кингсбергена. — «Андрею» догнать беглеца, а «Павлу» добить подранка!

Ушаков злорадно усмехнулся — следующие за ними в кильватере русские корветы, укутанные белыми полотнищами парусов, совершенно не пострадали в отличие от флагмана, и вряд ли туркам удастся удрать и найти спасение в Керчи. Их быстро догонят — «Святой Андрей Первозванный» ходок изрядный.

— И как вам первый бой, лейтенант Ушаков?! — Командор улыбался, и было странно видеть таким его обычно угрюмое лицо.

— С таким молодцами я бы выгнал черта из ада!

Петербург

— «Не знатность рода, не бывшие заслуги, а токмо храбрость на поле боя да умелое командование войсками в победной баталии дают право на награждение сим знаком доблести»!

Императрица негромко дочитала статут ордена Святого Георгия Победоносца, отложила бумаги в сторону и посмотрела на небольшой ларец, увитый лентой с черно-оранжевыми полосками. Цвета дыма и пламени — настоящий символ войны.

Внутри на черной бархатной подкладке лежал большой эмалированный белый крест с медальоном в центре, на котором изображен святой Георгий на белом коне, пронзающий пикой

змея. Миниатюра символизировала неизбежную победу добра над злом. Рядом с крестом золотистым блеском отливала большая четырехугольная звезда с 32 лучами, в центре по кругу шел девиз ордена — «За службу и храбрость!».

Императрица улыбнулась — этот орден придумал муж, он же его учредил и сделал пробные знаки. И вот вчера Сенат торжественно утвердил новый орден Российской империи и произвел награждение им, отметив блестящую победу русской армии при Ларге.

Первую степень государственные мужи коленопреклоненно решили возложить на Петра Федоровича и ларец с орденом вручили ей в руки для передачи мужу и повелителю.

Вторую степень — тот же крест, но звезда в 64 луча и без ленты, — определили генерал-аншефу Румянцеву, что командовал армией. Третьей степенью, крестом меньшего размера для ношения на шее, первым наградили генерал-поручика Суворова и еще двух генералов. Четвертой — маленьким крестом на колодке для ношения на груди были отмечены заслуги двух десятков офицеров.

Но и это было еще не все — Като восхитилась предусмотрительностью мужа, который придумал и другие отличия, включенные в статут ордена. Совсем маленький белый крестик с темляком из черно-оранжевой ленты за боевые отличия прикреплялся к шпагам и саблям младших офицеров и прапорщиков и именовался Георгиевским оружием.

Для награждения солдат и унтер-офицеров предназначался «Знак отличия ордена Святого Георгия Победоносца», полный бант которых состоял из трех крестов, но уже без белой эмалировки. Первая степень чеканилась из золота, две другие из серебра, но вторая имела в центре золотой, а не серебряный медальон.

Като припомнила бормотание мужа, когда тот за столом рисовал эскизы, а она сидела за вышиванием золотой нитью воротника его мундира. Петр тогда произнес странные слова: «Пусть будет, как „Слава“, так лучше!»

Като оторвалась от созерцания белого креста, ласково погладив холодный металл. Впервые она была так искренне рада за мужа и думала о нем без той горчинки, что всегда присутствовала в ее памяти.

Тут ее мысли приняли иное направление. Новости, привезенные из Оренбурга, несколько шокировали. Франция начала мутить воду, желая помочь своему турецкому союзнику. Она любыми путями пыталась вызвать в России смуту, пуская слухи о чудесном спасении «императора Ивана Антоновича», изрядно снабжая золотом своих агентов, что в дополнение попытались устроить восстание казаков на Волге и Яике, дабы запольхал пожар крестьянской войны.

В очередной раз она восхитилась предусмотрительностью супруга, что заблаговременно принял меры и стал всемерно облегчать крепостное состояние. Впустую потратили деньги лягушатники. Крестьянских восстаний вот уже семь лет как не происходило, хотя в недавние времена матушки Елизаветы они были чуть ли не обыденным явлением.

А на Яике казаки отловили «царя Ивана» и сдали его властям. На дыбе в губернской Тайной экспедиции сей французский выкормыш оказался «маркизом» и масоном «высокого градуса» и для пущего страха назвался Пугачевым. Видите ли, с таким именем он решил Россию попугать серьезно. Не вышло, не таких видали!

Зато теперь руки у Като были развязаны — императрица, памятуя наказ императора устроить им все в «обратку», приняла меры. Стала писать письма во Францию тамошним «просветителям», ссужать их деньгами и на русское золото открывать типографии. Да еще вице-канцлер по своим каналам стал усиленно заниматься банальным вредительством, благо недовольных королевской властью во Франции было много, пруд пруди, все тамошнее «третье сословие».

— Муж мой хочет им революцию устроить, чтоб себе руки развязать! — негромко прошептала она и еще тише добавила: — А потому масонов ихних к нам пускать не надобно, пусть они у себя пожары устраивают. Им тогда не до нас станет. А для такого блага даже сотни пудов золота не жалко...

Слухи привычно заполонили столичные улицы, отражаясь в умах обывателей, что любили посудачить.

— Благоверного царя нашего Петра Федоровича сенаторы первую степень Святого Георгия попросили принять за победу над османами. А, Кузьма?! Как мыслишь, примет он от них али нет?

— А еще, любезный, наш любимый император, дай Бог ему всяческого здоровья и побед, сам орден утвердил и рисовал. Вот он — вечный труженик на троне, как и его дед Петр Алексеевич!

— Айда в кабаки, православные! Сегодня нужно святой крест нашего царя-батюшки хорошо обмыть. Одну чарку за так наливают!

— Ой, Матрена, радость-то снова какая. Государь повелел всем бабам безмерное облегчение сделать. Как дитятю родит, так по цельному рублю на младенцев давать будут. А на девку полтину. Это какие деньжищи-то?!

— Царь русская душа, все ножки его обцеловал бы! Ох ты! И царице-матушке, даром что немка — а русскую душу понимает!

Секретарь датского посольства Шумахер, нахмутив брови, старательно записал в свой дневник: «Победы русских в Архипелаге заставили задуматься всех в Европе. Может быть, монархи найдут возможность не дать усилиться русскому царю. Однако надежды мало — прусский двор стал проявлять лояльность к русскому императору, что сведет на нет все попытки австрийского цесаря. Страшно и подумать о том, ведь тогда Голштиния и Шлезвиг будут окончательно потеряны для датской короны».

Петропавловск

— Заберешь с собой своего племянша родного, Ивана Григорьевича. Ха! При крещении твое имя дали, как старшего дядьки. Полный твой тезка получается. Что пасть-то раззявил, Ваньша? А очи почто вылезли?! Не в то горло полезло?! Да ты никак подавился?!

Иван задохнулся от удивления, поперхнувшись куском дичины, и добрую минуту разевал рот, словно лосось, вытащенный на берег. Шванвич своей могучей лапой хлопнул его по спине — разом проскочило и полегчало.

— Так Миних не удавил сына Гриши и Ка...

Иван осекся, напоровшись на нехороший прищуренный глаз собеседника. Тайну отношений между императрицей и Григорием братья наружу не выплескивали — опасно сие!

Петр Федорович хоть простил свою жену и ее любовника, но за разговор о прошлых амурах мог осерчать и без жалости голов лишить. Нрав он свой уже показал, под стать деду Петру Алексеевичу, что кровушку лить не боялся.

— Государь наш не лиходеи, чтоб мальчика безвинного губить! — тихо, но веско произнес Шванвич. Взяв стакан с водкой, залпом выпил. Занюхал коркой хлеба и добавил: — Хотя ты сам должен понимать, что в интересах престола и державы Российской сие опасно. А потому скажи он... Нет, даже промолчи на предложение Живодера, вопрос решился быстрее, чем с Иваном Антоновичем. Да и вас не помиловали бы!

Орлов кивнул — последнюю историю он хорошо знал, в столице судачили. Правда, разговоры пару дней только велись, потом все разом в рот воды набрали — Тайная канцелярия не шутовала, и язык многих на дыбу привел, а потом и на плаху. Да и здесь, в Сибири, на эту

тему не распространялись — вроде велик край, но тут есть места и похуже Лобного места, да и донесут сразу куда надо. А потом загонят туда, где даже волки хвосты морозят.

— Твой племянник Иван Григорьевич вне брака рожден, от служанки простой, что во мраке неизвестно куда сгинула. Гулящая девка! Немка она была, оттого он в тех землях и жил! Так я ему рассказал. Отец его, твой брат, на дальней государственной службе, оттого и забрать не мог. Но сама императрица-матушка благость к слуге верному проявила — крестной матерью Ванятке стала. А как тот подрос, к отцу в чужедальние земли направила. И писать ему будет, и гостинцы слать, как любая крестная делает! Сие удивления не вызовет — у государей наших Петра Федоровича и Екатерины Алексеевны много крестных детишек, и обо всех они помнят, подарками наделяют!

— Я все понял! — глухо отозвался Орлов.

Он прекрасно осознал, что этого надо придерживаться всем братьям от «А» до «Я», к прошлому возврата нет и не будет. Пусть у племянника другая жизнь начнется, и не будет он знать тайну своего рождения. Так и целее, и здоровее будет — есть такие секреты, что насмерть выжигают, особенно когда престольных дел касаются — ведь у императора два законных сына-наследника...

— Вижу, что проникся! — удовлетворенно хмыкнул Шванвич и весело подмигнул. — А потому сегодня напишешь от себя и от имени Григория письмо государыне Екатерине Алексеевне, поблаговаришь ее за искреннюю заботу о крестном сыне, которую за нее есть кому проявить. И все! Ни слова больше. Хотя края эти описать не забудь, богатства. Да и государыне подарок сделай знатный. Она блестящее, как сорока, любит.

Шванвич подхватил с блюда черпачком зернистой икры, с наслаждением пожевал. С усмешкой посмотрел на задумавшегося Ивана:

— Письмо мне отдашь, я государыне отправлю и отпишу Петру Федоровичу, что уговор сей вы свято блюсти будете. Даешь слово за себя и братьев, Ваня? Ты голова у них, старший брат в отца место!

— Даю! И крест на том целую! — Иван встал, поцеловал нательный крестик и размашисто перекрестился. Ему сейчас не терпелось...

— Да иди же к племяннику, на месте ерзаешь! Посмотри, как спит. А мне уважуху проставь, что в целости и сохранности мальчика доставил. Граций своих зови, Ваня, я от женской ласки отвык!

— Спасибо, друг! Все тебе сейчас будет! А вечером мы за столом знатно посидим! Ты меня угощать будешь — хозяин-то в усадьбе сменился! То-то!

Гречиничи

— Графа Монте-Кристо из меня не вышло, пора переквалифицироваться в управдомы!

Фраза из любимой книги вырвалась сама собою. Сегодня он осознал, что полководца из него не выйдет — как был взводным сержантом, так им и остался, несмотря на то что напялил на голову императорскую корону. Не прибавляют ума чины-звания, тут мозги нужно. Хорошо планировать, зная будущее, но, как говаривал Наполеон, план существует только до первого выстрела, а там начинается сплошная импровизация...

— Кхе... Кхе!

Вспомнив гениального француза, Петр закашлялся — перед глазами всплыла книга, в которой корсиканец именовался достойным учеником Суворова, гениальным полководцем, одним из лучших его фельдмаршалов.

— А ведь он молодым лейтенантом на русскую службу просился. Вроде бы в последний год правления их Людовика, как раз перед революцией. — Память у Петра была хорошей, не

жаловался. — Не сошлись в чине — Бонапарт просил майора, а ему предложили капитана. Дурни, немедленно прикажу, чтоб полковника дали...

Петр осекся и расхохотался. Ведь Наполеону только годик один, ему еще расти и расти. Но не забыть бы указание архивистам дать — пусть через пятнадцать лет напомнят.

Права ведьма — одни люди уходят, другие им на смену приходят. Права — только переиграть ее нужно. Жаль, что книгу не прочитал, а так, скользнул взглядом по столбикам фамилий и титулов. А ведь история изменилась совсем! Другая история стала — без мировых войн и революционных бурь. И к этому он свою руку приложил. Нет, не так — все свои усилия приложили, и Россия совсем иной стала.

«А ведь процесс уже пошел, и первые результаты появились. Крепостничество на целый век раньше отменять стали — это же какие последствия для экономики будут, для культуры, для благосостояния?! Ведь Россия сейчас экономически не уступает Англии — но там промышленный переворот вскоре пойдет, паровая машина на заводы придет. И мы, в свою очередь, его начнем — свободные рабочие руки есть, ресурсов выше крыши. И золото имеется... Просвещать страну нужно, школы и университеты открывать. Так что займись ты лучше, братец, этим благим делом. Зачем тебе лавры Александра Македонского, когда у тебя его тезка Суворов есть!»

Петр настолько задумался, что не заметил, как Нарцисс шустро накрыл столик исходящими паром блюдами и встал рядышком.

— Государь, извольте покушать, — тихий голос арапа вывел его из размышлений, и он почувствовал зверский аппетит. Нервотрепка последних недель закончилась, и теперь организм прямо требовал, чтобы и ему уделили внимание, а не только подставляли плоть под стальные клинки.

Угоститься было чем — тут и горячая похлебка из мелкорубленной баранины, и запеченный гусь, покрытый румяной корочкой, из-под которой сочился горячий сок. И отварное мясо — телятина, судя по всему, — посыпанное свежей зеленью, и хрустящий, с поджаренной корочкой хлеб. А главное — молодая отварная картошка, посыпанная зеленым лучком. Не местная, молдаване ее не сажали.

— Из Киева доставили? — только и спросил Петр, показав на блюдо картофеля. За распространение этого овоща он взялся с удвоенной силою, и результат дал о себе знать. Теперь посадки пошли повсеместно, а это в случае неурожая зерновых — обыденное явление — могло предотвратить голод.

— Нарочный привез, — отозвался Нарцисс и водрузил на столик кувшинчик свежего, выжатого из черешни сока. Высунув от усердия кончик алого языка, набулькал в кружку, не пролив на салфетку ни капли.

— Будь здрав, боярин, — только и сказал ему Петр, а тот на привычное приветствие ответил также обычным:

— И ты здрав будь, великий государь!

Трапеза прошла в полном молчании — Петр неспешно насыщался и думал, пораскинув мозгами. О самом наболевшем — чертовых ляхах, как говаривал Тарас Бульба.

В его времени польской проблемы как таковой у простых людей не имелось. Живут где-то братья-славяне, так пусть и живут. Это у поляков нелюбовь к русским в глазах плескалась. Здесь же совсем иное. Нет, шляхта не меньшим, если еще не большим русофобством страдала.

Дело в том, что и русские с малороссами — «украинцы» и слова такого не знали — относились к кичливым ляхам с неприязнью, плавно переходящей в стойкую ненависть. Дело в том, что граница проходила по Днепру, и пусть в русской армии на это плевать с большой колокольни хотели, но факт такой есть. Хотя поляков нет — сбежали шляхтичи в большом

страхе от гайдамаков и казаков Максима Железняка и Ивана Гонты.

Сам Петр в отличие от своей супруги в *той* истории классовой солидарности проявлять не стал, так как закрепощать Украину, и левобережную, и правобережную, категорически не собирался. А потому крепко поддержал повстанцев, что уже выбили Барских конфедератов из Вольни.

Еще бы не выбить, если восемь гусарских полков из слободских казаков на мятежников было брошено. Теперь и на правобережье малороссийских гусар формировать начали, что вызывало гневные отповеди Варшавы.

На что вице-канцлер Бестужев отписывал, что Россия не будет смотреть, как ляхи режут православных единоверцев. И длинные перечни чуть ли не трехвековой давности приводил, указывая польские «вины и злодеяния».

От Ровно до Канева, что на Днепре, малороссы уже усвоили, что спасение в одном — под руку русского царя проситься, что вольности дарует, от ляхов убережет, и всех реестровых казаков в прежнем качестве оставит, и от души многими милостями одарит, хотя полки реестра в гусарские переименует на страх врагам.

На то причины были — иметь под рукою такую вольницу ему тоже не улыбалось, а потому, приняв советы людей знающих, решил казачество в регулярную силу на Украине потихоньку перевести. И с Запорожьем проблему решить — в Крым запорожские казаки войдут, пограбят там всласть, а вот дальше фигушки, он их оттуда не выпустит, как красные Махно.

Нет, убивать их не станут — просто предложат на выбор три варианта. Или переселиться на Кубань или на Дунай. В первом разе будет войско, на иждивении государства находящееся, во втором — вольная Сечь, на которую в первую очередь и придется главный удар турок. Или третий вариант принять — по примеру малороссов семейным казакам служить в слободском Запорожском гусарском полку.

Такая конница была очень нужна, одними донскими казаками никак не обойтись. А в дополнение из инородцев, что православие не приняли, волжских мусульман, татар и башкир, а также калмыков-буддистов, Петр начал уланские полки формировать на рекрутской основе.

«А ляхи... А что ляхи?! Фридрих их к прусскому орднунгу приучать будет — флаг ему в руки и барабан на шею в этом сизифовом труде! Наоборот все сделаем — у нас будет добрая прусская синица в руках, а он пусть получит польского дятла в свою задницу. Поляки те еще разгильдяи, русским в этом деле не уступят. Они с немцев крови попьют, но шляхетские восстания помогать подавлять мы не будем. Дураков нема! Если кто из наследников Фридриха взбрыкнет, то у нас козырь мощнейший будет. Говоря современным языком — оказание братской интернациональной помощи польскому народу в борьбе против немецких оккупантов и захватчиков! За вашу и нашу свободу, так сказать. А через полвека поляки, ну век, после длительного знакомства с немецкими порядками, о братьях-русских вспоминать с теплотой станут!»

Константинополь

Грейга переполняла гордость, отравляемая острой приправой жалости. Столица султана густо покрывалась дымами разгоравшихся пожаров, хотя вроде бы дома каменные, чему там гореть. Но прибрежные кварталы занялись огнем весело. Это и огорчало командора — Царьград ему было жалко, как и единоверных греков.

— А лейтенант Ильин молодец, — пробормотал командор, — снова кораблей поджег уйму своими брандерами!

Бухта Золотой Рог превратилась в огромное всепожирающее пламя, черный дым от которого заволок половину неба. Одна беда — в огне покрывались прахом и пеплом надежды на

будущие барыши английских, французских и других европейских торговцев, ибо их суда составляли большую часть топлива в этом погребальном костре.

Теперь вице-канцлеру придется долго отписываться и извиняться, но, на взгляд самого Грейга, «купцы» сами были виноваты. Идет война, и не хрен торговать с супостатом. Уверовали в безопасность поклонники Гермеса, вот и поплатились. Зато теперь какая «волна» пойдет!

Командор весело хмыкнул — Чесменский и Константинопольский пожары произведут на европейские дворы, чутко прислушивавшиеся к мнению торговцев, потрясающее впечатление. В этом моряк не сомневался ни на йоту. Еще бы — в одночасье в одном сгорел военный флот турок, а в другом сотни «торговцев», порт и добрая половина османской столицы.

— Чтоб турки надолго запомнили, что воевать с нами им и опасно, и накладно, — вспомнил он строчки из наказа императора, прочитанного три дня назад. Ну что ж — воля Петра Федоровича исполнена полностью: такое османы уже никогда не забудут, война пришла и в их дом!

Палуба под ногами подпрыгнула — линкор дал в сторону султанского дворца уже второй залп. Разглядывать его результаты Грейг не стал, понимал, что в дыму это трудно, да и время уже поджимало.

— Хватит, повеселились от души, — с усмешкой произнес моряк и повернулся к сигнальщикам: — Давайте красные ракеты! Уходим в Босфор!

Через несколько секунд в небо ушли красные «шутихи», и, словно по уговору, со всех других русских кораблей понеслись вверх такие же сигналы. Команда была понята и принята и означала только одно — флоту под всеми парусами уходить на север, в узкую горловину Босфорского пролива.

Константинополь горел, бухта пылала — со времен князя Олега русские еще не «навещали» так Царьград. Три турецких линейных корабля потоплены были быстрее, чем их команды сообразили, что происходит. Фрегатов, шебек и прочих перетопили с добрую дюжину — достигнута еще одна победа, не меньше Хиосской.

Теперь предстояло самое трудное — прорваться через пролив и выйти в Черное море, что когда-то Русским именовалось. Очень трудная задача, ибо одна пушка на берегу двух на кораблях стоит. Но выполнимая — Грейг уже убедился, что турки совсем пренебрегли службою в здешних благодатных краях, а потому вряд ли Босфорский пролив будут охранять лучше, чем столицу и Дарданеллы...

Очаков

— Что творят?! Что творят?! — Семен Хорошкин даже подпрыгивал от возбуждения. Как он хотел быть на полугалерах, среди отчаянных храбрецов, что, презрев смерть, кинулись на многократно сильнее врага.

Однажды он видел на охоте, как собаки обложили поднятого из берлоги медведя. Носились вокруг него, однако близко не подходили — одну из их товарок медведь убил ударом могучей лапы. Но здесь были не осторожные псы — большими осами атаковали турецкие линкоры утлые челны, жало которых было намного смертоносней.

Десять пудов аммонала, запечатанного в бочонок, прикрепленный на конце длинного шеста, уходящего вершиной под воду. Турки могли разрушить полугалеру ядрами, но смертоносную начинку мощей не хватит взорвать преждевременно. Да и не знали о том, а потому и подпустили вплотную, посчитав, что те, имея всего полсотни гребцов, сдуру пошли на abordаж.

Но, может, их ошарашила замаскированная батарея из шести 36-фунтовых пушек, что запалила «греческим огнем» один из линкоров. Получилось даже лучше — завеса от специально

подожженной русскими галеры смешалась с черным дымом горящего «турка», а потому «миноносцы» и подошли к турецкой эскадре вплотную и атаковали всей дюжиной — турки смогли выбить пушками только две трети дерзких корабликов — сердце Семена в эти секунды обливалось кровью.

Но затем у бортов сразу двух турецких кораблей взлетели высокие водяные столбы, и те сразу накренились, в зияющие проломы ринулась морская вода. Теперь их участь была предрешена — и пяти минут не пройдет, как поврежденные корабли лягут на борт.

Однако и смельчакам не повезло — лишь одна полугалера уцелела от взрыва собственной мины и как-то сумела отползти в дым, что укутал ее спасительным покрывалом.

— Но где еще два «миноносца»? — пробормотал Хорошкин, пытаясь разглядеть в дыму юркие силуэты. И тут ветер донес сразу два взрыва, столбы от которых взметнулись выше палубы большого линейного корабля.

— Вдвоем на одного пошли! — сообразил моряк, и тут прямо на его глазах турецкий корабль взорвался. Удачно шестом ткнули, под крюйт-камеру.

Это стало для турок последним доводом — потеряв ровно половину из восьми линкоров, «османы» дружно подняли все паруса и стали убегать из лимана. Продолжать драку с русскими они не желали, тем более что те изумили их необычным и сокрушающим оружием.

— Ура!!!

Вместе с артиллеристами Семен надрывал горло ликующим криком, но внезапно опомнился. Ведь его место рядом с фельдмаршалом, он должен ему рассказать о блестящей победе Днепровской флотилии. И Семен припустил со всех ног...

— Господин фельдмаршал! Четыре турецких корабля уничтожены, остальные ушли из лимана.

— Молодцы, что победу одержали! Доложу государю немедленно и о наградах достойных героям охлопочу!

Миних отечески усмехнулся — сердце старого солдата переполняло ликование. Он видел, как сотни зеленых мундиров перехлестнули ров и взобрались накатывающей волной на крепостную стену.

Хриплый русский мат, отчаянные призывы турок к пощаде, ибо слово «аман» хорошо слышалось, рев орудий и взрывы — все говорило о том, что еще четверть часа, и сопротивление турок будет сломлено.

Только засевшие в башне янычары продолжали драться с остервенением, стреляя из ружей, а иногда раздавался и пушечный грохот, и моментально башню заволакивало дымом. Но не надолго — ветер тут же относил белые клубы далеко в сторону.

— Никак казаки лейб-конвоя скачут?! — крикнул кто-то из ординарцев Миниха, и все повернулись в сторону, глядя за вытянутой рукой. Из пыли выскочили трое всадников, в руке одного была пика с развевающимся на ветру желтым флажком, знакомым всей армии.

— Да это же сам Денисов! — рывкнул Миних — к старости он стал хорошо видеть на расстоянии, зато уже не мог собственноручно написать письмо. — Неужто с государем что-то случилось?

Фельдмаршал непроизвольно сделал несколько шагов навстречу всадникам. И в этот момент башня снова окуталась дымом, турки выстрелили из пушки. Семен заметил несущийся в воздухе черный шарик, но крикнуть не успел, настолько все произошло быстро.

Ядро чиркнуло фельдмаршала в бок и улетело дальше, а старик рухнул на жухлую траву. Все бросились к Миниху — мундир на боку был разорван, с него ручейками брызгала кровь.

— Не успел!!! — От дикого отчаянного вопля все вздрогнули, а рядом с фельдмаршалом опустился на колени грязный Денисов с почерневшим от пыли лицом.

— Что с государем? — прошептал Миних, подняв глаза на казака. Старик был в сознании.

— С ним все хорошо! Он видел сон и послал меня уберечь вас! А я не успел! Чуток не успел!!!

— Он видит вещи сны... Их не обманешь...

Миних говорил с трудом, изо рта потекла кровь.

Фельдмаршал умирал, и все прекрасно это понимали. А Денисов в отчаянии вырвал у себя клоч бороды и ударил кулаком по земле.

— Не печалься... У меня достойная смерть, так царю и скажи. И еще — он дойдет до Царьграда, я это знаю... И люблю его...

Голос фельдмаршала слабел, но тут он поднял руку и громко, из последних сил, крикнул:

— Смотри!

Все дружно вскинули глаза — на башне развевался по ветру русский трехцветный флаг. А когда Семен посмотрел снова на Миниха, ему показалось, что тот уснул, с улыбкой на губах, как человек, хорошо исполнивший порученное ему задание...

Юконский острог

— Ты ешь, Лешка, тебе силенок набираться нужно.

Григорий пододвинул к брату блюдо с зажаренной в печи дичиной. Тот тяжело вздохнул, утроба и так была набита под завязку, принялся есть, уже давясь кусками. Спорить со старшими братьями Алехан не рисковал, но только в мелочах. В крупном деле к его мнению прислушивался даже Иван — несмотря на мощь, мозг у силача был изворотлив.

— Мыслю я, брате, уходить нам из острога нужно. Колоши месяца через два с новой отместкой явятся, а потому золотишко спасать нужно... Не дожидаясь, пока сто пудов намыто будет...

Алехан с трудом говорил, ведь он одновременно жевал мясо, а совмещать два таких занятия трудно. Но зубы у него были крепкие, так что жевал он быстро, и одно другому никогда не мешало.

— Ты одурел, Лешка! — Григорий даже привстал с лавки от возмущения. — Бросить острог с прииском мы не можем. Это ж сколько трудов прахом пойдет, в пепел обратится!

— Ты опять торопишься, Гриша. Дослушай меня вначале. Недельки через две тронемся — на людишек навьючим по два пуда золота, на коней прочий груз — котлы, одеяла, припасы на дорогу. Пойдем через перевал до Михайловского зимовья. Десять дней пути. Грузимся на струги и по реке до Александровского острога сплавимся. А там нас коч давно ожидает.

Алехан говорил с улыбкой, отправляя в широкий рот время от времени мелкие кусочки, что с хрустом пропадали. Сыто рыгнув, он неожиданно помягчел лицом и спросил:

— А сколько у тебя сейчас здесь золотишка, брат?

— Восемьдесят пудов в котле, это точно. Взвешивали. Еще с десятков пудов крупными самородками в башне да на прииске за последние дни пуда три песка намыли. А что?

— Ты обещал сотню пудов добыть, так в чем же дело стало. Еще две недели есть, пока у нас с тобой дырки подживут. Намоют мужики за две недели семь пудов еще?

— Пятнадцать, а то и двадцать намоют — жила идет богатая! — Григорий заулыбался, он понял, куда клонил брат.

— А в остроге я главным старшего Рославлева оставлю, справится. Да и расти ему надо — пускай воеводой послужит.

— Вот видишь, как славно получается. Две недели на поправку и добычу остатка, десять дней туда, десять обратно, да в зимовье дневку дать для отдыха. Итого пять недель получается. Мужики успеют вернуться и колошам встречу подготовить. А мы уж как-нибудь до острога

сплавимся, всемером отбиться можно. Ты да я и пять моих людишек, все с винтовками.

— Пока нас не будет, я в остроге казаков полдюжины крепким караулом оставлю, с воеводой. Справится, не вьюноша. Да и владыко пригляд строгий держать будет.

— Давай, Гриша, доделывай начатое, и в путь. Время не ждет. А про то «золотое озеро», брат, надо государю немедленно отписать, покойный мичман полезную вещь присоветовал. Мыслью, Петр Федорович нам сразу помощь окажет, знающих людей и снаряжение, чтоб под водой работать, даст. Есть оно у него — тот его сам видел. А нам, брат, предстоит начертанное императором выполнять.

— На Ситке город Ново-Архангельск основывать?! Ты же видел колошей! Мы им голову в пасть сунем, их там земли кругом.

— Зато тлинкитам не до приисков станет, а воевать нам есть чем! — Алехан показал на лежащие на лавке винтовки. — Здесь мы можем до тысячи пудов намыывать каждый год, а это же бешеные деньги. За эти пять миллионов, ну пусть три, с вычетом нашей доли, царь нам людишек с кораблями отправлять будет! Да, нас пока двести человек русских всего, но пять тысяч алеутов уже присягнуло. И других туземцев к присяге приводить нужно.

— Ты прав, Леша. С бригами и винтовками мы Ситку очистим и колошей усмирим. А если государь каждый год хотя бы по сотне человек присылать будет, то за десять лет мы весь край под его руку подведем! А золота здесь много, и, мыслю я, оно процветанию России хорошо послужит!

Петергоф

26 декабря 1770 года

Зажженные бочки со смолой и многочисленные факелы освещали длинный корпус Большого Дворца. Каскада фонтанов со знаменитым Самсоном уже не было видно — стройку по всему склону замело снежком, но с весной, как только пойдет первая травка, закопошатся сотни рабочих.

— Наконец-то! Приехал домой! Домой...

Петр спрыгнул с седла — конь тяжело водил боками, замаялся, сердечный, галопом без жалости гнал. До Гатчины в возке ехал, а там, как узнал, что Като с детьми в Петергофе, вчера после Рождества из столицы отъехала, взял у конногвардейцев лучшего рысака и погнал во всю прыть, нахлестывая плетью. Конвойные казаки отстали по пути, хотя на свежих коней пересели, лишь Денисов за спиной вываживал своего скакуна — тоже загнал, но шел всю дорогу рядом.

— Ваше величество! — радостно взревел дежурный офицер караула — взвод петергофцев, бряцая винтовками, поспешно строился у главного входа почетным караулом. Как чертики из табакерки, откуда-то вынырнули два конюха, взяли коней под узду и принялись бережно вываживать, что-то тихо нашептывая во вздрагивающие уши.

— Здорово, братцы!

Немного враскоряку, натер все же ноги, Петр направился к караулу. Те рывкнули в ответ так, что во дворце забренчали покрытые зимними узорами стекла, а пламя факелов брызнуло.

— Всем после караула водки по две чарки! Праздновать нынче будем весело, молодцы!

— Ура! Ура! Ура!!!

Не успели отгреметь солдатские луженые глотки, как послышался дробный топот — дюжина конвойных казаков все же догнала царственного беглеца, которому стало жалко их запаленных коней, исходивших паром.

Петр быстро пошел, почти побежал к огромным дверям, как тут они раскрылись, и на мороз в одном легком вечернем платье выскочила Като. Родимое лицо, светящиеся радостью большие глаза, рассыпавшиеся по плечам несобранные черные волосы.

— Петер!

— Роднуля! — Петр сжал ее в крепких объятиях, поцелуй ожег губы кипятком, и его сразу кинуло в жар. И запах, подзабытый запах волос закружил голову. Только сейчас его руки почувствовали, как дрожит в них самая желанная на свете женщина. — Что же ты на мороз ночью выскочила?! Почему не спала?!

Рывком подхватив жену на руки, он совершенно не ощутил тяжести. Правду говорят, своя ноша не тянет. И тепла дворца не почувствовал, настолько его колотило жаром. И жена вся дрожала, прижавшись к нему и цепко обняв руками за шею, так крепко, будто опасалась, что он вывернется из ее рук и исчезнет, и шептала по-немецки такие горячечные слова, что Петр почувствовал, что сходит с ума от охватившего его желания.

Ничего не видя, он нес жену в спальню чисто автоматически, ноги знали дорогу, а сам прижимал к себе мягкое тело. Ее теплые губы целовали щетину на его щеках, а слова расплавленным воском падали в душу:

— Мое солнышко, как я тебя заждалась!

Фрейлины порскнули от дверей опочивальни, лакей еле успел открыть перед ним створки, иначе бы Петр вынес бы его вместе с ними пинком. Он только оглянулся на секунду — верный Денисов понимающе мигнул глазами, одним жестом разогнав придворных, и положил ладонь

на рукоять сабли, как бы говоря: «Не беспокойся, царь-батюшка, сюда войдут только через мой труп», а другой рукой бережно и наглухо прикрыл за царственной четой тяжелые дубовые створки.

— Като! — только и прохрипел Петр, положив жену на широкое супружеское ложе. И больше ничего не сказал — все слова были запечатаны ее жгучим поцелуем. Обезумев от терзавшего его желания, и откуда только сила взялась, он ухватился пальцами за платье и рванул, издав животный вопль.

Ткань с треском разошлась, открыв глазам восхитительную грудь, в которую он тут же впился губами...

— Мы обезумели, муж мой...

Голос Като прозвучал с такой восхитительной хрипотцой, что Петр разом очнулся от наваждения.

Вот только сожаления в нем не было, одно ликование. Да и жена еле сдерживала рвущуюся наружу радость. Одеяло было откинута, горячее женское тело обжигало, и Петр начал мучительно соображать — это когда он успел раздеться, разобрать кровать и разоблачить женушку ненаглядную.

Чуть повернув голову, он жадно поцеловал жену, которая не менее страстно ему ответила, и с трудом оторвался от горячих губ и, всмотревшись в свою любовь, невольно закричал — у Като были вспухшие губы, шея, плечи и грудь в багровых пятнах засосов, с красными следами от его пальцев.

Покосившись на пол, он заметил разорванные ошметки платья и свою одежду, щедро разбросанную по ковру. Судя по золотистым блескам рассыпавшихся кружков, мундир он снял, отрывая пуговицы с корнем.

— Прости, — только и сказал, показав рукой на пол. Като тихо засмеялась в ответ, еще крепче прижалась, закинув горячую ногу ему на живот.

— Изголодался ты, мой родной! — тихо, с волнующим придыханием прошептала женщина и чуть громче добавила: — Знал бы ты, как я по тебе соскучилась?! Вдыхаю твой запах и не могу надыхаться. Я тебя сама вымою, можно?! И поесть надо, как же я за...

— Лежи, — он придержал рукой вскинувшуюся жену.

Сам понимал, что разит от него потом за три версты, и немудрено, сколько дней и ночей провел в дороге. И тут же сделал зарубку в памяти — связать страну реками хорошо, но проблемы зимой начинаются, когда лед встает.

— Погоди, я покурю. — Петр осторожно освободился от ласковых объятий, встал с кровати и нагишом прошлепал до заветного кресла. И остолбенел — в хрустальной пепельнице лежали три окурка, а рядом пачка папирос и спички. Это кто ж курил в царской опочивальне?

— Я их приказала оставить и не убирать, — от кровати донесся голос Като. — Знаю, что ты не любишь грязные пепельницы, но мне так было легче весь год. Подойду, понюхаю, и хорошо становится, словно ты рядом.

— Я люблю тебя, — только и сказал Петр в ответ. Вытянул папиросу и закурил, с наслаждением затягиваясь, ведь полдня не курил, если не больше. — Как дети, дела?

— Хорошо, муж мой. Спят они, не знали, что ты так скоро прибудешь. Я читала, когда шум услышала, — весь день места не находила, чувствовала, что счастье близко.

— Близко, — согласился Петр, затушив окурков и доставая новую папиросу. — Ближе, чем ты думаешь. Я на юг больше не поеду.

— Турки на мир согласились?! Ты будешь со мной теперь рядом?! — Жена вскочила с кровати, озаренная радостью. Ее нагое прекрасное тело снова вызвало у Петра острый приступ желания, такой, что с трудом сглотнул.

— Румянцев их сейчас до кондиции доводит. Прутского побоища им за глаза хватило, как и горящего Константинополя. Да и с Греции их Репнин выпихнул. Торгуются пока, но и мы уперлись. Хотя Грецию придется отдать, но взамен вытребовали право покровительства над всеми христианами. Так что повод для новой войны теперь уже нам искать не придется!

— Всю отдать? А как же Проливы? — охнула Като. Петр усмехнулся, над женщиной сейчас взяла верх императрица.

— Морья за нами остается, как и изрядная часть островов Архипелага, а потому форты в проливах нам не нужны. Мы их сами за глотку возьмем, если османы препятствия нашим судам чинить начнут. Вот так-то!

— А как с Крымом?

— Убиваются, что татары нам присягнули. Те, кто успел. Казаки сама знаешь что натворили. Но мы ни при чем — Дон мне номинальный вассал, как прежде Крым султану!

Супруги дружно засмеялись, и, утерев слезинки, Като спрыгнула с кровати, подошла к креслу и встала перед ним на колени. И с такой брызжущей из глаз любовью посмотрела, что Петр остолбенел. Такой он еще не видел жену — горячая в постели, она в постоянном общении была с ним чуть холодновата и никогда *так* на него не смотрела.

— Спасибо тебе, моя любовь!

— Это же мой долг!

— Не за то! За Ванюшу спасибо, что к отцу на Аляску ты отправил. Я ему письма и подарки уже отослала... — Ладони жены ласкали его бедра, но осторожно, словно женщина чего-то боялась.

— Это твоя кровинушка, Като, и я обязан был ее сберечь! — Петр погладил жену по голове. — С отцом ему будет лучше, станет настоящим Орловым. А наши дети с нами...

— Так будет лучше, я это сама понимаю... — тихо проговорила Като и неожиданно так сдавила ему кожу, что он чуть не вскрикнул. — Но прошу об одном — я хочу нарожать тебе сыновей. А где я их возьму, если тебя дома год не было? Но зато уже не сбежишь, я тебя никуда не отпущу!

Жена стала исступленно целовать его грязное тело, крепко прижавшись, а он не стал сдерживаться в ответ — это была его женщина, и телом, и мыслями, и делами, а теперь и душой...